

BO_m

$$\begin{array}{r} 955 \\ \hline 18 \end{array}$$

Suum cuique

Всякому свое

ИЗ КНИГ А.М. МАКАРОВА.

Доправки к делу А. А. Прозоровича
отъ въсѣхъ свидѣтелей и отъ
на суде отъ моего напутія.
Уланъ Козловъ.

6 июля 1929г.

г. Дни.

МАК ³¹

Баронъ ИВАНЪ фонъ НОЛЬКЕНЪ

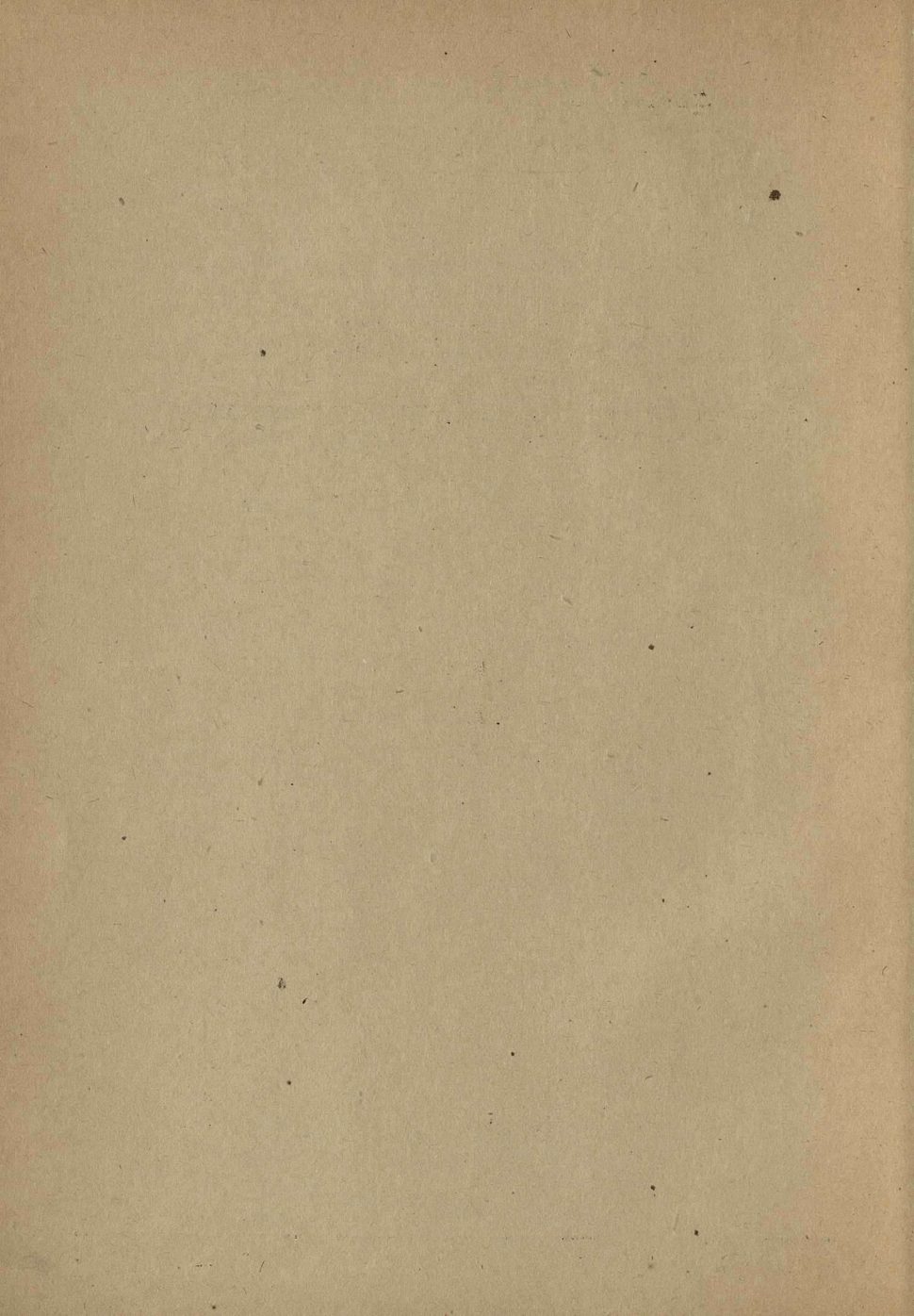

Всич $\frac{955}{18}$

$\frac{801-94}{11540-7}$

Строптивый Генераль-Адъютантъ

МАК 31

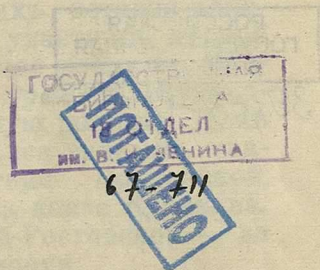
Вол 955 58
18

Баронъ ИВАНЪ фонъ НОЛЬКЕНЪ

Строптивый Генералъ-Адъютантъ

ИЗЪ ПРОШЛАГО

Издание М. Дидковскаго — Рига
Крѣпостная 43/45

1929 г.

Всѣ права сохранены
за авторомъ

Alle Rechte vorbehalten
Copyright by the author

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

39163-0

2010381999

Типографія „Vārds“ Рига
Бл. Плавучая ул. № 24
Телефонъ 23409

СТРОПТИВЫЙ ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТЪ.

Страничка изъ прошлаго.

Въ царствованіи трехъ послѣднихъ императоровъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ совершенно особое мѣсто занималъ свѣтлѣйшій князь Федоръ Ивановичъ Паскевичъ, единственный сынъ знаменитаго фельдмаршала Паскевича-Эриванскаго.

Фельдмаршалъ былъ женатъ на Грибоѣдовой, родственницѣ автора «Горя отъ Ума», и имѣлъ одного сына и трехъ дочерей. Старшая дочь вышла замужъ за Балашева, вторая — за князя Волконскаго, а третья — за князя Лобанова-Ростовскаго. У Балашевой было двое сыновей. Одинъ изъ нихъ остался холостякомъ и извѣстенъ какъ участникъ лѣсной компаніи на Ялу, вызвавшей войну съ Японіей, а другой женился на графинѣ Шуваловой. Ихъ сынъ игралъ крупную роль въ Думѣ послѣдняго призыва и считался виднымъ «націоналистомъ». Дочь княгини Волконской, Елизавета, вышла замужъ за князя Куракина, а дочери княгини Лобановой-Ростовской — за Скарятину и венгерца Околичани.

Князь же Федоръ Ивановичъ Паскевичъ женился на графинѣ Воронцовой-Дашковой, братъ которой былъ сначала министромъ двора, а потомъ намѣстникомъ Кавказа.

Изъ этихъ краткихъ данныхъ видно, что далеко не знатный, по происхожденію, родъ Паскевичей уже во второмъ поколѣніи состоялъ въ родствѣ съ самыми аристократическими русскими фамиліями.

Необходимо отмѣтить, что князь Федоръ Ивановичъ, хотя и былъ сыномъ не аристократа по крови, а генерала, выдвинувшагося благодаря своимъ способностямъ и благопріятному стеченію обстоятельствъ въ первые ряды государственныхъ людей, производилъ впечатлѣніе русскаго вельможи—аристократа самой высокой марки.

Службу свою князь началъ въ Преображенскомъ полку и въ молодыхъ годахъ еще попалъ въ генераль-адъютанты императора Александра II. Но тутъ вдругъ карьера блестящаго молодого генераль-адъютанта оборвалась неожиданнымъ образомъ. Произошло это въ шестидесятихъ годахъ въ эпоху «Великихъ реформъ». Группа дворянъ послѣ освобожденія крестьянъ подала государю петицію, въ которой проводилась мысль, что для блага родины слѣдовало бы предоставить русскому дворянству возможность принимать болѣе активное участіе въ разработкѣ законодательныхъ проектовъ.

Петиція успѣха не имѣла, и государь Александръ II обронилъ такую фразу:

— Мнѣ особенно грустно, что подъ петиціей, требующей нѣчто въ родѣ конституціи, подписался одинъ изъ моихъ генераль-адъютантовъ.

Эти слова императора услужливые придворные, конечно, немедленно передали Паскевичу, который обидѣлся и заявилъ:

— Если генераль-адъютантскіе вензеля препятствуютъ человѣку имѣть свои убѣжденія и

открыто высказывать ихъ, то я вензеля свои лучше сниму.

И дѣйствительно, князь Федоръ Ивановичъ вышелъ въ отставку и изъ блестящаго генераль-адъютанта превратился въ отставного генераль-лейтенанта. Случай исключительно рѣдкій. Не характеризуетъ ли онъ въ высшей степени наглядно твердость и независимость характера «строптиваго генераль-адъютанта»?

Много лѣтъ спустя, когда въ Варшавѣ состоялось открытіе памятника фельдмаршалу Паскевичу, на торжествѣ этомъ присутствовали Александръ II и сынъ фельдмаршала, князь Федоръ Ивановичъ.

У доброжелателей князя возникла мысль воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы примирить Государя съ опальнымъ бывшимъ генераль-адъютантомъ. Въ ходъ знатными родными была пущена придворная дипломатія и въ концѣ концовъ удалось устроить, что въ день открытія памятника князь долженъ былъ дать парадный обѣдъ, который обѣщали почитать своимъ присутствіемъ Высочайшія особы съ Александромъ II во главѣ.

Но, — увы, — маленькій инцидентъ разбилъ въ пухъ и прахъ всю хитроумную затѣю.

Во время торжества Государь, обходя и осматривая памятникъ, во всеуслышаніе обмолвился крылатымъ словомъ:

— Какъ жаль, что дѣти не всегда идутъ по стопамъ своихъ родителей.

— Совершенно вѣрно, Ваше Императорское Величество, — громко отчеканилъ князь Паскевичъ, бросивъ многозначительный взглядъ въ сторону императора и саркастически улынувшись.

— «Дуракъ» — прозвучалъ грассирующій голосъ царя-освободителя. Съ этимъ рѣшающимъ словомъ, разрушившимъ всю комбинацію примиренія, императоръ повернулся спиной къ строптивому генералу, не пожелавшему принять на свой счетъ замѣчаніе государя и позволившему себѣ намекнуть на то, что Александру II слѣдуетъ идти по стопамъ своего родителя, то есть Николая I.

Послѣ этого прискорбнаго событія прямо съ мѣста торжества князь Федоръ поѣхалъ къ себѣ и приказалъ разослать всѣмъ приглашеннымъ на обѣдъ извѣщеніе, что по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ назначенный обѣдъ отмѣняется.

Послѣ этого случая кн. Паскевичъ и при Александрѣ II, и при Александрѣ III, и при Николаѣ II держался вдали отъ двора и рѣшительно никакого участія въ придворной жизни не принималъ.

И все же домъ князей Паскевичей на Англійской набережной былъ однимъ изъ самыхъ аристократическихъ домовъ Петербурга и попасть туда считалось особой честью, особымъ отличіемъ.

*

Зиму кн. Паскевичи проводили въ Петербургѣ, а ранней весной переѣзжали въ Гомель, гдѣ у нихъ имѣлся замокъ, построенный знаменитымъ архитекторомъ Растрелли. Въ гомельскомъ уѣздѣ Паскевичи владѣли земельной площадью въ 85000 десятинъ, причемъ большая часть земли находилась подъ лѣсомъ.

Раньше Гомель принадлежалъ канцлеру графу Николаю Петровичу Румянцеву. Здѣсь у него было три великолѣпно обставленныхъ

дворца съ дорогими картинами и обширной библіотекой.

По пресѣченіи рода графовъ Румянцевыхъ имѣніе ихъ, какъ выморочное, поступило въ казну, но впослѣдствіи императоромъ Николаемъ Павловичемъ часть его, въ видѣ продажи, была передана генераль-фельдмаршалу князю Ивану Федоровичу Паскевичу, учредившему изъ этого имѣнія майоратъ, въ которомъ считалось 19378 ревизскихъ душъ. Это заповѣдное имѣніе, въ случаѣ пресѣченія потомства фельдмаршала, должно было перейти, по старшинству линій къ потомкамъ его по женскому колѣну, то есть къ Балашевымъ, а въ случаѣ неимѣнія ихъ, въ родъ брата фельдмаршала Степана Федоровича Паскевича. («Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи» Е. П. Карповича. Изд. 1885 г. Стр. 134).

Не могу не отмѣтить, что князь Федоръ Ивановичъ Паскевичъ попалъ даже «въ литературу». Тургеневъ въ своей повѣсти «Дымъ» посвятилъ ему слѣдующія строки:

... «Онъ поддакивалъ князю Коко, одному изъ извѣстныхъ предводителей дворянской оппозиціи, тому князю Коко, который въ Парижѣ, въ салонѣ принцессы Матильды, въ присутствіи императора, такъ хорошо сказалъ: «*Madame, le prince de la propriété est profondément ébranlé en Russie*» (Сударыня, принципъ собственности въ Россіи глубоко потрясенъ).»

А дальше Потугинъ такъ рекомендуетъ Литвинову князя Коко:

«А если вамъ непременно хочется почесать зубки насчетъ гнилого Запада, то вотъ бѣжить рысдой князь Коко; онъ, вѣроятно, спустилъ въ четверть часа за зеленымъ столомъ трудовой, вымученный оброкъ полутораста семействъ, нервы его раздражены, при-

томъ я видѣлъ, онъ сегодня перелистывалъ брошюру Вельйо... Отличный вамъ будетъ собесѣдникъ!»

О томъ, что Тургеневъ въ лицѣ князя Коко изобразилъ князя Паскевича, — въ семидесятыхъ годахъ («Дымъ» написанъ въ 1867) повторялось во многихъ петербургскихъ гостиныхъ.

*

Имѣніе моихъ родителей, гдѣ жила наша семья, находилось въ двѣнадцати верстахъ отъ г. Гомеля. Всѣ мы хорошо знали князя Федора Ивановича и княгиню Ирину Ивановну, были знакомы домами и очень интересовались жизнью этихъ русскихъ магнатовъ.

Нечего говорить, что для насъ, дѣтей, гомельскій замокъ со своимъ великолѣпнымъ, хотя и небольшимъ, англійскимъ паркомъ, представлялся чѣмъ-то сказочнымъ.

Дѣйствительно, лѣтняя резиденція Паскевичей являлась не только интереснѣйшимъ образцомъ архитектурнаго искусства, но поражала также своей роскошью и благоустройствомъ.

Особенно хорошъ былъ замокъ. Пожалуй, его нѣсколько портила пристроенная впослѣдствіи уже фельдмаршаломъ квадратная башня съ часами наверху и флагштокомъ, на которомъ поднимался флагъ, когда хозяева находились въ замкѣ.

Когда я впервые встрѣтился съ княземъ, мнѣ было лѣтъ восемь, а князю за пятьдесятъ. * Это былъ старикъ съ совершенно почти голымъ черепомъ и въ высшей степени характернымъ и породистымъ лицомъ, на которомъ особенно выдѣлялся носъ: очень большой, рѣдъ.

кихъ размѣровъ. Говорилъ князь громко, отчетливо, слегка грассируя. Тембръ голоса его имѣлъ совершенно своеобразный носовой оттѣнокъ. Этотъ голосъ я помню до сихъ поръ. Когда князь говорилъ по-русски, то замѣчался иностранный акцентъ. По-французски онъ говорилъ охотнѣе и свободнѣе, нежели на родномъ языкѣ.

Княгиня Ирина Ивановна вышла замужъ шестнадцати лѣтъ, при чемъ, какъ говорили, князь женился безъ всякаго увлеченія. Онъ отличался очень непостояннымъ характеромъ и тонко цѣнилъ женскую красоту. Княгиня же Ирина Ивановна красотою физической никогда не отличалась. Въ первые годы супружества ей часто приходилось страдать, такъ какъ мужъ ея имѣлъ много увлеченій на сторонѣ. Но съ годами князь превратился въ очень внимательнаго и образцоваго свѣтскаго мужа и въ домѣ воцарилась полная гармонія.

Свои обязанности жены и хозяйки «княгиня Ирена», какъ ее называли близкіе, исполняла съ удивительнымъ тактомъ и рѣдкимъ умѣньемъ.

Во многихъ отношеніяхъ это была женщина выдающаяся. Она страстно любила литературу и, владѣя въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, перевела «Семейное счастье» («Macha») и «Войну и миръ» Толстого. На главныхъ листахъ прекрасно изданныхъ романовъ красовалось: «Traduit par une Russe».

Свое знакомство съ произведеніями гениальнаго писателя, — помню отлично, — я началъ по тѣмъ французскимъ переводамъ, которые княгиня Ирина Ивановна подарила моей матери.

Отмѣчу интересную особенность. Княгиня Ирена, женщина въ высшей степени культур-

ная и просвѣщенная, очень равнодушно относилась къ музыкѣ. Когда впервые на императорской сценѣ шла гениальная опера Чайковскаго «Евгеній Онѣгинъ», княгиня послѣ премьеры въ присутствіи «сливокъ высшаго общества» и выдающихся представителей искусства чистосердечно высказалась о новой оперѣ:

— Je dirai peut-être une énormité, mais dans tout «On'egin» c'est seulement les couplets de Triqué qui m'ont plus. («Я скажу, быть можетъ, нѣчто несообразное, но въ «Онѣгинѣ» мнѣ понравились только куплеты Трике»).

Въ Гомелѣ Паскевичи жили настоящими владѣтельными особами. Не смотря на то, что князь никакой официальной роли въ Петербургѣ не игралъ, не только вся мѣстная администрація заискивала передъ нимъ, но съ нимъ считались всѣ могилевскіе губернаторы и попасть на завтракъ или обѣдъ въ замокъ было очень большою честью.

Какъ-то черезъ Гомель должна была проходить впервые молодая государыня Александра Федоровна. Наканунѣ Высочайшаго проѣзда одна мѣстная дама обратилась къ княгинѣ съ вопросомъ:

— Вы, вапа свѣтлость, конечно, будете на вокзалѣ при проѣздѣ государя и государыни?

На это княгиня Ирена съ тонкой улыбкой отвѣтила:

— Къ сожалѣнію, мы не знакомы, — и перевела разговоръ на другое.

Личность князя въ Петербургѣ пользовалась такимъ престижемъ, что рѣдкій министръ отклонялъ ходатайство, поддержанное княземъ. Въ Гомелѣ онъ состоялъ многіе годы до самой смерти гласнымъ городской думы и носилъ

званіе почетнаго мирового судьи, при чемъ лѣтомъ посѣщаль и засѣданія городской думы, и принималъ участіе въ засѣданіяхъ сѣзда мировыхъ судей.

Князь обладалъ способностью импонировать своему собесѣднику и въ обществѣ его побаивались. Онъ не любилъ, чтобы ему давали совѣты, хотя бы самые безобидные, считая это непрошеннымъ вмѣшательствомъ въ его личную жизнь.

Однажды, одна гомельчанка, къ которой Паскевичи относились очень сердечно, на вопросъ князя, почему она перестала курить, отвѣтила:

— Мнѣ это вредно! Доктора запретили. Вамъ, князь, куреніе также вредно. Хорошо будетъ, если вы послѣдуете моему примѣру.

— Какъ такъ я послѣдую вашему примѣру! — воскликнулъ князь (разговоръ этотъ велся на французскомъ языкѣ), при чемъ въ тонѣ его голоса почувствовалась такая иронія и такое негодованіе, что бѣдная дама совершенно смутилась и начала бормотать какую-то чепуху, стараясь замаять свою «безтактность».

Даже совѣты врачей своихъ свѣтлѣйшій не желалъ принимать во вниманіе и считался ими строптивѣйшимъ паціентомъ. Упрямство князя ускорило его кончину, которая послѣдовала въ самомъ началѣ этого столѣтія.

Надо замѣтить, что въ гомельскомъ замкѣ во всемъ царилъ педантичный порядокъ. Каждая вещь была занесена въ особый инвентарный списокъ и имѣла свой номеръ. На зиму все пряталось, а весной вещи ставились на мѣсто. Ежегодно, по пріѣздѣ въ Гомель, князь самолично провѣрялъ, всѣ ли вещи (а ихъ было тысячи) находятся на своихъ старыхъ мѣстахъ.

И вотъ, незадолго до своей смерти, князь прїѣхалъ въ Гомель совершенно больнымъ. Врачи требовали, чтобы онъ велъ очень спокойный образъ жизни и мало двигался, такъ какъ сердце его внушало серьезныя опасенія. Но князь не внялъ совѣтамъ своихъ эскулаповъ и съ мѣста въ карьеръ поднялся въ башню на третій этажъ, чтобы провѣрить, по обыкновенію, всѣ ли вещи въ комнатѣ, посвященной памяти покойнаго фельдмаршала, находятся, согласно инвентарному списку, на мѣстахъ. При этой утомительной операціи у строптиваго больного произошелъ сердечный припадокъ, онъ слегъ и уже больше не вставалъ.

У Паскевичей, конечно, въ гомельскомъ майоратѣ, имѣлось безконечное количество служащихъ. Всѣ они были матеріально хорошо обеспечены, получали по выслугѣ опредѣленнаго числа лѣтъ пенсіи или щедрые подарки и находятся на службѣ у князей Паскевичей считалось во всѣхъ отношеніяхъ очень привлекательнымъ.

Особымъ уваженіемъ и особыми симпатіями князя и княгини пользовался его главный директоръ Добрушской писчебумажной фабрики Игнатій Игнатьевичъ Стульгинскій. До его вступленія въ должность въ Добрушѣ дѣйствовалъ сахарный заводъ, который въ теченіе ряда лѣтъ приносилъ большой убытокъ и сильно разстроилъ дѣла князя.

Стульгинскій, инженеръ-технологъ по специальности, предложилъ князю перестроить сахарный заводъ на писчебумажную фабрику. Князь согласился и послѣ осуществленія этого проекта фабрика начала приносить огромный доходъ, при чемъ рабочихъ умный директоръ постепенно поставилъ въ исключительно-бла-

гопріятныя условія труда и ввелъ на фабрикѣ, случай въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго вѣка совершенно невиданный, восьмичасовой рабочій день. При фабрикѣ для рабочихъ имѣлись отличный клубъ, прекрасная библіотека и великолѣпная больница.

Въ отношеніи свсихъ подчиненныхъ Стульгинскій отличался большой требовательностью, но и обставлялъ ихъ хорошо и неусыпно заботился объ ихъ матеріальныхъ и духовныхъ интересахъ.

За нѣсколько лѣтъ до войны, по инициативѣ владѣльца Добрушской фабрики, состоялось торжественное празднованіе двадцатипятилѣтняго юбилея управленія Стульгинскимъ фабрикой. На этомъ юбилей очень ярко и наглядно выявилось, какъ служащіе и рабочіе цѣнили, любили и уважали своего директора.

Конечно, Стульгинскій только потому могъ хорошо обставить своихъ служащихъ и рабочихъ, что князя Паскевичи вполне сочувствовали гуманнымъ начинаніямъ своего директора и всегда оказывали ему полное содѣйствіе.

Добрушская писчебумажная фабрика, одна изъ лучшихъ фабрикъ въ Россіи, кажется, работаетъ и въ настоящее время.

Большое хозяйство Паскевичей, преимущественно лѣсное, и писчебумажная фабрика давали постоянный и хорошій заработокъ многимъ тысячамъ мѣстныхъ жителей.

Любопытно, что составъ служащихъ въ экономіи князя былъ очень разнообразный: русскіе, французы, евреи, особенно же много поляковъ. Въ этомъ отношеніи князь Федоръ Ивановичъ былъ чуждъ какого-бы то ни было шовинизма и цѣнилъ въ человѣкѣ человѣка, не считаясь совершенно съ его происхожде-

ніемъ и принадлежностью къ той или иной національности.

*

Для гомельчанъ пребываніе владѣльцевъ въ замкѣ во время лѣта представляло совершенно исключительный интересъ и съ точки зрѣнія искусства.

Княгиня Ирина Ивановна страстно любила театръ и сама прекрасно играла, съ фанатической добросовѣстностью изучая каждую взятую на себя роль.

И вотъ каждое почти лѣто княгиня устраивала рядъ спектаклей, преимущественно на русскомъ языкѣ.

Въ спектакляхъ этихъ принимали участіе сама княгиня, гостившіе у нея родственники, мои братья и сестры, исправникъ Еленскій и другія мѣстные силы...

Къ постановкѣ этихъ спектаклей княгиня относилась очень серьезно и требовала, чтобы всѣ участники ихъ безукоризненно знали свои роли, прибѣгая къ суфлеру въ рѣдкихъ случаяхъ.

Лучшимъ украшеніемъ этой труппы-любителей была княгиня Елизавета Михайловна Куракина. Эта почтеннаго возраста великосвѣтская дама безподобно исполняла чисторусскія бытовые роли, при чемъ, не въ примѣръ прочимъ артистамъ и артисткамъ, говорила по-русски въ совершенствѣ, безъ малѣйшей примѣси какого-либо иностраннаго акцента.

Спектакли въ гомельскомъ замкѣ проходили при соблюденіи строгаго церемоніала. Гости, обыкновенно въ количествѣ около ста человѣкъ, обязательно должны были съѣхаться

своевременно въ теченіе минутъ двадцати. Никто изъ приглашенныхъ никогда не опаздывалъ, такъ какъ князь этого не терпѣлъ и опоздавшій, не взирая на свой рангъ и положеніе въ обществѣ, впредь былъ бы лишень «пріѣзда ко двору». Въ этомъ отношеніи князь былъ неумолимъ.

Хозяинъ съ одной изъ своихъ племянницъ, чаще всего съ Марьей Михайловной Скарятиной, встрѣчалъ своихъ гостей у входа въ великолѣпный парадный залъ, гдѣ въ нипахъ красовались гигантскихъ размѣровъ фарфоровыя вазы, подаренныя императоромъ Николаемъ I фельдмаршалу Паскевичу. Дамъ племянница князя доводила до дверей гостиной, гдѣ ихъ встрѣчала другая племянница князя, а мужчины сами проходили черезъ залъ въ гостиную.

Начинался спектакль ровно въ назначенный часъ въ небольшомъ театрѣ, стѣны котораго были отдѣланы въ китайскомъ стилѣ. Въ этомъ уютномъ и необыкновенно красивомъ помѣщеніи, находящемся во второмъ этажѣ, была устроена небольшая сцена со всѣми ея необходимыми атрибутами.

Въ программу спектаклей обыкновенно включались легкія пьесы и отрывки изъ классиковъ. Княгиня Ирена однажды очень удачно исполнила роль царицы Марѳы въ сценѣ изъ «Бориса Годунова» Пушкина. Изъ легкихъ пьесъ играли такія вещицы, какъ «Старый математикъ», «Азъ и Фертъ» и т. п.

Къ спектаклямъ этимъ всѣ участники готовились съ такой добросовѣстностью и среди нихъ были такіе талантливые исполнители, какъ, напримѣръ, мѣстный исправникъ, неподражаемый комикъ Еленскій, звѣрски, кстати сказать, убитый въ революціи 1905 г., и кня-

гиня Куракина,—что представленія въ гомельскомъ замкѣ имѣли несомнѣнную художественную цѣнность.

По окончаніи спектакля подавался ужинъ, при чемъ зрители проходили въ парадную огромную столовую, а «артистамъ» накрывали столъ на верандѣ, откуда открывался дивный видъ на цвѣтникъ парка и рѣку Сожъ.

Ужинъ отличался изысканностью, такъ какъ главный поваръ французъ славился своимъ искусствомъ, а винный погребъ князя справедливо считался однимъ изъ лучшихъ погребовъ въ Россіи.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производилъ роскошный ужинъ и вся обстановка на скромнаго провинціала, особенно если онъ попадалъ въ замокъ впервые.

*

Въ лѣсахъ Могилевской губерніи водились въ довольно большомъ количествѣ волки. Эти волки, конечно, являлись для мѣстныхъ крестьянъ большимъ зломъ.

Въ каждый изъ своихъ пріѣздовъ на лѣто въ Гомель князь занимался систематическимъ истребленіемъ враговъ крестьянскаго и помѣщичьяго скота. Съ этой цѣлью лѣсники князя выслѣживали и обнаруживали волчьи логовища и сообщали о мѣстонахожденіи волчьихъ выводковъ въ княжескую контору. Немедленно посылались приглашенія во всѣ концы уѣзда и въ назначенное время къ условленному мѣсту собирались князь Федоръ Ивановичъ и его гости—Немвроды.

Эти облавы на волковъ, на которыя меня бралъ съ собой отецъ, являются однимъ изъ самыхъ яркихъ воспоминаній моихъ юношескихъ лѣтъ. Протекала вся облава въ высшей степени торжественно. Когда еще издали показывался высокій охотничій экипажъ князя, всѣ лѣсники участка въ форменныхъ красивыхъ сѣрыхъ костюмахъ выстраивались въ рядъ, имѣя своего главнаго лѣсничаго во главѣ. Этотъ главный лѣсничій, по фамиліи Ивицкій, отличался необыкновенной дородностью, что не мѣшало ему, однако, быть во всѣхъ отношеніяхъ очень ловкимъ человѣкомъ.

Князь выходилъ изъ экипажа, здоровался съ своими гостями и лѣсниками и затѣмъ насъ всѣхъ вели къ мѣсту, гдѣ должна была состояться охота. Лѣсники разставляли по цѣпи стрѣлковъ, которые должны были стоять на своихъ номерахъ, соблюдая полную тишину.

Замирая на назначенномъ мѣстѣ въ лихорадочномъ ожиданіи начала облавы, я, конечно, въ эти минуты мечталъ о томъ, какое выпадетъ на мою долю великое счастье, если прямо на меня вдругъ выскочитъ громадный волкъ и мѣткимъ выстрѣломъ я сразу уложу его.

Наконецъ, въ сторонѣ загонщиковъ раздавался сигнальный выстрѣлъ, и лѣсъ сразу оглашался самыми разнообразными звуками: слышались трели барабановъ, раздавались звуки трещетокъ, неистово ревѣли охотничьи рожки, до хрипоты улюлюкали загонщики. Въ этотъ моментъ, казалось, сердце готово было выпрыгнуть у меня изъ груди, и я судорожно сжималъ ложе ружья, стараясь уловить малѣйшій шорохъ въ кустахъ и напряженно вглядываясь въ лѣсную чащу, находящуюся передъ глазами.

По окончаніи облавы подавался завтракъ. Подъ тѣнью столѣтнихъ деревьевъ ставился столъ. Изъ походной кухни приносились образцы искусства княжескаго повара — француза. Величественные лакеи обносили блюда и вина. Во время завтрака, конечно, передавали другъ другу о впечатлѣніяхъ охоты, причемъ характерный носовой голосъ князя обыкновенно покрывалъ остальные голоса, давая тонъ и направленіе общей бесѣдѣ.

*

Князь умеръ во время за нѣсколько лѣтъ до великой войны, но бѣдной княгинѣ Иринѣ Ивановнѣ пришлось пережить всѣ ужасы революціи. Къ этому времени она была уже въ очень преклонномъ возрастѣ, а зрѣніе ея совершенно испортилось.

По непредусмотрительности главнаго управляющаго, когда вспыхнула революція, у княгини въ заграничныхъ банкахъ не оказалось никакихъ капиталовъ. Рѣшительно все было отобрано «товарищами» у главной и многолѣтней благотворительницы Гомеля, создавшей въ этомъ городѣ рядъ филантропическихъ заведеній, (въ томъ числѣ пріютъ для престарѣлыхъ женщинъ), и эта культурнѣйшая, выдающаяся и сердечная женщина, всю свою жизнь дѣлавшая добро въ самомъ широкомъ значеніи слова, умерла нѣсколько лѣтъ тому назадъ (кажется, въ 1923 г.) въ полной нищетѣ въ г. Гомелѣ у своей бывшей горничной, которая дала пріютъ своей прежней барынѣ.

КЛОЧКИ ВОСПОМИНАНИИ

Дирекція.

Я хочу дать читателю, пользуясь исключительно своей памятью, обрывки моихъ воспоминаній о Московскомъ отдѣленіи Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества. Съ 1909 г. до 1918 г., то-есть до упраздненія общества, я состоялъ однимъ изъ его директоровъ. Въ теченіе этого времени мнѣ пришлось очень близко соприкасаться съ московскимъ музыкальнымъ міромъ и съ московской консерваторіей. Ничего сенсационнаго, ничего пикантнаго въ моихъ замѣткахъ читатель не встрѣтитъ. Но кто любитъ музыку и ея представителей, быть можетъ, найдетъ кое-что и любопытнаго въ этихъ отрывочныхъ воспоминаніяхъ.

Когда я вошелъ въ составъ дирекціи Московскаго Музыкальнаго общества, предсѣдателемъ былъ Алексѣй Петровичъ Чижовъ, а директорами — М. М. Ипполитовъ-Ивановъ (одновременно онъ былъ директоромъ консерваторіи), Борисъ Петровичъ Юргенсонъ, Юрій Сергѣевичъ Сахновскій и Дмитрій Николаевичъ Загоскинъ. Потомъ составъ дирекціи пополнился Л. В. Собиновымъ, М. М. Попелло-Давыдовымъ и И. П. Варгинымъ.

Главную роль въ нашей дирекціи игралъ Ипполитовъ-Ивановъ. Всѣ его предложенія, которыя обсуждались въ періодическихъ засѣданіяхъ, происходившихъ не менѣе одного раза въ недѣлю, со стороны остальныхъ директоровъ обыкновенно возраженій не встрѣчали. Совмѣстная наша работа шла въ высшей степени мирно и согласно. Хозяйственной частью вѣдалъ Чижевъ. О немъ нѣсколько словъ.

Москвичи, посѣщавшіе концерты нашего общества, не могли не знать Чижова. Его длинная, худая фигура съ характерной сѣдой головой бросалась въ глаза. Чижевъ не былъ профессиональнымъ музыкантомъ, но онъ состоялъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ Московскаго хорового общества пѣнія. Когда на нашихъ концертахъ исполнялась какая-нибудь вещь съ хорами, въ числѣ хористовъ Чижевъ обращалъ на себя вниманіе своимъ характернымъ видомъ. Онъ пѣлъ разбитымъ, сиплымъ, старческимъ басомъ, но свои обязанности «октавииста» исполнялъ съ трогательной добросовѣстностью и величественной серьезностью. «Священнодѣйствовалъ» въ полномъ смыслѣ слова.

Алексѣй Петровичъ, кстати сказать, очень богатый человѣкъ, числился въ сословіи присяжныхъ повѣренныхъ, но практикой не занимался. Цѣлые дни онъ проводилъ въ зданіи консерваторіи и совершенно безкорыстно неустоимо хлопоталъ по вопросамъ, связаннымъ съ хозяйствомъ Музыкальнаго общества и консерваторіи.

Умеръ онъ въ 1916 г., и до самой смерти самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнялъ добровольно принятый на себя трудъ. Иногда Алексѣй Петровичъ нѣсколько путалъ и попадалъ впросакъ, но фанатическая его

преданность интересамъ Музыкальнаго общества была внѣ сомнѣній.

Послѣ смерти Чижова его преемникомъ сдѣлался Борисъ Петровичъ Юргенсонъ, представитель фирмы, издавшей большую часть произведеній Чайковского. Семья Юргенсоновъ и покойный П. И. Чайковскій находились въ тѣсной дружбѣ, о чемъ свидѣлствуютъ опубликованныя письма композитора. Борисъ Петровичъ, юристъ по образованію, кажется и до сихъ поръ живетъ въ Москвѣ. Въ дирекціи нашей послѣ Ипполитова-Иванова онъ игралъ первенствующую роль. На это ему давали право и его способности, и его связи съ музыкальнымъ міромъ. Въ частной жизни Борисъ Петровичъ былъ рѣдко культурный и пріятный человѣкъ, а квартира его представляла настоящій музей, гдѣ были собраны разныя реликвіи о Чайковскомъ и другихъ большихъ музыкантахъ.

Крупную роль игралъ у насъ и остроумный музыкальный критикъ «Русскаго Слова» Ю. С. Сахновскій. Но онъ очень неаккуратно посѣщалъ наши засѣданія, а потому многіе вопросы рѣшались безъ его участія.

Загоскинъ и Варгинъ дѣятельной роли въ дирекціи не играли, хотя во время одного финансоваго затрудненія общества, благодаря Варгину, одинъ изъ его родственниковъ пожертвовалъ обществу нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Попелло-Давыдовъ, проживающій теперь въ качествѣ эмигранта за-границей, интересовался дѣлами общества періодически. Онъ вѣчно имѣлъ какое-нибудь специальное увлеченіе и тогда бросалъ все остальное. То увлекался созданіемъ особаго клуба «Алатръ» для артистовъ, то сочинялъ оперетку и т. п.

С о б и н о в ъ .

Л. В. Собиновъ состоялъ много лѣтъ директоромъ Филармоніи, этого естественнаго конкурента Музыкальнаго общества, и только за годъ или два до войны онъ, по предложенію своихъ друзей Сахновскаго и Попелло-Давыдова, попалъ въ нашу дирекцію, которая приняла знаменитаго пѣвца и симпатичнаго человѣка съ распростертыми объятіями.

Засѣданія наши Леонидъ Витальевичъ посѣщаль очень неаккуратно, такъ какъ всегда былъ страшно занятъ, но каждый его приходъ мы встрѣчали съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Присутствіе Собинова наши обычно строгаго-дѣловыя засѣданія превращало въ веселыя бесѣды, при чемъ неподобный Ленскій иногда читаль намъ свои стихи на какія-либо злобы дня. Собесѣдникъ онъ былъ препріятный, въ высшей степени остроумный и въ запасѣ у него всегда имѣлись какая-нибудь новость, какой-нибудь свѣжій анекдотъ.

Съ личностью Собинова у меня соединено очень много воспоминаній, но здѣсь я расскажу лишь объ одномъ курьезномъ инцидентѣ, который ярко рисуеть горячій темпераментъ и особенную впечатлительность нашего несравненнаго артиста.

Какъ-то, года за два до войны, пріѣхалъ въ Москву семилѣтній «вундеркиндъ» Вили Фереро. Этотъ ребенокъ выступалъ въ качествѣ дирижера на симфоническихъ концертахъ. Часть москвичей и даже нѣкоторые профессора консерваторіи считали маленькаго Фереро-геніемъ, но многіе, къ ихъ числу принадлежалъ Ипполитовъ-Ивановъ, полагали, что Фереро просто способный къ музыкѣ мальчикъ, отлично выдрессированный.

Концерты Фереро происходили въ большомъ залѣ консерваторіи. Феноменъ меня заинтересовалъ, и я передъ однимъ изъ его концертовъ пошелъ на генеральную репетицію. Въ нашу директорскую ложу я прошелъ внутренними коридорами, при чемъ около какой-то двери сопровождавшій меня слуга не сразу нашелъ нужный ключъ.

Все же я попалъ къ самому началу репетиціи и имѣлъ возможность наблюдать, какъ сначала вещь репетировалъ съ оркестромъ дирижеръ Плотниковъ, а затѣмъ его мѣсто занималъ Фереро. Миловидный мальчикъ, итальянскій еврей по происхожденію, передъ оркестромъ держался очень увѣренно и своей дирижерской палочкой махалъ, какъ заправскій взрослый дирижеръ.

Когда я вернулся домой, ко мнѣ позвонилъ репортеръ одной изъ вечернихъ газетъ. Онъ какимъ-то образомъ узналъ, что я былъ на генеральной репетиціи «вундеркинда» и просилъ меня подѣлиться моими впечатлѣніями. Я упирался, но въ концѣ концовъ сказалъ нѣсколько словъ по поводу того, что маленькій дирижеръ, по моему, премилый и преспособный мальчикъ, но я предпочитаю слушать симфоніи подъ управленіемъ взрослога дирижера.

Въ тотъ же день къ вечеру въ упомянутой газетѣ появилось «интервью». Репортеръ вѣрно передалъ мою мысль, но присочинилъ отъ себя, что репетиціи Фереро обставлены необычайной таинственностью, что на нихъ никого не пускаютъ (репортера, дѣйствительно, не пустили) и даже мнѣ, директору Музыкальнаго общества, удалось проникнуть на репетицію съ невѣроятными затрудненіями. Такимъ образомъ, пустой инцидентъ съ ключемъ принялъ фантастическіе размѣры.

Въ это время Собиновъ гастролировалъ въ Петербургъ. И вотъ черезъ день получаю я отъ него телеграмму. Онъ телеграфировалъ, что, прочитавъ въ газетѣ о томъ, что меня не пускали на генеральную репетицію Фереро, надеется, что я въ обиду себя не дамъ и энергично отстою достоинство дирекціи Музыкальнаго общества.

Итакъ, нашъ впечатлительный артистъ, прочитавъ случайно упомянутую московскую газету, принявъ близко къ сердцу обиду, которую, по словамъ репортера, нанесли его сочлену по дирекціи, воспылалъ благороднымъ негодованіемъ и не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не послалъ мнѣ телеграммы.

Я, конечно, телеграммой же отвѣтилъ, что репортеръ перепуталъ и никакого ущерба моему директорскому достоинству нанесено не было. Дня черезъ два вернулъся въ Москву и самъ Леонидъ Витальевичъ, и мы вмѣстѣ смѣялись надъ его пылкимъ темпераментомъ и повышенной впечатлительностью.

Повышенная впечатлительность, какъ мнѣ приходилось наблюдать, у большихъ артистовъ встрѣчается чрезвычайно часто.

Ш а л я п и н ъ.

За нѣсколько лѣтъ до войны наша дирекція рѣшила пригласить Ф. И. Шаляпина для участія въ одномъ изъ симфоническихъ концертовъ Музыкальнаго общества. Противъ этого приглашенія энергично возражалъ А. П. Чижовъ.

— Охъ, господа, господа, — забасилъ онъ, когда былъ поднятъ вопросъ о Шаляпинѣ, —

не надо намъ приглашать Шаляпина: вѣдь хлопотъ съ нимъ мы не оберемся. Вы же знаете, какой у него характеръ!

Но никто изъ насъ Чижова не поддержалъ.

— Я беру все это дѣло на себя, — заявилъ Сахновскій, уговорю Федю и привезу его на концертъ.

Послѣ долгихъ переговоровъ и уговоровъ геніальный пѣвецъ согласился, наконецъ, за три тысячи рублей спѣть на нашемъ концертѣ пѣснь Варлаама изъ «Бориса» Мусоргскаго и «Вакхическую пѣснь» Глазунова.

Члены дирекціи, особенно Сахновскій, торжествовали, одинъ Чижовъ продолжалъ твердить:

— Напрасно радуетесь. Увидите, что безъ скандала дѣло не кончится.

Какъ это ни странно, но пророчество Чижова до нѣкоторой степени оправдалось.

Началось съ инцидента съ дирижеромъ. Нашими концертами въ этомъ сезонѣ дирижировалъ Э.А. Куперъ, дирижеръ Большого театра. И вотъ за нѣсколько дней до концерта во время репетиціи въ театрѣ у Шаляпина съ Куперомъ произошло крупное столкновеніе. Куперъ ушелъ съ репетиціи, отказавшись отъ совмѣстной работы съ Шаляпинымъ, а за два дня до концерта сообщилъ письмомъ дирекціи Музыкальнаго общества, что онъ по болѣзни выступить въ концертѣ не можетъ.

— Не говорилъ я вамъ, что Шаляпинъ насъ подведетъ? — торжествовалъ Чижовъ, — вотъ мы и дирижера по его милости лишились. Получится скандалъ. Абоненты наши требуютъ свои деньги обратно.

Но дѣло уладилось. Ипполитовъ-Ивановъ согласился замѣнить Купера. Къ тому же, Ипполитовъ находился съ Шаляпинымъ въ хоро-

шихъ отношеніяхъ. Въ нашихъ рукахъ это былъ большой козырь.

Наступилъ день концерта. Съ утра къ Шаляпину командировали Ю. С. Сахновскаго, его пріятеля. Шаляпинъ въ этотъ день чувствовалъ себя нездоровымъ и пѣть не хотѣлъ, заартачился. Съ большимъ трудомъ удалось Сахновскому уломать «Федю», какъ онъ его называлъ, и въ назначенный часъ привезти въ консерваторію. Здѣсь великаго пѣвца подъ эскортомъ близкихъ друзей его помѣстили въ артистической, все время ухаживали за нимъ, какъ за хорошенькой женщиной, и никого посторонняго къ нему не пускали. Чтобы не раздражать и не волновать.

А въ вестибюлѣ и передъ большимъ заломъ консерваторіи въ это время творилось нѣчто невообразимое. Масса молодежи хотѣла безъ билетовъ (они были давно всѣ распроданы) проникнуть на концертъ. Съ неимоверными усиліями удалось отстоять залъ отъ безбилетныхъ посѣтителей, хотя конечно, нѣкоторые почитатели Шаляпина, особо ярые, все же прорвались черезъ всѣ заставы.

Самый концертъ носилъ необычайный для симфоническихъ концертовъ характеръ. Во время исполненія оркестровыхъ вещей публика галдѣла, интересуясь только Шаляпинымъ. А членамъ дирекціи все время приходилось сдерживать рвущуюся къ эстрадѣ молодежь и просить ее держать себя «въ границахъ». Получился, дѣйствительно, не концертъ, а какой-то сплошной скандалъ.

Самъ геніальный басъ, виновникъ всей этой кутерьмы, въ этотъ вечеръ чувствовалъ себя нездоровымъ, былъ сильно не въ духѣ и, какъ рассказывалъ потомъ Ипполитовъ-Ива-

новъ, во время самого исполненія, стоя рядомъ съ нимъ, шепталъ:

— Я пѣть не могу, я не въ голосъ, не могу... Я вотъ сейчасъ повернусь и уйду, не могу пѣть... Уйду, уйду!..

— Но я, — со смѣхомъ передавалъ Ипполитовъ-Ивановъ, — зная хорошо Федора Ивановича, дѣлалъ видъ, что ничего не слышу и продолжалъ спокойно дирижировать. Какъ видите, все сошло благополучно.

Хотя Шаляпинъ, дѣйствительно, въ этотъ вечеръ былъ не совсѣмъ въ голосъ, все же пѣлъ онъ, какъ всегда, гениально.

Чижовъ послѣ концерта на первомъ же засѣданіи дирекціи заявилъ:

— Ну, ужъ другой разъ съ Шаляпинымъ мы связываться не будемъ.хлопотно съ нимъ! Хорошо еще, что такъ кончилось, а могъ выйти полный скандалъ. Вы сами, господа, видите, что я былъ правъ.

Возня съ послѣднимъ концертомъ такъ всѣмъ намъ надоѣла, что (никто Чижову не возражалъ.

Ипполитовы-Ивановы.

Съ 1905 г. до 1923 г. директоромъ Московской консерваторіи постоянно переизбирался Михаилъ Михайловичъ Ипполитовъ-Ивановъ. Настоящая фамилія его была просто Ивановъ, но А. Г. Рубинштейнъ, при которомъ онъ кончилъ Петербургскую консерваторію, посоветовалъ талантливому юношѣ по окончаніи курса прибавить къ своей фамиліи Ипполитовъ, чтобы его не смѣшивали съ критикомъ «Новаго Времени» Ивановымъ, также Михаиломъ Михайловичемъ и тоже композиторомъ.

На зарѣ своей молодости многообщающій дирижёр и композиторъ влюбился въ очень извѣстную на югѣ Россіи пѣвицу Варвару Михайловну Зарудную. Не взирая на протесты родныхъ Зарудной, дочери богатаго помѣщика, юная пѣвица вышла замужъ за Михаила Михайловича. Такихъ образцовыхъ, заботливыхъ и внимательныхъ другъ къ другу супруговъ я рѣдко встрѣчалъ.

У четы не было дѣтей. Однажды въ Тифлисѣ, гдѣ Варвара Михайловна пѣла, а мужъ ея дирижировалъ въ оперномъ театрѣ, послѣ блестящаго спектакля съ множествомъ поднесенныхъ цвѣтовъ Ипполитовы вернулись домой.

Когда Варвара Михайловна начала передѣваться, вдругъ прибѣгаетъ къ ней кухарка и сообщаетъ:

— Намъ, барыня, ребенка подкинули. Въ корзинкѣ положили у дверей кухни и позволили. Вотъ и записка: просять принять и окрестить дѣвочку.

— И отлично, — невозмутимо, какъ потомъ передавала одна изъ свидѣтельницъ этой сцены, отвѣтила пѣвица, — я возьму дѣвочку, а назову ее... Я сегодня пѣла Татьяну въ «Онѣгинѣ», такъ пусть моя пріемная дочь будетъ Татьяной.

И Таню симпатичная чета не только удочерила, не только дала ей образованіе, но и полюбила, какъ родную дочь.

Отмѣчу, что Таня отплатила своимъ пріемнымъ родителямъ полной взаимностью чувствъ. Передъ войной она вышла замужъ за одного земскаго начальника. Во время революціи ей пришлось съ мужемъ, къ большому горю Ипполитовыхъ, покинуть Москву.

Михаиль Михайловичъ, какъ я уже упомянулъ, былъ долгіе годы директоромъ Московской консерваторіи; жена же его въ той же консерваторіи состояла профессоромъ пѣнія.

Въ молодости Варвара Михайловна считалась одной изъ лучшихъ оперныхъ пѣвицъ. О ея голосѣ и талантѣ съ восторгомъ вездѣ отзывался П. И. Чайковскій, очень любившій и пѣнившій и Зарудную, и ея мужа. Въ консерваторіи Варвара Михайловна считалась однимъ изъ лучшихъ профессоровъ. Учениковъ и ученицъ у нея всегда было слишкомъ много, такъ какъ всѣ стремились попасть въ ея классъ. Любопытно, что, хотя съ годами у Зарудной понизился слухъ и говорить съ ней приходилось нѣсколько повывисивъ голосъ, все же преподавательской ея дѣятельности это обстоятельство помѣхой не служило.

Цѣлые дни Ипполитовы-Ивановы проводили въ консерваторіи за работой, и только поздно вечеромъ они отдыхали въ кругу близкихъ друзей и знакомыхъ. Особенно часто можно было у нихъ встрѣтить пѣвицу А. В. Нежданову, профессора пѣнія Г. А. Мазетти, умершаго во время войны, инспектора консерваторіи Е. А. Колчина и симпатичнѣйшаго маленькаго черненькаго доктора М. Я. Сапарова, постоянно лѣчившаго всю семью.

Въ 1917 году, во время большевицкаго переворота Ипполитовы-Ивановы чудомъ остались живы. Жили они въ консерваторіи на Большой Никитской. И вотъ во время многодневнаго обстрѣла Москвы въ окно гостиной попалъ снарядъ. Вся семья сидѣла въ это время въ столовой, находившейся рядомъ. Посыпались стекла, штукатурка; снарядъ застрѣлъ въ стѣнѣ. Вся семья спѣшно перебра-

лась въ подвалъ, гдѣ и провела вѣсколько дней и ночей.

Какъ композиторъ, Михаилъ Михайловичъ приобрѣлъ извѣстность своими «Кавказскими эскизами» и операми «Измѣна», «Ася», «Руѣ» и «Олѣ». Написалъ онъ и очень красивую симфонію, къ сожалѣнію, единственную. Мнѣ лично творчество Ипполитова-Иванова всегда очень нравилось. Думаю, что оцѣнка его какъ композитора еще впереди.

Рахманиновъ.

Сергѣй Васильевичъ Рахманиновъ въ музыкальномъ мірѣ занимаетъ совершенно исключительное мѣсто. Онъ не только крупный композиторъ, но и гениальный піанистъ и перво-классный дирижеръ.

Я впервые услышалъ Рахманинова въ 1908 г. въ Дрезденѣ. На одномъ изъ симфоническихъ концертовъ долженъ былъ играть Ф. Бузони. Какое-то обстоятельство помѣшало Бузони пріѣхать въ Дрезденъ, и вмѣсто него выступилъ Рахманиновъ.

Публика передъ концертомъ, какъ это можно было замѣтить, была недовольна замѣной. Но во время концерта оваціямъ по адресу Рахманинова не предвидѣлось конца,

— Онъ не хуже Бузони, пожалуй, лучше, какая глубина исполненія, какая мощь! — одобрительно говорили нѣмцы, расходясь послѣ концерта.

Въ Дрезденѣ Рахманиновъ жилъ около года. Жилъ онъ тамъ очень уединенно, избѣгая новыхъ знакомствъ, усиленно все время

работая, какъ говорилъ мнѣ одинъ изъ его близкихъ друзей.

Я познакомился съ Сергѣемъ Васильевичемъ въ Москвѣ за два три года до войны. Въ этомъ сезонѣ онъ дирижировалъ симфоническими концертами Филармоніи. У Московскаго музыкальнаго общества, гдѣ я состоялъ директоромъ, и у Филармоніи былъ одинъ и тотъ же оркестръ. Въ составъ этого оркестра входили, главнымъ образомъ, музыканты Большаго театра. Передъ началомъ сезона оркестранты потребовали къ своимъ гонорарамъ такія надбавки, что оба общества удовлетворить ихъ требованія не могли.

Тогда дирекціи музыкальнаго общества и Филармоніи, — представителемъ послѣдней былъ Рахманиновъ, — на общемъ засѣданіи постановили предложить оркестровымъ музыкантамъ умѣрить свои требованія.

Во время этого засѣданія Рахманиновъ выступилъ съ очень интересной рѣчью, въ которой дѣльно и убѣдительно доказалъ неосновательность домогательствъ оркестрантовъ. Въ концѣ-концовъ, обѣ стороны пошли на компромиссъ.

Имя Рахманинова — дирижера можно поставить рядомъ съ именами покойныхъ Никиша и Направника.

Сейчасъ С. В. Рахманиновъ въ Америкѣ. За каждый свой выходъ въ качествѣ піаниста Рахманиновъ получаетъ въ Америкѣ три тысячи долларовъ. На эту сумму въ Ригѣ одинъ человѣкъ могъ бы безбѣдно прожить лѣтъ пять. Подобный гонораръ изъ современныхъ артистовъ получаютъ только Шаляпинъ и скрипачъ Я. Хейфецъ, ученикъ Ауэра.

Вундеркиндъ Маня Мирзоева.

Въ теченіе своей жизни я видѣлъ довольно много, такъ называемыхъ, «вундеркиндовъ», то есть чудо-дѣтей, съ раннихъ лѣтъ поражающихъ своими выдающимися способностями къ музыкѣ. Но очень близко я зналъ только одного такого ребенка, о которомъ я хочу рассказать.

Маня Мирзоева, какъ родственница моей жены, бывала у насъ въ домѣ. Въ то время, когда я съ ней познакомился, ей было лѣтъ двѣнадцать. Это была очень хорошенькая дѣвочка, нѣсколько капризная, избалованная, очень нервная. Училась она въ одной изъ московскихъ гимназій и одновременно брала уроки музыки у извѣстнаго піаниста-педагога Коссовскаго.

Коссовскій началъ выпускать свою маленькую талантливую ученицу на эстраду, когда ей было восемь лѣтъ. Въ качествѣ «вундеркинда» она имѣла у публики большой успѣхъ. Всѣ признавали, что способности у Мань были исключительныя.

Какъ-то разъ Маня пришла къ намъ съ матерью въ гости. По моей просьбѣ, за рояль сѣла одна барышня, дававшая моей дочери уроки музыки; она сыграла одинъ изъ прелюдовъ Шопена.

Когда она кончила и встала, Маня вдругъ сорвалась съ мѣста, сѣла къ роялю и сыграла тотъ же прелюдъ. Между исполненіемъ взрослой и опытной піанистки и исполненіемъ двѣнадцатилѣтней дѣвочки оказалась такая громадная разница въ пользу послѣдней, что всѣмъ присутствующимъ сдѣлалось неловко. Барышня страшно сконфузилась, сознавая свое полное пораженіе на этомъ неожидан-

номъ музыкальномъ турнирѣ, а Маня, кончивъ вещь, совершенно спокойно вернулась на свое мѣсто.

— Маня,—спросилъ я потомъ дѣвочку,—почему вы такъ обидѣли барышню? Вы, конечно, играете несравненно лучше, но, право, мнѣ кажется, что вамъ не слѣдовало ее конфузить.

— Знаете,—послѣдовалъ совершенно искренній отвѣтъ,—я и сама не рада. Когда она стала такъ безобразно искажать Шопена, я не выдержала и меня неудержимо потянуло къ роялю. Потомъ я очень досадовала на себя, но въ тотъ моментъ все забыла. Вы ужъ простите!

Отъ Коссовскаго Маня перешла въ консерваторію, гдѣ училась у Э. Фрея. Фрей считалъ ее лучшей своей ученицей и очень гордился ея успѣхами.

Гимназію Маня кончила съ золотой медалью, а въ консерваторіи имя ея было занесено золотыми буквами на мраморную доску. Последнее событіе произошло въ первые годы войны.

— Знаете ли,—какъ то объявила мнѣ Маня,—ей тогда, вѣроятно, было лѣтъ шестнадцать,—я хочу учиться пѣнію.

Я попросилъ ее спѣть мнѣ что-нибудь. Она спѣла какой то романсъ. Голосъ юной пѣвицы мнѣ рѣшительно не понравился. Свое мнѣніе я откровенно высказалъ.

— А я,—упрямо возразила дѣвушка,—все же буду учиться пѣнію и слѣлаюсь пѣвицей. Увидите! Учить меня будетъ Софья Григорьевна Рубинштейнъ.

Дѣйствительно, родная сестра знаменитыхъ Рубинштейновъ стала давать Манѣ частные уроки пѣнія. Я зналъ Софью Григорьевну,

этого рѣдкаго чловѣка и удивительнаго педагога.

Года черезъ два послѣ вышеупомянутаго разговора Маня опять спѣла мнѣ нѣсколько вещей. Я былъ буквально пораженъ той перемѣной, которую нашелъ въ ея голосѣ. Софья Григорьевна съ голосомъ Мани, мнѣ казалось, сотворила какое то чудо.

— Да вы, Маня,—изумительная пѣвица!—вырвалось у меня,—у васъ неподобное лирическое сопрано.

— Вы находите,—послѣдовалъ довольный отвѣтъ,—Софья Григорьевна тоже находить, что я пою недурно. А помните, что вы раньше говорили?!

Когда Мирзоева кончила консерваторію, она выступала на концертной эстрадѣ—то въ качествѣ піанистки, то въ качествѣ камерной пѣвицы. И я не знаю, въ качествѣ ли піанистки, или пѣвицы она была лучше.

Какъ то разъ уже въ 1918 году она спѣла у насъ «Христа» Рахманинова. Эту дивную вещь она исполнила съ такимъ подъемомъ, съ такимъ совершенствомъ, что многіе изъ насъ, слушателей, не могли удержаться отъ слезъ.

М. М. Мирзоева и сейчасъ въ Москвѣ, гдѣ концертируетъ и даетъ уроки. Увѣренъ, что только теперешнія условія русской жизни помѣшали ей сдѣлаться міровой знаменитостью. Для этого всѣ данныя у нея были на лицо.

Э. Фрей.

Въ концѣ перваго десятилѣтія этого вѣка, по инициативѣ Ипполитова-Иванова, въ составъ профессоровъ Московской консерваторіи былъ приглашенъ швейцарецъ Эмиль Фрей, кончив-

пій Парижскую консерваторію съ высшей наградой и зарекомендовавшій себя въ качествѣ выдающагося виртуоза.

Любопытно, что Фрей, пріѣхавъ въ Москву, занялся своимъ фортепіаннымъ классомъ, не зная ни одного слова по-русски. Ипполитовъ-Ивановъ же не зналъ иностранныхъ языковъ, и съ новымъ профессоромъ, которому искренно симпатизировалъ, могъ объясняться съ большимъ трудомъ.

Пресмѣшны были разговоры директора консерваторіи съ швейцарцемъ-профессоромъ.

— Ну, что, Эмиль Эмильевичъ, — начинаетъ Ипполитовъ, — все у васъ хорошо, довольны?.. Контанъ ву?.. Компрэнэ?

— Корошо, корошо, — радостно отвѣчаетъ Фрей, — *très bien*, корошо! я скоро понимаю буду русскаго языка. Учусь *beaucoup*!

— То-то и оно-то, — одобрительно бросаетъ маститый композиторъ, — учитесь, учитесь, дорогой мой, русскому языку, если онъ вамъ нравится. Хорошій языкъ, хотя и трудный для вашего брата.

Но трудолюбиваго и способнаго иностранца трудности не испугали, и онъ въ короткій срокъ выучился объясняться на руссксмъ языкѣ довольно свободно.

Фрей былъ молодой человѣкъ очень симпатичной наружности. Въ немъ чувствовался культурный, обходительный, воспитанный и очень пріятный собесѣдникъ. Настоящій европеецъ.

Въ нашемъ домѣ Фрей былъ постояннымъ и желаннымъ гостемъ. Когда его просили, онъ охотно, не ломаясь, садился за рояль и восхитительно игралъ не только чужія произведенія, но и свои собственные. Талантливый піанистъ въ интимной компаніи иногда съ большимъ

искусствомъ высвистываль цѣлыя аріи. Эта способность его производила особенное впечатлѣніе на мою десятилѣтнюю дочь.

Россіей, а особенно Москвою, швейцарецъ очень интересовался. Свои впечатлѣнія о Кремлѣ Фрей запечатлѣлъ въ большомъ произведеніи для рояля, которое назвалъ «Романтической фантазіей». Въ этой вещи слышатся и московскіе колокола, и куранты Спасской башни, и русскіе народные мотивы.

Покинулъ Фрей Москву и вернулся въ Швейцарію послѣ февральскаго переворота 1917 года, когда жизнь въ Россіи становилась все сложнее и сложнее.

Въ настоящее время имя Фрея въ Европѣ дѣлается все болѣе и болѣе извѣстнымъ и какъ блестящаго виртуоза, и какъ композитора.

Профессорство Фрея въ Москвѣ любопытно въ томъ отношеніи, что служить нагляднымъ доказательствомъ того, насколько Московская консерваторія относилась терпимо и благожелательно къ своему профессору, не владѣющему совершенно русскимъ языкомъ.

И Фрей—не единственный случай. Вспоминается мнѣ профессоръ Мазетти, у котораго училась Нежданова, немилосердно коверкавшій русскій языкъ. Едва говорилъ по-русски, когда пріѣхалъ въ Россію, и великолѣпный скрипачъ, одинъ изъ лучшихъ профессоровъ, чехъ Гржимали. А сколько между профессорами было евреевъ! Кипъ, Гольденвейзеръ, Кенеманъ, Прессъ и др. Однимъ словомъ, Императорская Московская консерваторія широко открывала свои двери каждому таланту, не справляясь о его вѣрѣ, о его національности, не требуя даже обязательнаго знанія государственнаго языка. Если что и объединяетъ человѣчесво, то это

именно искусство, въ области котораго можно и должно обходиться безъ всякой политики и политиканства.

А. И. Губертъ.

Многіе годы обязанности инспектора классовъ Московской консерваторіи исполняла Александра Ивановна Губертъ. Ее хорошо знаютъ всѣ кончившіе консерваторію въ началѣ этого столѣтія.

Этотъ «инспекторъ въ юбкѣ» съ удивительнымъ рвеніемъ и добросовѣстностью исполнялъ свои очень хлопотливыя обязанности. Александра Ивановна умѣла приказывать. Ей безъ всякихъ возраженій подчинялись не только представительницы прекраснаго пола, но и косматые басы и великовозрастные тромбонисты, обучавшіеся въ консерваторіи. Ее не только уважали, но и боялись.

Во время занятій она цѣлый день металась по коридорамъ, слѣдя за порядкомъ и никому не давая спуска.

— А вы, Арсеньевъ, опять опоздали,—раздавался ея властный голосъ,—я васъ предупреждала.

— Да я, Александра Ивановна, не по своей винѣ опоздалъ,—оправдывался провинившійся.

— Не оправдывайтесь, а знайте, что такъ вести себя нельзя,—слѣдовало суровое наставленіе.

Съ консерваторіей Александра Ивановна какъ бы тѣсно слилась. Мужа своего, который былъ профессоромъ консерваторіи и также состоялъ въ должности инспектора, она поте-

рjala въ концѣ прошлаго столѣтія. Оба супруга были очень дружны съ Н. А. Рубинштейномъ и П. И. Чайковскимъ.

За нѣсколько лѣтъ до войны Александра Ивановна отказалась отъ должности инспектора. Эту должность занялъ Е. А. Колчинъ. Но Александра Ивановна совершенно отказаться отъ консерваторіи не могла. Она продолжала свою педагогическую дѣятельность въ младшихъ классахъ консерваторіи въ качествѣ преподавательницы фортепіанной игры.

Одно время въ Москвѣ строились дома на акціонерныхъ началахъ. За свою долгую трудовую жизнь Александра Ивановна скопила маленькій капиталецъ. Этотъ капиталецъ она вложила въ строящійся на акціонерныхъ началахъ домъ, гдѣ получила въ собственность квартиру въ пять комнатъ.

Незадолго до революціи Губертъ изъ консерваторіи, гдѣ она занимала большую казенную квартиру, перебралась на Ямскую-Долго-руковскую въ упомянутую собственную квартиру. Тамъ она предполагала въ тиши дожить свой вѣкъ. Но судьба сыграла съ нею злую шутку.

Вскорѣ послѣ большевицкаго переворота какъ то бѣдная Александра Ивановна прибѣгаетъ въ консерваторію, гдѣ я случайно въ это время находился, и сообщаетъ слѣдующее:

— Меня только что выбросили изъ моей квартиры. Выгнали на улицу. Даже мебель не позволили вывезти; только платье и бѣлье. Моя квартира понадобилась «трудоу народу», какъ мнѣ объяснили. А я развѣ не принадлежу къ «трудоу народу», развѣ моя жизнь не сплошной трудъ, не сплошная работа?.. За что, за что?..

Тутъ несчастная старушка не выдержала и горько, горько разрыдалась. До сихъ поръ помню эти слезы!

Конечно, и директоръ консерваторіи, и многіе знакомые пытались помочь Александрѣ Ивановнѣ и принялись хлопотать за нее. Но никакіе хлопоты не помогли. Квартира осталась въ рукахъ «трудового пролетаріата». Кажется, удалось спасти только кое-что изъ квартирной обстановки. А. И. дали пріютъ въ зданіи консерваторіи, гдѣ она и устроилась въ какомъ-то уголкѣ съ тѣмъ скарбомъ, который ей удалось захватить съ собой.

Впрочемъ, подобныхъ случаевъ въ концѣ 1917 и въ 1918 г. въ Москвѣ было очень много, и потому, хотя всѣ жалѣли и сочувствовали несчастной женщинѣ, но каждый думалъ:—«сегодня ты, а завтра я!.. Пусть неудачникъ плачетъ».

Кажется, Александра Ивановна еще жива и продолжаетъ давать уроки, но точныхъ свѣдѣній я о ней не имѣю.

А. П. ЧЕХОВЪ — ПРЕДВѢСТНИКЪ КУЭ.

Въ восьмидесятихъ годахъ я какъ-то выѣхалъ изъ Москвы, направляясь на югъ. Занялъ я мѣсто въ вагонѣ второго класса. Вечерѣло. Противъ меня помѣстилась пожилая полная еврейка, а на сосѣдней скамейкѣ расположились симпатичнаго вида блондинъ съ маленькой бородкой и пенсне на носу, и маленькій, похожій на чернаго жучка, брюнетъ.

Какъ только поѣздъ отошелъ отъ станціи, пожилая еврейка начала сначала тихо, а потомъ все громче и громче стонать и приговаривать:

— Ой, больно! Ой, ой, какъ больно! Смерть прямо!

— Что съ вами?—спросилъ я.

— Животъ!.. Животъ страшно болитъ. Ужасно! Безъ всякой причины. Болитъ себѣ и болитъ! Умру въ дорогѣ!

Вдругъ блондинъ въ пенсне, повернувшись къ еврейкѣ, пріятнымъ баритономъ вѣжливо проговорилъ:

— Я докторъ. Вы, видимо, больны? Не могу-ли я чѣмъ либо помочь вамъ?

При этихъ словахъ еврейка быстро засыпала его словами:

— Ахъ, докторъ, какъ я вамъ буду благодарна, если вы дадите мнѣ хорошій совѣтъ.

Продуло, не иначе! Нѣтъ ли у васъ съ собой какихъ-нибудь капель или порошковъ?

— Есть, есть,—съ еле уловимой улыбкой замѣтилъ докторъ,—у меня, къ вашему счастью, имѣются съ собой замѣчательнѣйшіе порошки. Въ составъ ихъ входитъ новое средство, которое на всякія боли дѣйствуетъ совершенно волшебнымъ образомъ.

Тутъ онъ всталъ, взялъ съ сѣтки свой чемоданъ и началъ рыться въ вещахъ. Затѣмъ направился въ уборную и, вернувшись оттуда, подаль еврейкѣ стаканъ, наполненный на одну четверть водой, со словами:

— Вотъ и лѣкарство. Пейте залпомъ. Сразу же, ручаюсь, всѣ боли у васъ исчезнутъ.

Больная жадно проглотила содержимое стакана и со вздохомъ облегченія проговорила:

— Ахъ, какое сильное средство! Соленый вкусъ даже! Большое спасибо вамъ, докторъ!

— Черезъ полминуты вы ни малѣйшихъ болей испытывать не будете. Мое средство универсальное!—серьезно и даже строго проговорилъ блондинъ.

— Да, да, мнѣ уже лучше, право-же, лучше,—затараторила еврейка,—боли проходятъ, совершенно проходятъ! Вы удивительный докторъ!

Въ Калугѣ еврейка вышла, осыпая доктора похвалами, а я познакомился съ моими спутниками.

Оказалось, что еврейку вылѣчилъ Антонъ Павловичъ Чеховъ, который въ то время писалъ маленькіе юмористическіе рассказы для «Будильника» и другихъ еженедѣльниковъ.

— Что вы ей дали? — спросилъ я Чехова, когда мы разговорились.

— Видите-ли,—съ лукавой улыбкой отвѣтилъ писатель,—я далъ еврейкѣ простую воду,

къ которой прибавилъ немного обыкновенной соли (другого лѣкарства у меня съ собою нѣтъ). Но дѣло не въ лѣкарствѣ, а въ вѣрѣ. Моя пациентка повѣрила, что мой порошокъ сразу же утолитъ всѣ ея боли. Ну, эта вѣра и спасла ее отъ страданій. Я увѣренъ, что во многихъ случаяхъ путемъ внушенія можно облегчить страданія больного, особенно нервнаго характера.

Весь вечеръ мы бесѣдовали подъ стукъ мѣрно двигающагося поѣзда. Эта случайная первая и послѣдняя встрѣча съ нашимъ великимъ писателемъ осталась у меня ярко въ памяти.

„ДѢЛО КОРНЕТА ЕЛАГИНА“.

Въ книжкѣ «Современныхъ Записокъ» напечатанъ великолѣпный разсказъ И. Бунина «Дѣло корнета Елагина».

Фабула этого разсказа не выдумана. Судебное дѣло, послужившее канвой для этого произведенія, прошло передъ моими глазами. Было это болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ. Кажется, въ 1890 году.

Въ лейбъ-гвардіи Гродненскомъ гусарскомъ полку въ Варшавѣ служилъ корнетъ Бартеневъ. Онъ влюбился въ очень красивую и талантливую драматическую артистку Марію Висновскую и сдѣлался ея любовникомъ.

Въ одну злополучную ночь Бартеневъ, во время свиданія со своей возлюбленной на квартирѣ, устроенной специально для ихъ встрѣчъ, застрѣлилъ Висновскую, о чемъ немедленно самъ же сообщилъ своимъ товарищамъ по полку.

На судѣ въ качествѣ защитника выступилъ знаменитый московскій «Златоустъ» — присяжный повѣренный Плевако. Дѣло разбиралось коронными судьями, такъ какъ въ то время въ западномъ краѣ суда присяжныхъ не было.

На скамьѣ подсудимыхъ фигурировалъ маленькій блондинъ въ штатскомъ платьѣ, такъ

какъ еще до суда Бартеневъ былъ уволенъ въ отставку. Разбиралось дѣло при закрытыхъ дверяхъ, и я попалъ въ залъ по особой протекціи, какъ чинъ военно-судебнаго вѣдомства.

Подсудимый не отрицалъ, что убилъ Висновскую, но утверждалъ, что онъ это сдѣлалъ по настоянію самой покойной, такъ какъ они оба рѣшили умереть, не имѣя возможности оформить свою связь бракомъ.

Убитая была найдена въ одной сорочкѣ, причемъ на животѣ лежали визитныя карточки и... красныя вишни. На одной изъ визитныхъ карточекъ рукой Бартенева было написано:

«Что, старая обезьяна, не досталась она тебѣ?»

Эта фраза, какъ установила судебная власть, относилась къ директору варшавскихъ правительственныхъ театровъ, генералу Палицыну, съ которымъ Висновская была очень дружна.

Я впервые слушалъ Плевако. Это былъ совершенно исключительныхъ дарованій ораторъ.

Свою защиту знаменитый адвокатъ построилъ на гипотезѣ, что Бартеневъ — совершенно ничтожный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, который въ рукахъ неуравновѣшенной и истеричной артистки былъ лишь жалкой игрушкой. Висновская играла съ корнетомъ, какъ кошка съ мышкой; своей воли въ присутствіи покойной у него не было. Она и заставила его выстрѣлить въ себя, быть можетъ, даже желая лишь поиграть съ огнемъ и не думая, что роковая развязка такъ близка.

Бартеневъ остался очень недоволенъ рѣчью защитника, который, между прочимъ, доказывая ничтожество своего подзащитнаго, сказалъ:

— «Да простить меня подсудимый, но я не вѣрю его успѣхамъ у женщинъ!»

Дѣло было кассировано и разбиралось вторично. На второе разбирательство Барте-невъ Плевако не пригласилъ. Обидѣлся! Судъ приговорилъ убійцу къ восьми годамъ каторги.

СТИМУЛЬ.

Разсказъ.

Бывшій полковникъ Лейбъ-гвардіи Кавалергардскаго полка Всеволодъ Николаевичъ Дронинъ проснулся. Онъ повернулъ выключатель стоявшей на столѣ электрической лампы и взглянулъ на часы. Часы показывали семь.

— Еще два часа придется валяться въ постели, — съ тоскою подумалъ Дронинъ, — ужъ больше не засну, а вставать рано.

Не любилъ полковникъ этихъ утреннихъ часовъ. Просыпался онъ обыкновенно рано, но вставалъ только въ девять. И вотъ съ момента пробужденія до поднятія съ постели Дронинъ чувствовалъ себя особенно несчастнымъ, угнетеннымъ и одинокимъ. Въ это именно время ему вспоминалась прошлая жизнь, такъ безвозвратно ушедшая, и особенно ярко рисовалось его безотрадное настоящее.

— Что теперь дѣлать? — загвоздила его мозгъ назойливая мысль, — вотъ я, наконецъ, и въ Ригѣ, гдѣ, какъ увѣряли, я всегда найду работу. Но работы нѣтъ, деньги на исходѣ, что предпринять, куда дѣваться? За этотъ мѣсяцъ за комнату я еще уплачу, денегъ хва-

титъ, ну, а дальше?.. Ужасъ одинъ, сплошной ужасъ!

Два часа Дронинъ ворочился на постели, все думая о самыхъ невеселыхъ предметахъ. Въ девять часовъ онъ всталъ и приступилъ къ своему туалету, который продолжался безконечно долго.

Покончивъ съ туалетомъ, полковникъ на дѣлъ на голову ермолочку и занялся уборкой комнаты, такъ какъ прислуги квартирная хозяйка не держала.

Справившись довольно неумѣло съ этимъ дѣломъ, при чемъ ему особенно долго пришлось повозиться съ приведеніемъ въ порядокъ турецкаго дивана, служившаго ему вмѣсто кровати, онъ принялся за утреннее питаніе.

Часовая стрѣлка приближалась къ одиннадцати, когда Дронинъ покончилъ съ ѣдой и взялся за «Страсть мистера Марапита» Хетчинсона. Этотъ юмористическій англійскій романъ настолько увлекъ его, что онъ былъ нѣсколько неприятно пораженъ, когда въ передней раздался звонокъ, а затѣмъ въ его комнатѣ появился гость.

Все же онъ любезно встрѣтилъ вошедшаго:

— Здравствуйте, Петръ Петровичъ! Очень радъ, что завернули ко мнѣ. Что новаго?

Петръ Петровичъ Шувевъ, какъ и Дронинъ, жилъ по, такъ называемому, Нансеновскому удовольствію, въ прошломъ дошелъ до генераль-лейтенантскаго чина и до трехъ звѣздъ, а въ настоящемъ жилъ впроголодь, бѣдствовалъ и проклиналъ войну, революцію, коммунистовъ и особенно Европу, которая такъ пассивно переноситъ большевицкое засилье. Шувевъ и Дронинъ были знакомы по Петербургу, гдѣ

имъ приходилось довольно часто встрѣчаться.

— Ну-съ, что у васъ новаго? — хриплымъ баскомъ бросилъ маленькій и совершенно лысый генераль, усаживаясь на стулъ и вынимая папироску.

Дронинъ не курилъ, а потому ему былъ противенъ запахъ дешевой папиросы, но онъ старался побороть въ себѣ это чувство и, протягивая гостю пепельницу, отвѣтилъ:

— Да что! Плохо! Нигдѣ рѣшительно никакой работы найти не могу. Еще хуже, нежели въ Берлинѣ. А главное, я какъ-то не умѣю похлопотать за себя. Для того, чтобы найти работу, требуется извѣстная доля нахальства, извѣстная навязчивость, настойчивость!.. Ну, а у меня этихъ свойствъ нѣтъ. Я какъ-то не умѣю импонировать и въ качествѣ просителя совсѣмъ не въ своей роли.

— Такъ, такъ! — протянулъ генераль, выпуская клубы ѣдкаго и противнаго дыма, — понимаю, мой милый, понимаю! Поклоны отвѣшивать никому удовольствія доставить не можетъ. Мы не такъ воспитаны! Ну, и прошлое наше стоитъ передъ нашими глазами. Себя не передѣлаешь!.. Ну, а куда вы толкались?

— Куда я толкался? Толкался я въ редакціи здѣшнихъ русскихъ газетъ и журналовъ. Хотѣлъ найти какую-нибудь работу въ качествѣ хроникера, беллетриста или театральнаго рецензента. Я вѣдь въ газетѣ работалъ послѣднія пять лѣтъ довольно много.

— Ну, и что?

— Вездѣ отказъ. Всюду переполнено.

— И вы носъ повѣсили?

— Повѣсилъ, конечно! Остается, кажется, лишь самому повѣситься... Ну, а у васъ какъ?

— Средне! Я, какъ вы знаете, состою контролеромъ въ кино у Даву. Не сытъ, но и не голодаю. Ну, и жена кое-что зарабатываетъ уроками англійскаго языка. Перебьемся до лучшихъ временъ.

— А я вотъ,—со вздохомъ проговорилъ Дронинъ,—совершенно одинокъ. Никого! Такая тоска, такая тоска! И не умираешь! И радъ бы уйти изъ жизни, но это вѣдь не такъ просто. И не хочется ни за что братья, все валится изъ рукъ... Просто такая неврастенія, такой душевный маразмъ что, право..

Тутъ онъ безнадежно махнулъ рукой и замолчалъ.

— Знаете,—пробасилъ генераль,—я понимаю ваше состояніе. Вы впали въ бѣженскую апатію. А впали вы въ эту апатію потому, что вы одиноки. У васъ нѣтъ стимула для того, чтобы бороться за свое существованіе. Будь у васъ близкіе люди, о которыхъ вы должны были бы думать, заботиться, пѣня была бы другая. Вы бы встряхнулись, и спинку, не стѣсняясь, гнули бы передъ разными хамами и нахальство бы у васъ явилось, и въ концѣ концовъ какую-нибудь работу гдѣ-нибудь нашли бы. Для себя лично вы не хотите итти на униженія и спрятать въ карманъ свое самслюбіе, ну, а для дорогого и близкаго человѣка вы на все пошли бы.

— Возможно, Петръ Петровичъ, что вы и правы,—согласился полковникъ,—одно скажу, что мнѣ адски надоѣло каждый день просыпаться и начинать опять жить. Я прямо усталъ, усталъ бороться за существованіе, усталъ жить.

— Стимула нѣтъ, стимула нѣтъ—пробормоталъ генераль, прощаясь съ хозяиномъ, —оттого и расхлябались...

Послѣ ухода Шуева Дронинъ опять съ жадностью набросился на свой англійскій романъ и къ тремъ часамъ дня дошелъ до финала.

— Хорошо написалъ, каналья, — сталъ размышлять полковникъ, надѣвая пальто, — нельзя оторваться. И сколько юмора! Вѣроятно, этотъ Хетчинсонъ, о которомъ я раньше никогда не слыхалъ, зарабатываетъ недурно. Надо будетъ познакомиться съ его другими произведеніями.

Всецѣло находясь подъ обаяніемъ прочитанной книги, Дронинъ вышелъ на улицу и медленными шагами побрелъ по направленію къ центру города.

У краснаго зданія средневѣковаго типа на Большой Кузнечной улицѣ полковникъ остановился и поднялся по темноватой и мокрой каменной лѣстницѣ на второй этажъ. Въ просторномъ и довольно плохо освѣщенномъ помещеніи пахло кислой капустой, кухней и табакѣмъ. Это была нѣмецкая, такъ называемая, «народная столовая», гдѣ за 20 латв. рублей, то есть за двѣнадцатую часть доллара, можно было получить обѣдъ изъ двухъ блюдовъ.

Дронинъ направился къ клѣткѣ-кассѣ, гдѣ сидѣла миловидная блѣдная нѣмочка, и купилъ «чекъ». Съ этимъ чекомъ онъ усѣлся за одинъ изъ свободныхъ длинныхъ столовъ, покрытый клеенкой, и оглянулся. Народу въ столовкѣ было мало. Черезъ нѣсколько минутъ къ полковнику заковыляла древняя старушка. Она взяла чекъ и поставила передъ посѣтителемъ подносъ съ тарелкой гороховаго супа и небольшой котлетой съ картофельнымъ пюре.

Съ быстротой молніи Дронинъ проглотилъ сначала котлету, а потомъ супъ.

— Маловато,—подумалъ онъ, — но зато и дешево, и не отравляютъ. Впрочемъ—«кто не работаетъ, тотъ не ѣстъ». Ну, а я не работаю, значитъ, мнѣ много ѣсть не полагается.

— А, полковникъ, и вы здѣсь?—обратился къ Дрону пожилой плотный мужчина, подходя къ его столу.

— Здравствуйте, докторъ—привѣтливо отозвался Дронинъ,—что новаго?

— Довольны обѣдомъ?

— Ну, знаете, за эти деньги лучше нигдѣ не пообѣдаешь. Я вамъ очень благодаренъ, что вы меня сюда направили, здѣсь для нашего брата, эмигранта, питаются гораздо практичнѣе, нежели въ другомъ мѣстѣ.

— Правда,—согласился докторъ — здѣсь питается очень много «бывшихъ людей». Вотъ за тѣмъ концомъ стола къ тремъ часамъ насъ постоянно собирается небольшая компанія стариковъ, которые когда-то видѣли лучшие дни. Ну, а теперь мы довольствуемся этой столовкой и благословляемъ еще судьбу за то, что она не повернулась къ намъ окончательно спиной. Теперь приходится довольствоваться малымъ. Ну, пойду къ моимъ старикамъ. Будьте здоровы.

Когда Дронинъ выходилъ на улицу, онъ вдругъ столкнулся на лѣстницѣ съ молодой женщиной, которая его окликнула:

— Всеволодъ Николаевичъ, неужели это вы?

— Наталья Александровна... княжна... какими судьбами?

— Вотъ ужъ не ожидала, что васъ здѣсь встрѣчу. Какая удача. Вы уже обѣдали? Посидите со мной, пока я буду обѣдать.

Во время обѣда Наталья Александровна рассказала Дрону о своихъ приключеніяхъ.

Она только мѣсяцъ тому назадъ попала въ Ригу прямо изъ Петрограда.

— Какъ вамъ удалось оттуда выбраться? — задалъ вопросъ полковникъ.

— Ахъ, это цѣлая исторія. Вѣдь мы не видались съ вами съ 1917 года. За это время и папа, и мама умерли. Ну, конечно, у насъ все отняли... Жизнь сдѣлалась такой невыносимой, что я рѣшила во что бы то ни стало покинуть на нѣкоторое время Россію. У меня уцѣлѣли кое-какіе брилліанты. Мнѣ посоветовали найти иностранца, который вступилъ бы со мною въ фиктивный бракъ и вывезъ меня на свою родину. Другимъ способомъ уѣхать было невозможно. Ну, такой иностранецъ нашелся. Старый латышъ. Я продала мои брилліанты и заплатила латышу условленную сумму. Онъ женился на мнѣ и вывезъ меня въ Ригу. Я уже больше мѣсяца здѣсь. И вообразите себѣ, что мой латышъ, то есть фиктивный мужъ, три недѣли тому назадъ умеръ въ три дня отъ воспаленія легкихъ. И я сейчасъ уже не княжна Дольская, но мадамъ Грантисъ, у меня имѣется латвійскій паспортъ, и я вдова. Какъ вамъ все это нравится?

— Изумительно! Я страшно, страшно счастливъ, что встрѣтилъ васъ. Вѣдь вы знаете, что, еслибъ не обрушилась на насъ эта революція, вѣроятно, я сдѣлалъ бы вамъ предложеніе? Вы это чувствовали?

— Да, чувствовала, — прошептала Ната, опуская свои лучистые каріе глаза, — я тоже беспокоилась за васъ, когда узнала, что вамъ пришлось бѣжать къ Деникину. Господи, какъ мы много, много пережили! Какъ наша прошлая жизнь безвозвратно ушла!

— Ну, а здѣсь, какъ вы устроились? — спросилъ Дронинъ, — что дѣлаете?

Дѣвушка вздохнула и тихо проговорила:
— Какъ я устроилась? Пока живу у одной старушки и ищу какой-либо работы. У меня есть одинъ урокъ англійскаго языка, но этого мало. Ресурсы мои приходятъ къ концу. Не знаю, право, что я буду дѣлать, чѣмъ буду жить черезъ мѣсяцъ. Надѣюсь на то, что найду еще нѣсколько уроковъ или какіе-нибудь переводы... Ну, а вы какъ?

— Не лучше! Тоже живу лишь надеждой на лучшее будущее.

Оживленно болтая, Дронинъ и Ната вышли изъ столовки и направились на Альбертовскую, гдѣ жила дѣвушка.

Съ этой первой встрѣчи въ Ригѣ они видѣлись очень часто. Всеволодъ Николаевичъ почувствовалъ, что въ сердцѣ его вспыхнула съ прежней силой его давнишняя любовь къ Натѣ, и что она стала для него самымъ близкимъ и дорогимъ существомъ въ мірѣ.

— Вотъ и стимулъ напелся, о которомъ разглагольствовалъ Шувъ,—думалъ Дронинъ, рыская по городу и пытаясь найти какую-нибудь работу, — теперь я долженъ, обязанъ найти работу, обязанъ помочь Натѣ устроить сносно свою жизнь.

Цѣлыми ночами полковникъ писалъ, стараясь приготовить подходящій матеріалъ для газетъ и журналовъ, а днемъ бѣгалъ по редакціямъ и вездѣ предлагалъ свои услуги.

Послѣ цѣлаго ряда безплодныхъ попытокъ онъ попалъ, наконецъ, въ кабинетъ редактора «Оки».

— Видите-ли,—процѣдилъ вяло редакторъ, — я, по вашему настоянію и входя въ ваше положеніе, фельетонецъ вашъ прочиталъ. Онъ, знаете ли, не то, чтобы былъ плохъ, но намъ

не подходит. Вы снесите его лучше въ «Рижскій міръ». Тамъ, быть можетъ, помѣстятъ.

Дронина прорвало, и онъ съ жаромъ, временами запинаясь, но желчно и нервно сталъ возражать:

— Если мой фельетонъ, какъ вы сами находите, не плохъ, то убѣдительно прошу васъ помѣстить его. Да и вообще, очень, очень прошу васъ, дать мнѣ у себя постоянную работу. Поймите, что я тону, волны житейскія, выражаясь фигурально, захлестываютъ меня. Мнѣ некуда дѣваться, я дошелъ до предѣла. Вы же, какъ я слыхалъ, тоже эмигрантъ, тоже петербуржецъ. Помогите же мнѣ, дайте мнѣ какую-нибудь работу. Право, если мы не будемъ другъ другу помогать, то во что обратится наша жизнь на чужбинѣ?

— Но поймите-же, — нерѣшительно замѣтилъ редакторъ, перебирая нетерпѣливо свою часовую цѣпочку, — что у насъ все переполнено, все занято, ничего нѣтъ...

— Если вы захотите, то и для меня работа найдется, — горячо прервалъ его Дронинъ, — только захотите! Я вамъ и рассказы буду писать, и фельетоны, и отчеты, и рецензіи... все, что хотите, однимъ словомъ.

— Я подумаю. — промычалъ маленькій человѣкъ, не зная, какъ отдѣлаться отъ своего посѣтителя.

— Нѣтъ, простите, — продолжалъ послѣдній, — если я васъ попрошу вопросъ этотъ рѣшить немедленно. Вѣдь я хожу къ вамъ уже цѣлый мѣсяцъ и впервые мнѣ удалось въ концѣ концовъ переговорить съ вами. У васъ постоянно не было минуты свободной. Если вы начнете обо мнѣ думать, то мнѣ крышка.

Разговоръ въ этомъ духѣ продолжался еще минутъ десять и въ концѣ концовъ натискъ,

доводы и настойчивость полковника побѣдили упрямство редактора, и Дронинъ попалъ въ число постоянныхъ сотрудниковъ «Оки».

Въ газетѣ Всеволодъ Николаевичъ принялся работать съ такимъ усердіемъ, не отказываясь ни отъ какихъ порученій, что уже черезъ мѣсяцъ онъ сталъ въ ней твердой ногой и зарабатывалъ достаточно, чтобы уплатить не только за свою комнату, но помогать и Натѣ. Нату онъ посѣщалъ ежедневно и послѣ усиленной бѣготни досталъ для нея у одного рижскаго издателя работу: перевести напумѣвшій французскій романъ на русскій языкъ.

Въ послѣднихъ числахъ марта однажды подъ вечеръ Дронинъ, по обыкновенію, зашелъ къ Натѣ.

— Ну, Ната (послѣднее время полковникъ называлъ своего друга по имени), поздравьте меня. Сегодня мой принципаль объявилъ мнѣ, что работой моей онъ доволенъ и отнынѣ ежемесячно я буду получать семь тысячъ плюсъ построчную плату. Вы понимаете: это же цѣлое состояніе. Полная удача. Вы принесли мнѣ, дорогая моя, счастье. Ну, угощайте чаемъ и поболтаемъ.

— Да, — мечтательно продолжалъ полковникъ, откинувшись на спинку дивана, — вѣдь еще такъ недавно я совершенно былъ неспособенъ бѣгать въ поискахъ работы по городу, хлопотать, навязывать свои услуги, приставать къ незнакомымъ людямъ, кланяться, гнуть спину... Не было стимула для этого занятія. Я впалъ въ какой-то маразмъ, меня охватила полная апатія. Мечта о самоубійствѣ каждое утро гвоздила мой мозгъ. Я положительно превратился въ живой трупъ. И вдругъ на горизонтѣ появляется вы, моя волшебная фея. Сказка настоящая! Картина рѣзко мѣ-

няется. Изъ некудышнаго бывшаго кавалергарда, избалованнаго жизнью, я вдругъ превращаюсь въ хлопотуна, въ энергичнаго молодого человѣка, чуть ли не съ оружіемъ въ рукахъ завоевывающаго себѣ мѣсто среди другихъ конкурентовъ. Мысль о томъ, что я обязанъ помочь вамъ, что безъ меня, чего добраго, вы не въ состояніи будете выкарабкаться на спасительный берегъ, заставила меня встрепетнуться и превратиться въ то, что я сейчасъ. Въ вашемъ лицѣ нашелся для меня стимулъ. Этотъ стимулъ подтолкнулъ меня, подтянулъ, окрылилъ и далъ удачу.

— Вы, милый мой, энтузіастъ и все преувеличиваете, — мягко замѣтила Ната, ставя передъ гостемъ стаканъ чаю, — впрочемъ, будемъ думать, что наша встрѣча принесла намъ обоимъ счастье. Мы теперь не такъ одиноки! А безъ васъ, скажу откровенно, я здѣсь, вѣроятно, погибла бы. Вѣдь у меня рѣшительно никого, никого въ Ригѣ нѣтъ.

— Садитесь, Ната, рядомъ со мной, — проговорилъ Дронинъ, взявъ дѣвушку за руку, — вотъ такъ... Я хочу вамъ что-то сказать. Страшно, страшно важное! Дѣло въ томъ... Ну, однимъ словомъ... Да вѣдь вы же понимаете, чортъ возьми, что я васъ люблю, что вы для меня самое дорогое, самое первое въ жизни... Вѣдь понимаете?

Эти слова полковникъ произнесъ съ трагическимъ пафосомъ, при чемъ съ силой, до боли сжалъ маленькія, аристократическія руки, захваченныя имъ въ плѣнъ.

— И я васъ люблю, — просто отвѣтила дѣвушка, — но, голубчикъ, мнѣ больно, вы мнѣ пальцы переломаете, освободите мои руки.

Дронинъ разжалъ свои ладони и покраснѣвшія нѣжныя, мягкія горячія руки обхватили его шею, а красивый характерный ротъ съ очаровательной ямочкой на нижней губѣ чуть-слышно прошепталъ :

— Милый, милый, дорогой мой, мой единственный!.. Я давно, давно, какъ себя помню, люблю тебя и никогда не переставала любить... Какое счастье, что мы встрѣтились!.. Я теперь навѣки твоя, а ты навѣки мой... Никому, никому не отдамъ тебя...

Дальнѣйшія слова были прерваны горячими поцѣлуями и безпорядочными восклицаніями :

— Итакъ, ты моя невѣста!..

— Я такъ рада, что не буду больше называться Грантисъ!.. Мы созданы другъ для друга!.. Не даромъ судьба насъ сначала разлучила, а потомъ соединила!.. Возьмемъ двѣ комнатки, поженимся и отлично устроимся!.. Ты опять, дорогой, слишкомъ сильно сжалъ мою руку. Пощади!

— Прости, прости безцѣнная, я хочу тебя съѣсть, всю съѣсть, безъ остатка!..

Надвинулась ночь. Въ комнатѣ наступилъ полумракъ, а съ улицы глухо доносились автомобильные гудки. Подъ окнами рѣзко прозвучалъ тревожный колоколъ несущагося пожарнаго автомобиля... Гдѣ то неистово залаяли собаки, въ прихожей вдругъ жалобно замыкала хозяйская кошка, въ дальней комнатѣ раздался плачь ребенка...

Но рѣшительно никакого дѣла до всего этого влюбленнымъ не было.

ПУГОВИЦА.

Разсказъ.

— Не могу, не могу! Проклятіе! Вотъ гадость!— съ досадою ворчалъ Пронинъ, пытаюсь безуспѣшно пропустить конецъ нитки въ игольное ушко.

Съ этимъ дѣломъ онъ мучился минутъ десять. Въ концѣ концовъ, услышавъ въ коридорѣ знакомые шаги горничной, молодой человѣкъ (Пронина можно было назвать еще молодымъ человѣкомъ, такъ какъ на видъ ему было не болѣе тридцати лѣтъ) позвалъ:

— Дуняша, Дуняша!

Въ скромную комнатку, которую квартирантъ занималъ уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ, вошла высокая бѣлобрысая дѣвушка, плотная, крѣпкая. Лицо ея, на которомъ бросался въ глаза нѣсколько вздернутый носикъ, не отличалось красотой, но дышало здоровьемъ и молодостью.

— Дуняша, милая, — взмолился Пронинъ, — вдѣньте мнѣ иголку въ нитку, то-есть нитку въ иголку, чортъ возьми, я хочу сказать... Вы понимаете, такое несчастье: надо пришить вотъ пуговицу, оторвалась проклятая, а я никакъ не могу продѣть въ это проклятое ушко нитку.

Горничная улыбнулась и довольно чистымъ русскимъ языкомъ, хотя и была латышка, отвѣтила:

— Давайте, баринъ! Да вѣдь у васъ бѣлыя нитки, а надо черныя.

— Черныхъ нитокъ у меня нѣтъ, — виновато замѣтилъ Пронинъ, — да не все ли равно.

— Совсѣмъ не все равно! Видно будетъ, что пуговицы пришиты бѣлыми нитками. Не-красиво! Дайте мнѣ свой пиджакъ, и я вамъ пуговицу пришью.

— Пришейте здѣсь: мнѣ такъ скучно. Все одинъ, да одинъ. Поболтаемъ!

Дѣвушка разсмѣялась, обнаруживъ свои крѣпкіе, ровные, бѣлые зубы, умчалась въ коридоръ и черезъ нѣсколько мгновеній опять появилась въ комнатѣ жильца.

Пуговица была водворена на свое мѣсто, при чемъ водвореніе это продолжалось довольно долго, такъ какъ Пронинъ мѣшалъ Дуняшѣ, хваталъ ее за руки, наговоря поцѣловать и уцѣпнуть.

— Оставьте, баринъ, не балуйте, — проговорила, наконецъ, горничная такимъ строгимъ голосомъ, сверкнувъ недовольно своими бутылочнаго цвѣта глазами, что молодой человѣкъ сконфузился, сразу притихъ и сталъ довольно неловко оправдываться:

— Вы, Дуняшечка, не сердитесь! Я вѣдь только пошутилъ, ничего лишняго себѣ не позволилъ бы. Право. Спасибо, большое спасибо за пуговицу... Но, милая Дуняша, посмотрите еще вотъ эту пуговицу; она, кажется, очень подозрительно ведетъ себя: вотъ-вотъ отвалится!

Пуговица, дѣйствительно, оказалась подозрительной, и горничная укрѣпила и ее.

— Дуняша, а у васъ есть женихъ?—задалъ вопросъ Пронинъ, незамѣтно стараясь ослабить на пиджакъ новую пуговицу.

— Никакихъ такихъ жениховъ у меня нѣтъ и не бывало. Я не очень то обожаю мужчинъ... Да вы не вертите такъ пуговицу, оторвете.

— А вы пришьете,—игриво бросилъ жилецъ,—я люблю смотрѣть, какъ вы ловко, быстро и хорошо шьете. Способная вы и... премилая. Но стойте, стойте, не уходите еще... Я хочу васъ спросить! Минутку! Вѣдь вы латышка, а зоветесь Дуняшей. Развѣ у латышей есть такое имя?

— Мои родители православные, и я жила въ Петербургѣ. Ну, меня и называли при крещеніи Авдотьей.

— А какъ звали отца вашего?

— Филимономъ.

— Ну, значитъ, Авдотья Филимоновна?!

Дуняша прыснула и, не взирая на то, что Пронинъ схватилъ ее за руку и хотѣлъ удержать, выскочила въ коридоръ, повторяя:

— Авдотья Филимоновна, Авдотья Филимоновна!.. Тоже сказалъ. Я, значитъ, Авдотья Филимоновна!.. Умереть отъ смѣха!.

Съ этого и началось. Послѣ исторіи съ пуговицей Пронинъ часто сталъ прибѣгать къ услугамъ горничной, при чемъ она не только пришивала ему пуговицы, но чинила и бѣлье его.

Отъ времени до времени онъ дарилъ Дуняшѣ деньги и конфекты. И то, и другое горничная охотно брала, при чемъ неизмѣнно повторяла:

— Ну, зачѣмъ это? Я, баринъ и такъ для васъ постаралась бы!

Однажды Пронинъ зашелъ къ своему единственному пріятелю Дулову, съ которымъ онъ служилъ въ одномъ полку во время наступленія Юденича на Петербургъ. Этотъ походъ и общія испытанія сблизили молодыхъ офицеровъ, и, когда судьба занесла ихъ въ Ригу, они не теряли связи другъ съ другомъ и встрѣчались очень часто.

— Знаешь, душа моя,— заявилъ торжественно Пронинъ, усаживаясь противъ Дулова и закуривая папироску,— въ моей жизни можетъ произойти большая перемѣна.

— Уѣзжаешь въ Бѣлградъ?— взволнованно спросилъ Дуловъ.

— Ничего подобнаго. Совсѣмъ изъ другой оперы. Видишь ли, душа моя, мнѣ до смерти надоѣла холостяцкая жизнь, ну...

— Ты женишься? Поздравляю. На комъ?

— Это еще не совсѣмъ рѣшено,— съ нѣкоторой заминкой продолжалъ Пронинъ— боюсь, что ты, дружище, меня ругать будешь. Видишь ли, дорогой, вся суть въ томъ что я хочу жениться на совершенно простой дѣвушкѣ.

— На латышкѣ?— сурово бросилъ Дуловъ.

— Именно, но что же изъ этого? Я латышекъ очень люблю. Это хорошій типъ женщины! Къ тому же, эта латышка всю свою молодость жила въ Питерѣ; она православная, лучше говоритъ по русски, нежели на своемъ родномъ языкѣ. Вотъ оно что, душа моя! А ты какъ думаешь?

— Что я могу думать, когда я не знаю, кого ты себѣ намѣтилъ въ жены. А въ общемъ, признаюсь откровенно, я этихъ, такъ называемыхъ, неравныхъ браковъ терпѣть не могу. Интеллигентный мужчина съ неинтеллигентной женщиной никогда счастливъ не будетъ. Для меня это аксіома. Но кто она? Не секретъ?

— Дуняша, наша горничная; ты ее видѣлъ.

— Дуняша!—съ искреннимъ изумленіемъ воскликнулъ Дуловъ,—вотъ оно что!

— Ну, да, Дуняша!—съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ продолжалъ Пронинъ—преlestное существо: молодое, неиспорченное культурой, работающая, умненькая, славная, однимъ словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ. Я съ ней живу отлично. Въ конторѣ Фогельбаума, гдѣ я работаю второй годъ, мнѣ обѣщали повысить жалованіе до девяти тысячъ рублей. На эти деньги мы чудесно устроимся. Главное же, у меня будетъ свой очагъ, домашній уютъ, не придется таскаться по разнымъ столовкамъ и портить себѣ желудокъ, не придется, наконецъ, самому себѣ чинить бѣлье и пришивать оторвавшіяся пуговицы..

— Такъ, такъ — скептически процѣдилъ Дуловъ,—тоска по семьѣ, стремленіе къ женщинѣ, стремленіе къ роли мужа... все это въ порядкѣ вещей!

— Ты, вижу,—горячо продолжалъ Пронинъ,—меня не одобряешь. Пойми же, душа моя, что мнѣ уже тридцать четыре года и я продолжать эту безсемейную жизнь не въ силахъ. Надо же въ концѣ концовъ прибить свой челнъ къ тихой пристани!

— Все это такъ, но почему Дуняша?—какъ бы про себя проворчалъ Дуловъ.

— Почему Дуняша?—запальчиво подхватилъ слова пріятеля Пронинъ,—да потому, что ничего другого у меня вѣдь нѣтъ. Гдѣ мы, несчастные изгои, можемъ себѣ сейчасъ найти подходящую жену и по рожденію, и по образованію? Гдѣ я здѣсь бываю, кого вижу, съ кѣмъ встрѣчаюсь? Работаю съ утра до вечера и, кромѣ тебя ни съ однимъ человѣкомъ частнаго знакомства не веду... Помѣстить объявле-

ніе въ «Брачномъ журналѣ» что-ли? Ну, до этого я еще не дошелъ. Нѣтъ, душа моя, вѣрь, что Дуняша моихъ ожиданій не обманетъ, и она въ сто тысячъ разъ лучше современной изломанной, такъ называемой, интеллигентной дѣвицы. Отъ этихъ крашенныхъ, стриженныхъ и модныхъ созданій меня прямо тошнить...

— Она любитъ тебя? — поинтересовался Дуловъ.

— Ну, вѣроятно, если и любитъ, то по своему, то-есть тихо, спокойно, безъ всякихъ бѣшеныхъ порывовъ и эксцессовъ.

— А ты ее?

— Какъ сказать!? Она мнѣ страшно, страшно нравится. Особенно носикъ у нея прелестный. Ну, и молода, чиста, непосредственна... Ее легко будетъ образовать и развить, она умненькая...

Пріятели на этомъ разстались, при чемъ Пронинъ чувствовалъ ясно, что Дуловъ къ его матримоніальнымъ планамъ отнесся отрицательно.

А черезъ мѣсяць состоялось скромное вѣнчаніе Пронина съ Дуняшей въ Троицкой церкви. Изъ церкви, по настойчивому приглашенію молодыхъ, Дуловъ зашелъ къ нимъ на новую квартиру, гдѣ они устроились въ двухъ маленькихъ комнаткахъ.

Дуняша, одѣтая въ бѣлое платье, вся сіяла и съ гордостью показывала единственному гостю свое жилище:

-- Видите, баринъ, вотъ эта мебель почти вся наша; хозяйка только шкафъ дала и вѣнскіе стулья. Посмотрите, какія прекрасныя кровати. По случаю купили, не повѣрите, какъ дешево... Правда, хорошо?

Круглый столъ, стоявшій на серединѣ комнаты, былъ накрытъ бѣлоснѣжной ска-

тертью и уставленъ разными печеньями и сластями. Дуняша ловко принялась хозяйничать и угощать чаемъ.

— Вамъ крѣпкій, баринъ?—спросила она Дулова.

— Зовите меня не бариномъ,—съ улыбкой отозвался Дуловъ,—а Николаемъ Николаевичемъ, Авдотья Филимоновна.

— Авдотья Филимоновна!—задумчиво проговорила бывшая горничная,—некрасиво! Дуняша лучше! Никто никогда Филимоновной меня не звалъ.

Пронинъ наполнилъ рюмки виномъ.

— Ну, друзья мои,—торжественно провозгласилъ Дуловъ—за ваше здоровье, за ваше счастье, за ваши будущія удачи на жизненномъ пути. Такъ-то, мои дорогіе. Будьте же счастливы.

Пріятели чокнулись и обнялись. Дуловъ сдѣлалъ попытку поцѣловать руку Дуняши, но та, отдергивая руку и покраснѣвъ до слезъ, застѣнчиво проговорила:

— Не надо, баринъ, не надо! Я не привыкла. Не сердитесь, но никто никогда въ жизни руки мнѣ не цѣловалъ. Вы ужъ простите.

— Поцѣлуй ее просто!—вмѣшался Пронинъ,—не приревную стараго друга! Позволю! Дуняша покорно приблизила свою голову къ лицу гостя и тотъ осторожно поцѣловалъ ее въ лобъ.

Черезъ часъ Дуловъ возвратился къ себѣ и думалъ:

— Кто тутъ разберетъ. Возможно, что Пронинъ и хорошо сдѣлалъ. Безъ женщины нашему брату совсѣмъ плохо, а молодая кра-

сивая жена, хотя бы и не образованная, хотя бы примитивъ, все же лучше, нежели ничего. А какъ у нихъ чисто, мило, уютно, пріятно!.. Какъ она хорошо будетъ кормить его! Н-да... Ну,—и формы! Венера прямо!.. Быть можетъ Коля, дѣйствительно попалъ въ точку и нашелъ свое счастье? Посмотримъ, посмотримъ. «Цыплятъ по осени считаютъ».

РАЗСКАЗЪ О РАЗСКАЗѢ.

Шаржъ.

— Такъ вотъ, дорогой мой, къ пятницѣ состряпайте намъ свой разсказецъ... Главное, чтобы было занимательно, злободневно, аполитично и безъ всякихъ тамъ этакихъ тенденцій... Понимаете?

— Ладно! Состряпаю! Постараюсь угодить, особенно если вы дадите авансикъ... Тутъ праздники... жена задолжала въ лавкахъ... ребенокъ боленъ... Ну, однимъ словомъ, деньги нужны до зарѣзу.

Разговоръ этотъ происходилъ въ редакторскомъ кабинетѣ «Вечерней Звѣзды» за нѣсколько дней до Рождества. За большимъ столомъ возсѣдалъ «самъ» редакторъ газеты, маленькій блондинчикъ въ пенснэ съ выпученными глазами и съ выраженіемъ лица, жаждающимъ однихъ только объявленій.

Противъ редактора скромно сидѣлъ одинъ изъ сотрудниковъ газеты «по беллетристической части».

— Итакъ, дорогой, валяйте строкъ двѣсти, не больше,—проговорилъ редакторъ, нервно потирая руки,—на счетъ сюжета не стѣсняю, даю вамъ полную свободу... Вы у насъ работаете недавно, а потому для васъ этотъ раз-

сказецъ будетъ своего рода пробнымъ камнемъ... Постарайтесь!

— Сюжетецъ у меня уже есть,—отозвался сотрудник,—тема такая: въ Ригу, въ день Сочельника, прїѣзжаетъ эмигрантъ изъ Совдепіи. Онъ вспоминаетъ только-что пережитые имъ на родинѣ ужасы... Тутъ...

— Никакихъ «тутъ», дорогой мой,—энергично прервалъ редакторъ,—никакой политики, никакой Совдепіи, ничего элегического. Гораздо лучше «ихъ» не трогать, а то меня еще пританутъ и прочее.. Не подходитъ.

— Тогда,—задумчиво процѣдилъ сотрудник,—я напишу шаржъ изъ еврейской жизни. Это будетъ злободневно и модно. Послѣднее время о евреяхъ очень много пишутъ, а пьесы изъ еврейскаго быта пользуются особеннымъ успѣхомъ.

— Евреи и Рождество Христово,—пожалъ плечами редакторъ,—какая тутъ связь, а главное, вѣдь вы же знаете, какъ они обидчивы!

— Тогда,—нерѣшительно проговорилъ беллетристъ,—можно взять сюжетъ историческій, библейскій... Ну, тамъ вывезти Ирода на сцену, что-ли!.. Звѣзду... ясли... волхвовъ... Ужъ что-нибудь на этомъ фонѣ я сфантазирую.

— И это не годится. Религіи мы касаться не должны. Вѣдь нашу газету читаютъ и православные, и католики, и лютеране, и евреи, и атеисты. Намъ могутъ еще заподозрѣть въ намѣреніи оскорбить чье-либо религіозное чувство... Къ тому же, всѣ эти Ироды, звѣзды, ясли, волхвы, верблюды и вся прочая архивная экзотика страшно использована; она прїѣлась... Надо что-нибудь придумать новое, злободневное...

— Новое, злободневное?.. Взять развѣ какое-нибудь кошмарное убійство а ла Гаар-

манъ въ ночь подъ Рождество? Массовыя убійства, убійства пачками, такъ сказать, теперь въ большой модѣ.

— Господи! — съ раздраженіемъ огрызнулся редакторъ, — я же вамъ говорю, что рассказъ долженъ быть занимателенъ, а что можетъ быть занимательно въ этихъ идиотскихъ убійствахъ? Зачѣмъ нагонять на читателя ужасъ и тоску? Жизнь сейчасъ и безъ того даетъ намъ мало радостей, а вы хотите угощать читателя убійствами, да еще пачками.. Чудакъ вы, право!

— Въ такомъ случаѣ, — рѣшительно заявилъ сотрудникъ, — разъ вы хотите злободневное и веселое, я возьму сюжетъ изъ области эротики... Въ духѣ «Холостячки», или послѣдняго романа Мережковского. Это самое что ни на есть модное! И любятъ! Можно даже подпустить что-нибудь сверхъестественное... Вотъ, напримѣръ Мережковский описываетъ, какъ въ Египтѣ при фараонахъ поклонялись бѣлому быку и...

— Позвольте, позвольте, — оборвалъ редакторъ, насъ читаютъ не одни сладострастные старички и старухи, а юноши, и чистыя дѣвушки и подростки... А вы, дорогой мой, собираетесь въ день Рождества Христова угощать ихъ порнографіей... Эти всякіе быки и прочее намъ не подойдутъ... Другое придумайте. Къ пятницѣ обязательно. Примите во вниманіе всѣ мои указанія... Простите, драгоценный, но я до зарѣзу занятъ.. До скорого!.. Не больше двухъ сотъ строкъ!...

СУДЬБА.

Разсказъ.

У одного богатаго помѣщика Полтавской губерніи праздновали день рожденія хозяйки. По этому случаю собралось много гостей. Послѣ безконечнаго деревенскаго ужина молодежь начала танцовать, а люди солидные устѣлись за зеленые столики.

Уже около года земскій начальникъ Иванъ Николаевичъ Вѣковъ усиленно ухаживалъ за старшей дочерью хозяевъ. Хорошенькую Наденьку знакомые прозвали «Розовымъ ангеломъ». Дѣйствительно, и невинно-раскрытые голубые «бездонные» глаза «ангела», и пухлый, сердечкомъ, ротикъ и цвѣта спѣлой соломѣ волосы, и восхитительный цвѣтъ лица молоденькой дѣвушки давалъ полное основаніе называть ее «Розовымъ ангеломъ».

Оленька, младшая сестра Наденьки, была совсѣмъ въ другомъ родѣ. Ее въ кругу знакомыхъ звали «чернымъ дьяволенкомъ». Она олицетворяла типъ «жгучей брюнетки», съ кропечными усиками на верхней губѣ, съ зазорно-выдернутымъ носикомъ и нѣсколько вызывающимъ, дразнящимъ лицомъ. Ухаживалъ за Оленькой большой пріятель Вѣкова, товарищъ прокурора Петръ Петровичъ Гаевъ.

И Вѣковъ, и Гаевъ въ отношеніи дѣвухъ питали самыя «серьезныя намѣренія». Родители этому двойному флирту сочувствовали, такъ какъ и «земскій», и «прокуроръ» считались вполне пріемлемыми женихами.

Передъ мазуркой Вѣковъ отвелъ Гаева въ сторону.

— Я, — началъ Вѣковъ, — рѣшилъ окончательно сегодня же сдѣлать Наденькѣ предложеніе. Пора!

— А я Оленькѣ, — отозвался Гаевъ.

— Значитъ одновременно и свадьбы наши сыграемъ? — продолжалъ Вѣковъ.

— Безусловно—согласился Гаевъ.

Затѣмъ событія развернулись съ головокружительной быстротой. «Розовый ангелъ» и «черный дьяволенокъ» были вызваны молодыми людьми въ паркъ. Обѣ пары пошли по тѣнистой липовой аллеѣ. Надо добавить, что стоялъ дивный майскій вечеръ, сирень цвѣла, въ кустахъ щелкали соловьи, воздухъ былъ напоенъ нѣгой, истомой, любовью..

— Знаете, — предложилъ Вѣковъ, — пойдемъ въ китайскій павильонъ. Мазурка начнется только черезъ часъ. Тамъ посидимъ и... поговоримъ; намъ вѣдь надо вамъ сказать нѣчто страшно, страшно важное.

Барышни ничего не возразили; онѣ сразу поняли, что приближается, наконецъ, давножданная минута.

— Слышите, голоса, — вдругъ замѣтилъ Гаевъ, — идутъ сюда! Скорѣй войдемъ въ павильонъ и закроемъ двери! Никто и не догадается, что мы тамъ.

Наденька и Оленька проворно шмыгнули въ павильонъ, вслѣдъ за ними проскочили молодые люди. Вѣковъ быстро закрылъ двери и задвинулъ внутреннюю задвижку. Почти одно-

временно большая компанія молодежи подошла къ павильону и попыталась открыть дверь.

— Заперта, — недовольно проворчалъ упитанный кадетъ, — посидимъ здѣсь. Тутъ дѣвольски поэтично. И соловьи-то какъ заливаются!

Въ павильонѣ царилъ полный мракъ: ставни было плотно закрыты. И барышни, и молодые люди молчали, боясь обнаружить свое присутствіе.

— Это вы, — чуть слышно прошепталъ Вѣковъ, нечаянно коснувшись въ темнотѣ упругой, дѣвственной груди, чуть прикрытой легкимъ газомъ.

— Это я, — раздался отвѣтный шопоть, слабый, какъ дуновение легкаго вѣтерка.

Иванъ Николаевичъ, знавшій хорошо топографію павильона, взялъ свою даму за талию и осторожно увлекъ ее въ сторону дивана, стоявшаго въ одномъ изъ угловъ обширнаго помѣщенія.

Аналогичный маневръ произвелъ Гаевъ, очутившійся съ другой барышней въ противоположномъ углу павильона, гдѣ стояла обитая клеенкой кушетка.

Въ павильонѣ воцарилась полная тишина, прерываемая звуками заглушенныхъ поцѣлуевъ и тихими, тихими вздохами.

— Позвольте, господа, — раздался вдругъ снаружи голосъ семиклассника-гимназиста Васи, сына хозяевъ, — въ павильонѣ кто-то засѣлъ, я слышу ясно какіе-то подозрительные звуки.

Съ этими словами Вася принялся энергично трясти дверную ручку. Задвижка не держала, отскочила, и дверь настежь распахнулась. Гимназистъ вынулъ изъ кармана эле-

ктрический фонарикъ и освѣтилъ павильонъ. За спиной Васи собралась остальная компанія. Въ одномъ углу сидѣлъ Вѣковъ съ «чернымъ дьяволенкомъ», а въ другомъ — Гаевъ, съ «Розовымъ ангеломъ». Видъ у всѣхъ четырехъ былъ не вполне корректный, растрепанный, сконфуженный, удивленный и растерянный.

— Вотъ такъ фунтъ, — вырвалось у Васи, — я все считалъ, что Иванъ Николаевичъ строить куры Надѣ, а Петръ Петровичъ изнываетъ по Олѣ...

— А вышло наоборотъ. Бываетъ! — насмѣшливо отозвался начинающій помощникъ присяжнаго повѣреннаго.

Кончилась эта исторія тѣмъ, что, къ нѣкоторому недоумѣнію родителей, Вѣковъ просилъ отдать ему руку Оленьки, а Гаевъ — Наденьки.

— «Судьба играетъ человѣкомъ», — въ интимной бесѣдѣ съ Гаевымъ сталъ философствовать Вѣковъ на слѣдующій день послѣ двойной помолвки, — что намъ оставалось дѣлать: конечно, въ темнотѣ мы перепутали нашихъ суженыхъ, но каждый изъ насъ добросовѣстно заблуждался. Хотя мы ничего лишняго себѣ не позволили, все-же...

— Все-же — перебилъ пріятеля Гаевъ, — нельзя безнаказанно въ теченіе цѣлаго часа ласкать въ полной темнотѣ ту, которую считаешь уже почти своей женой. Счастье наше, что обѣ сестрички — прелестны, хотя каждая въ своемъ родѣ.. А такъ какъ, собственно говоря, бракъ всегда лотерея, то намъ и не слѣдовало идти противъ судьбы. Мнѣ, видимо, предопредѣлено имѣть жену блондинку, а тебѣ — брюнетку. Подчинимся же безропотно велѣніямъ Рока.

КОСТОЧКА.

Рождественскій рассказъ.

Петръ Петровичъ Мѣшковъ только-что кончилъ свой вечерній пріемъ больныхъ. Отпустивъ прислугу домой до слѣдующаго дня, онъ прилегъ въ кабинетѣ на турецкомъ диванѣ и сталъ перебирать въ памяти разныя воспоминанія.

— Мнѣ скоро тридцать семь лѣтъ, а какое страшное одиночество окружаетъ меня... Вотъ сейчасъ сочельникъ, вездѣ елки, а мнѣ некуда пойти... Что-то въ эту минуту дѣлается у Арсеньевыхъ?.. Вѣроятно, ужинаютъ!.. Безумно мнѣ бы хотѣлось увидѣть Вѣрочку!..

Доктору безконечно нравилась племянница Арсеньевой, Вѣра Николаевна, круглая сирота. Ихъ квартира помѣщалась этажемъ ниже. Мѣшковъ часто сталкивался съ Вѣрой на лѣстницѣ и въ концѣ концовъ ему удалось случайно у однихъ общихъ знакомыхъ познакомиться съ дѣвушкой. Но поскольку ему нравилась племянница, постолько же ему была антипатична тетка, высокая, полная старуха съ выступающими впередъ желтыми громадными зубами. Мысленно онъ почему-то прозвалъ ее «Крокодиломъ».

Попытки доктора завязать знакомство съ Арсеньевой ни къ чему не привели. Старуха, видимо, избѣгала новыхъ знакомствъ.

— Что-то ко сну клонить, — подумалъ Петръ Петровичъ, набрасывая на себя пледъ. Въ скоромъ времени онъ заснулъ и увидѣлъ странный сонъ: ...Его ведутъ въ красивый бѣлый залъ. Посрединѣ зала стоитъ елка, вся залитая огнями. Около елки на зеленомъ съ причудливыми узорами коврѣ лежитъ Вѣра и смотритъ на него долгимъ, любовнымъ, пристальнымъ взоромъ. Вдругъ изъ смежной комнаты появляется гигантскій крокодилъ, который на своихъ короткихъ кривыхъ лапахъ грузно тащится по направленію къ дѣвушкѣ. Крокодилъ, съ выступающими изъ пасти желтыми громадными зубами, имѣетъ какое-то странное сходство со старухой Арсеньевой. При приближеніи чешуйчатаго чудовища Вѣра съ ужасомъ бросается къ нему, Мѣшкову, моля его о помощи. Онъ лѣвой рукой прижимаетъ дѣвушку къ своей груди, а правой пытается нанести отвратительному гаду ударъ по переносицѣ...

— Что это? — неожиданно просыпается докторъ, — я, кажется, здорово заснулъ... Елка!.. Крокодилъ!.. Вѣра!.. звонятъ будто?..

Въ передней безъ умолку трещалъ звонокъ. Мѣшковъ съ неохотой всталъ и открылъ входную дверь. Передъ нимъ стояла Вѣра Николаевна въ нарядномъ, вечернемъ платьѣ.

— Что случилось?

— Страшное несчастье! Во время ужина тетя подавилась рыбьей косточкой и, кажется, умираетъ. Спасите ее! Идемъ!..

— Крокодилъ подавился рыбьей костью? — какъ-то невольно вырвалось у Мѣškова,

находившагося все еще подъ вліяніемъ своего кошмара.

— Какой крокодилъ? — съ недоумѣніемъ переспросила дѣвушка, — моя тетя..

— Простите, я просто оговорился.. Я хотѣлъ сказать... Ну, однимъ словомъ, я къ вашимъ услугамъ. Позвольте только инструменты захватить.

Въ помѣстительной спальнѣ на широкой старинной кровати въ шелковомъ свѣтломъ платьѣ лежала Арсеньева и стонала. Около нея столпились дѣти и прислуга, не зная, что предпринять.

Когда Мѣшковъ съ Вѣрой вошли въ спальню, всѣ разступились, и докторъ приступилъ къ осмотру своей неожиданной пациентки. Оказалось, что старуха, отличающаяся необыкновенной прожорливостью, проглотила рыбу костьку, которая застряла въ ея гортани. При помощи пинцета Петръ Петровичъ быстро освободилъ «Крокодила» отъ костьки, и Арсеньева стала благодарить своего избавителя.

— Вы спасли мнѣ жизнь, дорогой докторъ... Моя благодарность безконечна... Если бы не вы...

Тутъ отъ пережитыхъ волненій она заплакала.

— Вы куда-нибудь спѣшите? — обратилась Вѣра къ Мѣшкову. — Вѣроятно, торопитесь куда-нибудь на елку.

— О, нѣтъ! Я вѣдь очень одинокъ. Близкихъ знакомыхъ у меня въ Ригѣ нѣтъ.

— А у насъ сейчасъ зажгутъ елку! — бойко заявила четырнадцатилѣтняя дѣвочка. — Мапочка, пригласи господина доктора къ намъ на елку.

— Докторъ, — съ кисло-сладкой улыбкой проговорила старуха, — если вы свободны, оставайтесь у насъ на вечеръ.

— Хорошо, — согласился Мѣшковъ, — очень признателенъ. Я только переодѣнусь.

Минуть черезъ двадцать въ смокингѣ онъ вернулся къ Арсеньевымъ.

Подъ звуки шопеновскаго полонеза, который яростно отбарабанивала на піанино сухопарая пожилая таперша, дѣти, собравшіяся въ сосѣдней комнатѣ, попарно вошли въ залъ. Арсеньева, Вѣра и Мѣшковъ замыкали шествіе...

— Вѣра Николаевна, — обратился Петръ Петровичъ къ дѣвушкѣ, улучшивъ моментъ, когда никого около нея не было, — я бы очень хотѣлъ поговорить съ вами, нельзя-ли намъ гдѣ-нибудь сѣсть отдѣльно?

— Мы можемъ расположиться въ маленькой гостиной. Намъ оттуда и елка будетъ видна и.. — Тутъ она густо, густо покраснѣла и остановилась.

— Знаете-ли, — началъ Мѣшковъ, усаживаясь рядомъ съ Вѣрой на низкомъ диванчикѣ, — все это похоже на какую-то сказку. Еще часъ тому назадъ я грустно сидѣлъ у себя въ полномъ одиночествѣ, думая о васъ, сожалѣя о томъ, что я не могу пойти къ вамъ на елку, что вообще мнѣ некуда идти... Самое любопытное: я прилегъ на минутку, заснулъ и увидѣлъ во снѣ вотъ именно этотъ залъ, гдѣ раньше никогда не бывалъ, эту елку и.. васъ. На васъ хотѣло наброситься чудовище, похожее на крокодила... Въ ту именно минуту, когда я собирался вступить съ нимъ въ бой, раздался вашъ звонокъ... Знаете, мнѣ кажется что какія-то невидимыя нити насъ связываютъ: мой вѣщій сонъ, вашъ неожидан-

ный приходъ ко мнѣ, вся эта исторія.. Я знаю, что вы сирота, что вамъ у богатой вашей тетки живется не легко, я знаю отъ нашихъ общихъ знакомыхъ, что у васъ золотое сердце и вы прекрасный человѣкъ... А главное, меня неодолимо къ вамъ тянетъ. Право, я давно уже люблю васъ, хотя и рѣдко приходилось мнѣ бесѣдовать съ вами... Соединимъ наши судьбы!.. Я одинокъ и вы одиноки. Вдвоемъ мы проживемъ лучше. Насъ не даромъ въ этотъ сочельникъ такъ неожиданно столкнула судьба. Я благословляю косточку, [которая застряла въ горлѣ вашей тетюшки... Своего рода предопредѣленіе, игра рока!... Мы должны принадлежать другъ другу!.. Что вы мнѣ отвѣтите, Вѣра Николаевна?

Слова Мѣшкова, видимо, произвели на дѣвушку сильное впечатлѣніе. Его мягкій голосъ, его искренній тонъ, его прямота напавъ въ ея сердцѣ горячій отзвукъ. Но она такъ смѣшалась, сконфузилась, все это было для нея такой неожиданностью, что она не знала, что отвѣтить, что сказать...

— Вѣра, докторъ! А, вы здѣсь! — раздался голосъ «Крокодила», — ахъ, устала до смерти, — добавила старуха, грузно опускаясь на диванъ рядомъ съ Мѣшковымъ.

Арсеньева начала нудно рассказывать доктору о своей хронической болѣзни почекъ и уже больше не отпускала его отъ себя въ теченіе всего вечера. Докончить свой разговоръ съ Вѣрой ему не удалось.

Съ какимъ-то страннымъ чувствомъ неудовлетворенности очутился докторъ опять у себя въ кабинетѣ.

— Такъ она ничего мнѣ и не отвѣтила, — задумался онъ, — хотя вся вспыхнула и, видимо, не разсердилась... Какъ она была вос-

хитительно-хороша въ эту минуту!.. Люблю, люблю, люблю!.. Еслибъ она догадалась вырваться ко мнѣ на одно мгновеніе и сказала бы завѣтное «да»... Развѣ попытаться воздѣйствовать на нее силой своей воли?...

Онъ принялся напряженно думать о Вѣрѣ, мысленно повторяя:

— Вѣрочка, желанная, единственная!.. Приди сейчасъ-же ко мнѣ... Я жду тебя... Приди... непременно приходи.. Ты должна притти ко мнѣ и сказать мнѣ «да»... Я требую...

Медленно тянулось время... Докторъ, стремясь сконцентрировать всю силу своей воли, продолжалъ съ желѣзной настойчивостью думать о Вѣрѣ.

Вдругъ въ передней чуть звякнулъ звонокъ.

— Вы, вы, Вѣра Николаевна, — прошептала Мѣшковъ, открывая дверь и чувствуя приливъ бурной, безумной радости.

— Да, я Петръ Петровичъ... Вы не подумайте только... Меня что-то заставило притти къ вамъ... Я не могла противиться... Какая-то непонятная сила... Я... я хотѣла сказать, что, если вы меня, дѣйствительно, любите, то и я васъ люблю... Ну, да, однимъ словомъ...

— Вѣрочка, Вѣрочка, мое счастье, моя любимая! — началъ шептать Мѣшковъ внѣ себя отъ радости.

— Приходите къ пятичасовому чаю... Люблю, люблю васъ, мой дорогой, — бросила дѣвушка, быстро сбѣгая по лѣстницѣ внизъ. Она открыла дверь квартиры Арсеньевой и исчезла.

Петръ Петровичъ въ эту ночь не ложился. До утра съ блаженнымъ, сіяющимъ лицомъ ходилъ по кабинету изъ угла въ уголъ и временами у него вырывались обрывки фразъ:

— Могъ ли я думать!.. Вотъ и получилъ подарокъ на елку!.. И какой подарокъ!.. какъ она хороша, какъ она хороша, и какъ я ее люблю!.. Этотъ сочельникъ, эта рыба ко-сточка перевернула всю мою жизнь, все мое существованіе... Да, такого лучезарнаго, счастливаго Рождества въ моей жизни еще не было...

КУКОЛКА.

Разсказъ.

Извѣстный московскій врачъ Николай Сергѣевичъ Ставскій праздновалъ день своего рожденія. Не взирая на тяжелыя условія жизни въ совѣтской Москвѣ, Ставскій, благодаря обширной частной практикѣ и хорошимъ связямъ съ представителями власти, жилъ недурно. Небольшая его квартира имѣла очень уютный видъ даже въ этотъ холодный, дождливый и сѣрый октябрьскій вечеръ.

Жена Ставскаго, женщина некрасивая и значительно старше мужа, принимала въ столовой гостей. Ставскій же съ сѣдовласымъ врачомъ, старымъ пріятелемъ, курилъ въ кабинетѣ.

Весь день Николай Сергѣевичъ находился въ необыкновенно подавленномъ настроеніи. Последнее время, а особенно сегодня, когда ему стукнуло сорокъ лѣтъ, его неотступно преслѣдовалъ образъ женщины, съ которой онъ недавно порвалъ пятилѣтнюю связь.

Екатерина Анатольевна Диваева послѣдніе годы играла въ жизни Ставскаго выдающуюся роль. Онъ любилъ ее такъ, какъ раньше ни одной женщины не любилъ. И вотъ, послѣ пяти лѣтъ съ того дня, какъ онъ въ первый разъ поцѣловалъ Диваеву, Николай

Сергѣевичъ написалъ ей прощальное письмо, которое кончалось словами... «Помни же, дорогая, что я тебя не разлюбилъ, но люблю и буду любить до тѣхъ поръ, пока будетъ биться мое сердце. И все же намъ надо разстаться. Ты, вѣдь, знаешь, что жена моя два раза уже спасла меня отъ «стѣнки», и до сихъ поръ въ меня безумно влюблена и безумно меня ревнуетъ. Ради нея я долженъ принести въ жертву и нашу любовь, и тебя, и себя. Она взяла съ меня слово, что я оставлю тебя, грозя въ противномъ случаѣ покончить съ собой. Характеръ у нея такой, что я долженъ уступить. Пойми-же и прости меня, если можешь, моя единственная, настоящая любовь.»

На письмо Ставскаго Диваева ничего не отвѣтила. Они перестали видѣться.

— Господа, прошу закусить,—пригласила хозяйка мужа и его гостя.

Въ столовой собралось около двадцати человѣкъ. Всѣ усѣлись за столъ, уставленный закусками и винами. Ставскій во время ужина не только усиленно подливалъ своимъ гостямъ вино, но и самъ много пилъ; послѣднее время безъ алкоголя онъ не могъ обойтись. Но все же та ноющая, безвыходная и страшная душевная тоска, которая грызла его со времени отправки имъ прощальнаго письма Диваевой, не проходила.

Марья Ивановна Ставская, хотя и замѣчала, что съ мужемъ ея творится нѣчто неладное, все же находилась въ прекрасномъ настроеніи и очень радушно и умѣло исполняла свои обязанности хозяйки. Она торжествовала, такъ какъ побѣдила опасную соперницу, и надѣялась, что время исцѣлитъ сердечную рану мужа.

Гости усердно ѣли и пили. За столомъ сыпались шутки, остроты. Одинъ изъ присутствующихъ, знаменитый актеръ Художественнаго театра, съ неподражаемымъ мастерствомъ разсказалъ нѣсколько юмористическихъ сценокъ; какая-то пикантная брюнетка восточнаго облика затащила застольную грузинскую пѣсню, которую дружно подхватили остальные; однимъ словомъ, трафаретный ужинъ проходилъ вполне удачно и въ достаточной степени оживленно.

Вдругъ въ передней раздался рѣзкій, продолжительный, повелительный звонокъ. Хозяйка поблѣднѣла и съ исказившимся отъ страха лицомъ прошептала:

— Неужели съ обыскомъ?! Уже два часа ночи. Господи!

Все оживленіе, царившее въ столовой, сразу упало; лица гостей потускнѣли, какъ-то посѣрѣли. Знаменитый актеръ съ отчаяніемъ подумалъ:

— Вотъ такъ влопался! Вотъ попалъ въ исторію. Зачѣмъ тебя, ослятина, понесло сюда?!.. Пронеси, Господи!

Звонокъ необыкновенно громко и тревожно прозвучалъ вторично. Ставскій поднялся со своего стула и невѣрными шагами направился къ дверямъ, ведущимъ въ переднюю. Въ эту минуту въ комнату вошла горничная съ какимъ-то сверткомъ въ рукахъ.

— Кто-то приказалъ передать это лично вамъ, Николай Сергѣевичъ,—проговорила горничная, подавая доктору свертокъ,—на лѣстницѣ темно, и я не могла разобрать, кто это былъ. Отдалъ и сейчасъ же ушелъ.

При общемъ вниманіи Ставскій сталъ развязывать свертокъ. Подъ сѣрой упаковочной бумагой, перевязанной черной узенькой

ленточкой, оказался продолговатой формы картонный ящикъ. Въ ящикъ же лежала художественной работы кукла съ закрывающимися и открывающимися глазами.

Одѣта она была въ очень изящное, модное черное платье.

— Позвольте, это же поразительное сходство! — воскликнулъ актеръ, но, замѣтивъ негодующій взглядъ хозяйки, осѣлся.

Всѣ присутствующіе не могли не видѣть, что кукла имѣла необыкновенное сходство съ Диваевой, но молчали, зная семейную драму Ставскихъ.

— Безподобная, рѣдкая куколка! И какъ она шикарно одѣта! Даже «dessous» дивные! Вотъ такъ подарочекъ!

При этихъ словахъ одного изъ гостей Ставскій вдругъ почувствовалъ приливъ какой то бѣшеной злобы. Онъ схватилъ куклу, уложилъ ее въ картонку и унесъ въ кабинетъ, гдѣ положилъ въ ящикъ письменнаго стола.

— Вы ужъ извините, — заявила Марья Ивановна гостямъ, — у Николая Сергѣевича послѣднее время совсѣмъ нервы испортились, переутомился, бѣдный!

Когда хозяинъ блѣдный, усталый, съ то-скающимъ лицомъ вернулся обратно, гости почувствовали себя неловко, лишними и въ скоромъ времени разошлись.

Марья Ивановна, пожелавъ мужу спокойной ночи, ушла къ себѣ въ спальню, а Ставскій направился въ кабинетъ, гдѣ послѣдніе годы спалъ на турецкомъ диванѣ.

Спать Николаю Сергѣевичу не хотѣлось. Передъ его мысленнымъ взоромъ неотвязно стоялъ образъ покинутой. Онъ прошелъ въ столовую, налилъ себѣ полъ стакана коньяку, выпилъ залпомъ и вернулся въ кабинетъ.

На диванѣ, гдѣ ему была приготовлена постель на ночь, онъ вдругъ ясно увидѣлъ Екатерину Анатольевну. Она сидѣла, нѣсколько откинувъ назадъ красивую, породистую голову, и смотрѣла на него полными невыразимой печали глазами.

— Я галлюцинирую, — съ ужасомъ подумалъ Ставскій, — вотъ такъ нервы, нечего сказать! Даже коньякъ проклятый не дѣйствуетъ, не оглушаетъ; все только и мысль одна въ мозгу: о ней, только о ней, все о ней!

Онъ закрылъ глаза и затѣмъ черезъ нѣсколько мгновений опять открылъ ихъ. На диванѣ уже никого больше не было.

— Въ концѣ-концовъ, — началъ Ставскій разсуждать самъ съ собою, — я сдѣлалъ величайшую глупость и подлость, разставшись съ Катей. Вѣдь, вся моя жизнь, весь смыслъ моего существованія были въ ней. И она жила только мною и нашей любовью. Я въ полномъ смыслѣ слова разбилъ ея жизнь и самъ превратился въ «живой трупъ».

Николай Сергѣевичъ выдвинулъ ящикъ письменнаго стола и вынулъ оттуда куколку. Онъ прилегъ на диванъ и пристально сталъ ее разглядывать. Ему вдругъ до жути ясно почудилось, что куколка смотреть на него такими же полными невыразимой печали глазами, какими только что на него смотрѣла Диваева, когда онъ галлюцинировалъ.

— Не смотри на меня такимъ печальнымъ, такимъ тоскливымъ взоромъ, — обратился Ставскій къ куколкѣ, чувствуя, что все лицо его омочено слезами, а сердце такъ бьется, какъ будто собирается выпрыгнуть изъ груди, — моя бѣдная, моя единственная, мое солнце, — продолжалъ онъ шептать, прижимая къ

лицу куколку и покрывая ее страстными, мучительными поцѣлуями.

Вдругъ Николай Сергѣевичъ почувствовалъ, что держать въ рукахъ не куклу, но дивное женское тѣло, благоухающее, опьяняющее и трепещущее.

Онъ сразу же узналъ такъ хорошо ему знакомый запахъ этого тѣла, онъ ощутилъ на устахъ своихъ жгучій, долгій поцѣлуй, выматывающій всю душу, шею его обхватили нѣжные, мягкія руки, дѣвственно-упругая, бурно-волнующаяся грудь прижалась къ его груди, — и отъ прилива невыразимаго восторга, въ припадкѣ изступленнаго блаженства онъ дико, дико вскрикнулъ и потерялъ сознаніе.

Этотъ страшный крикъ, скорѣе звѣриный вопль, услышала Марья Ивановна. Она бросилась въ одной сорочкѣ въ кабинетъ къ мужу. Ставскій лежалъ на диванѣ безъ признаковъ жизни. Лицо его было ясно, спокойно, даже счастливо и носило отпечатокъ какого-то внутреннего просвѣтленія. Куколка лежала на груди покойника.

Черезъ три дня Николая Сергѣевича похоронили, а куколку Марья Ивановна сожгла въ «буржуйкѣ».

Б Ы К Ъ.

Разсказъ.

Въ жаркій лѣтній день передъ уютнымъ помѣщичьимъ домомъ подъ вѣковой липой собралось довольно большое общество.

Центромъ его была хозяйка — хорошенькая, молоденькая Ирина Николаевна Бѣльская, овдовѣвшая около года тому назадъ.

Бѣльская что-то вышивала. Около нея на кушеткѣ лежалъ ея братъ, молодой поручикъ. Онъ былъ раненъ въ обѣ ноги осколкомъ снаряда и для окончательной поправки послѣ долгаго пребыванія въ госпиталѣ пріѣхалъ къ сестрѣ въ деревню.

— Профессоръ, — обратилась Бѣльская къ красивому среднихъ лѣтъ мужчине съ великолѣпной, холеной черной бородой, — я смертельно скучаю. Разскажите намъ что-нибудь. Вы вѣдь ораторъ!

— Что-нибудь пикантное, — замѣтилъ почтеннаго вида господинъ, врачъ по профессіи.

— Пикантное, забавное, и интересное, — пробасилъ раненый поручикъ.

— Просимъ, просимъ, профессоръ! — подхватили остальные.

Профессоръ снялъ свои золотые очки, аккуратно протеръ ихъ стекла надушеннымъ носовымъ платкомъ и, задумавшись на нѣсколько мгновений, заговорилъ мягкимъ, пріятнымъ баритономъ:

— Хорошо, Ирина Николаевна. Я вѣдь вашъ рабъ! Расскажу я вамъ въ краткихъ словахъ содержаніе моей послѣдней научной работы. Дѣло въ томъ, что мнѣ удалось собрать рядъ интереснѣйшихъ наблюденій. Знаете-ли вы, господа, что у животныхъ замѣчается прелюбопытное явленіе? Явленіе это заключается въ томъ, что полъ животнаго до нѣкоторой степени опредѣляетъ отношеніе животнаго къ человѣку... Я хочу сказать...

— Нельзя-ли, голубчикъ, короче, — капризно перебила профессора Ирина Николаевна, — и понятнѣе.

— Извольте-ли видѣть — продолжалъ профессоръ, покосившись на пышный бюстъ молодой женщины и невольно любуясь тѣмъ, что открывалъ низкій вырѣзъ блузки, — въ двухъ словахъ дѣло вотъ въ чемъ: львица легче подчиняется мужчинѣ, нежели женщинѣ, а левъ охотнѣе слушаетъ даму, нежели мужчину. Я бесѣдовалъ со многими укротителями и укротительницами дикихъ звѣрей, и всѣ они подтвердили мнѣ этотъ фактъ. Явленіе это распространяется и на домашнихъ животныхъ. Корова, напримѣръ, охотнѣе отдаетъ свое молоко мужчинѣ, нежели женщинѣ.

Но тутъ рѣчь профессора была вдругъ прервана совершенно неожиданнымъ образомъ. По направленію къ липѣ со стороны скотнаго двора мчался громадный племенной быкъ. Судя по грозному и страшному внѣшнему виду, онъ находился въ состояніи крайняго раздраженія.

— Это Юпитеръ, — высокимъ фальцетомъ крикнулъ докторъ, — видимо, онъ сорвался съ цѣпи и взбѣсился. Спасайтесь, бѣгите!..

Всѣ разбѣжались въ разные стороны. На мѣстѣ остались только Бѣльская, которую страхъ сковаль по рукамъ и ногамъ, — и ея братъ, лежащій на кушеткѣ.

Ирина Николаевна съ ужасомъ смотрѣла неподвижными глазами на быка. Онъ подскочилъ къ ней почти вплотную и вдругъ остановился. Голова страшнаго въ эту минуту животнаго какъ-то судорожно моталась вверхъ и внизъ, точно готовясь нанести ударъ, переднія ноги чудовища рѣзкими движеніями бороздили землю, а покрытая бѣлой пѣной морда издавала сдавленное, глухое, жуткое мычанье.

— Чортъ возьми, кажется, крышка! — вырвалось у поручика.

А Бѣльская закрыла глаза и подумала:

— Только-бы сразу!.. Только-бы не искалѣчилъ, не обезобразилъ!..

И вотъ, въ то самое мгновеніе, когда разъяренное животное, казалось, бросится впередъ и сомнетъ и брата, и сестру, совершенно неожиданно въ боковой аллеѣ парка показалась босоногая дюжая, дородная дѣвка. Это была скотница Дуня, на попеченіи которой со дня рожденія находился страшный для всѣхъ и злой Юпитеръ. Она, какъ вихрь, бросилась къ быку и низкимъ, могучимъ контральто свирѣпо завопила:

— А ты, проклятый, опять вырвался, опять проказишь! Я-жъ тебя, сатана ты этакій, дьяволь косматый!

При звукахъ голоса своей воспитательницы быкъ сразу опѣшилъ, глаза его, страшные еще за секунду, приняли кроткое и ласковое выраженье.

Дуня же смѣло схватила Юпитера за кольцо, продѣтое черезъ его ноздри, и, продолжая ругать быка «сатаной», «хвостатымъ чортомъ» и другими еще болѣе сильными словами, повела вполнѣ замиренное животное на скотный дворъ.

Всѣ мужчины, покинувшіе Бѣльскую въ минуту опасности, увидѣвъ издали, что все кончилось благополучно, поспѣшили опять къ липѣ со сконфуженными и виноватыми лицами. Особенно неловко чувствовалъ себя профессоръ.

— Я, дѣйствительно, растерялся,—заявилъ онъ, нервно перетирая очки, — проклятое чувство самосохраненія одержало верхъ надъ всѣми остальными чувствами. Это часто бываетъ, когда опасность надвигается внезапно. Извѣстный психологическій фактъ!

Помолчавъ немного, онъ добавилъ:

— Но какое наглядное подтвержденіе той теоріи, о которой я только-что вамъ рассказывалъ. Вы вѣдь сами видѣли съ какою легкостью эта сильная и красивая дѣвушка справилась съ быкомъ.

— И Юпитеръ, — замѣтилъ поручикъ, — когда Дуня повела его, мычалъ совершенно особенно: ласково, нѣжно. Точно извинялся передъ ней.

— Ну, перестаньте, — бросила Бѣльская, успѣвшая вполнѣ притти въ себя, — вы еще договоритесь до того, что станете доказывать, будто Юпитеръ влюбленъ въ Дуню.

А Н Н У Л Я Ц І Я .

Разсказъ.

Сверчковымъ, которые уже въ теченіе пяти лѣтъ въ эмиграціи вели самое жалкое существованіе, неожиданно повезло. Сколотивъ съ большимъ трудомъ 250 рублей, они купили билетъ денежной лотереи Краснаго Креста. И вотъ вдругъ на билетъ ихъ палъ выигрышъ въ пятьсотъ тысячъ рублей.

Когда Иванъ Ивановичъ, читая газету, увидѣлъ, что № 31843, то есть ихъ номеръ выигралъ полъ милліона, онъ сначала не повѣрилъ, думая, что это опечатка, и побѣждалъ покупать разныя другія газеты.

Но рѣшительно всѣ газеты — и латышскія, и русскія, и нѣмецкія, и лѣввыя, и правыя — подтвердили тотъ фактъ, что Сверчковы волею судьбы превратились въ полумилліонеровъ.

Когда Иванъ Ивановичъ, наконецъ, удостоверился, что это такъ, онъ положительно взбѣсился отъ радости.

— Дульдутикъ, — такъ онъ называлъ свою жену, маленькую женщину, похожую на дѣвушку, съ большими, испуганно глядящими, синими глазами, — ты чувствуешь, ты понимаешь, ты сознаешь?... Къ чертямъ газету, гдѣ за мучительныя ночи, проведенныя надъ кор-

ректурой, намъ платять столько, что мы не имѣемъ права имѣть ребенка!.. Тебѣ больше не придется самой стирать наше бѣлье... Отнынѣ, однимъ словомъ, мы заживемъ по чело-вѣчески...

— А вдругъ ошибка, опечатка? — робко проговорила Сверчкова, хотя чувствовала, что сама не вѣритъ, чтобы судьба могла сыграть съ ними такую злую шутку.

— Ошибка, опечатка! — загорячился Иванъ Ивановичъ, — опечатка во всѣхъ рѣшительно газетахъ!? Нѣтъ, рыбочка моя золотая, подобныхъ опечатокъ не бываетъ.

Послѣдующіе дни прошли сплошной сказкой. Ивану Ивановичу удалось черезъ знакомаго еврея, которому онъ показалъ свой выигрышный билетъ, занять подъ вексель двадцать пять тысячъ рублей. Супруги посѣтили и ресторанъ Отто Шварца, о которомъ раньше и мечтать не смѣли, и театръ, и рядъ концертовъ, разъ даже всю ночь провели въ «Альгамбрѣ».

Корректорская работа въ газетѣ была, конечно, брошена: очень ужъ она плохо оплачивалась, выматывая все здоровье. Деньги таяли. Сверчкова, однако, это не беспокоило, такъ какъ впереди предстояло получить за всякими вычетами все же болѣе четырехсотъ тысячъ рублей.

Наступило пятое октября. Стояло дивное осеннее утро. Сверчковы въ самомъ розовомъ настроеніи сидѣли за завтракомъ.

— Знаешь, Дульдутикъ, — весело заявилъ Иванъ Ивановичъ — не дернуть ли намъ на взморье? Въ автомобилѣ поѣдемъ. Денегъ у насъ осталось мало, но я завтра опять перехвачу у нашего еврейчика. Онъ повѣритъ. Какъ ты думаешь?

Сверчкова охотно согласилась и на то, и на другое.

— Что-то они тамъ пишутъ? — лѣнливо процѣдиль Иванъ Ивановичъ, закуривая и углубляясь въ газетный листъ, — опять, вѣроятно, объ этихъ...

Но фразы своей онъ не кончилъ. Ему бросился въ глаза напечатанный жирнымъ прифтомъ заголовокъ: «Розыгрышъ № 6 Краснаго Креста аннулируется».

Сверчковъ лихорадочно пробѣжалъ замѣтку, въ которой сообщалось о томъ, что, въ виду допущенныхъ неправильностей, государственный контроль призналъ, что весь розыгрышъ 5 класса лотереи № 6 долженъ быть аннулированъ и произведенъ вновь.

Отбросивъ газету въ сторону, Иванъ Ивановичъ какъ-то безпомощно поникъ на своемъ стулѣ. Въ эту минуту онъ почувствовалъ себя совершенно раздавленнымъ, убитымъ и безконечно-несчастливымъ.

— Богачи, миллионеры!.. Захотѣли чего, глупые, — глухо и безсвязно зашептали его побѣлѣвшія губы, — все это былъ сонъ, только мимолетный сонъ!.. Опять залѣзайте въ свою нору, несчастные; опять ночи просиживайте за работой, если только вы ее еще получите... Они тамъ ошиблись, проклятые, напутали что-то, какую-то кашу заварили, а вотъ теперь наша жизнь разбита, мы уже никогда не оправимся!.. Наше счастье превратилось въ идиотское недоразумѣніе, въ гнусный анекдотъ. Гдѣ же тутъ справедливость? Сначала судьба ошастливила, вознесла, а потомъ и прихлопнула, какъ таракана...

Сверчкова, ничего не понимая, схватила газету. А когда она поняла, что всѣ ихъ планы, особенно планы о будущемъ ребенкѣ, рух-

нули, лицо ея побѣлѣло еще больше, вѣчно испуганные глаза ея наполнились слезами, и она тихо, тихо, беззвучно заплакала. Такъ му-чительно горько, такъ безутѣшно она еще ни разу не плакала.

СЛУХЪ.

Степанъ Николаевичъ Вельневъ, покинувшій Россію въ 1920-мъ году и послѣ всякихъ мытарствъ очутившійся, наконецъ, въ 1927 мѣ году въ Ригѣ, сильно бѣдствовалъ. Со времени своего бѣгства изъ Москвы онъ, что называется, жилъ со дня на день, въ болѣшинствѣ случаевъ впроголодь, нигдѣ не находя подходящей работы. Последнее время ему особенно не везло, и онъ проживалъ послѣдніе гроши свои, питаясь только хлѣбомъ и чаемъ.

— Мое дѣло совсѣмъ табакъ, — какъ то разъ мрачно заявилъ Вельневъ своему единственному близкому знакомому актеру Долову, съ которымъ столкнулся на улицѣ.

— Понимаю, голубчикъ, понимаю, мой голубь, — великолѣпнымъ басомъ отозвался актеръ — ты попалъ въ полосу неудачъ. Пройдетъ эта полоса и опять будешь и сытъ и новую обувь купишь, и мнѣ свой должекъ уплатишь. Ну, а пока потерпи! Вотъ тебѣ, мой золотой, двадцать латиковъ. Отдашь, когда повезетъ, когда пристроишься. Прости, что не могу больше дать, но...

— Понимаю, понимаю, — прервалъ его Вельневъ, пряча деньги, — спасибо, спасибо. Золотое у тебя сердце, Гриша. Право, если бъ не ты, я, вѣроятно, давно бы уже прикончилъ свои дни.

— Вотъ что, мой цыпленокъ несчастный, — вдругъ оживленно воскликнулъ Доловъ, — тебѣ надо обязательно найти работу, безъ этого никакъ невозможно... У меня идея! Быть можетъ, эта идея спасетъ тебя.

— Какая идея? — встрепнулся Вельневъ.

— Секретъ! Тебѣ не нужно пока знать, что я придумалъ. Но только помни одно: если кто-нибудь будетъ намекать тебѣ на что-нибудь, дѣлай видъ, что ты догадываешься о намекѣ, но по этому поводу разговора вести не хочешь... Ни да, ни нѣтъ, однимъ словомъ! Ничего не отрицай, ничего не опровергай, но ничего и не утверждай. Понялъ?

— Ничего не понялъ, — уныло сознался Степанъ Николаевичъ, — я ребусы всякіе всегда разгадывалъ плохо. Объясни!

— Нѣтъ, ничего объяснять не буду, такъ какъ это ни къ чему. Ну, прощай. И помни: ничего не отрицай и ничего не подтверждай, отвѣчай уклончиво на всякіе лично тебя касающіеся вопросы, а я сейчасъ же примусь за работу.

— Чудакъ, — подумалъ Вельневъ, шагая по направленію къ своей квартирѣ, — славная душа, а фантастъ какой-то. Не поймешь его! Очевидно, онъ что-то задумалъ! Посмотримъ, посмотримъ!

Прошла недѣля. Дѣла Вельнева находились въ томъ-же положеніи. Какъ-то разъ, когда онъ послѣ прогулки по городу вернулся домой, квартирная хозяйка, полная пожилая нѣмка, встрѣтила его противъ обыкновенія очень привѣтливо и сладкимъ, сладкимъ голосомъ объявила ему:

— А къ вамъ заходилъ господинъ Доловъ. Онъ даже посидѣлъ у меня, такъ какъ хотѣлъ дожидаться вашего возвращенія... Это, конечно,

секретъ, я вѣдь понимаю отлично, но все же, геръ Вельневъ, позвольте мнѣ отъ всего сердца поздравить васъ!

— Съ чѣмъ именно? — вырвалось у Степана Николаевича.

— Ну, съ тѣмъ, съ вашимъ секретомъ. Геръ Доловъ взялъ съ меня слово, что я сохранию тайну. Да вы не беспокойтесь, я не проговорюсь. Отъ всей души еще разъ поздравляю!

— Н-да, — пробормоталъ Вельневъ, — сегодня, фрау Шпильманъ, я долженъ уплатить вамъ за комнату...

— Что вы, что вы!.. — перебила квартиранта хозяйка, — это же всегда успѣете. Вы не беспокойтесь!

— Благодарю васъ, — съ облегченіемъ отвѣтилъ Вельневъ, — я вамъ на дняхъ уплачу, а пока...

— Пожалуйста, пожалуйста! — не дала ему договорить фрау Шпильманъ, — я же вамъ говорю, что это не къ спѣху. Подожду, охотно подожду.

— Чудеса прямо! — думалъ Вельневъ, забравшись въ свою комнату, — эта безпощадная и жадная Шпильманша соглашается подождать съ уплатой за комнату. Тутъ что-то не то. Что за секретъ? Съ чѣмъ это она меня поздравляла, проклятая вѣдьма? Ужъ не Гриша-ли устроилъ какую-то мистификацію? Ничего, ничегошеньки не пойму.

Его размышленія были прерваны приходомъ горничной Мильды, упитанной дѣвицы съ довольно смазливымъ личикомъ.

— Вотъ вамъ, господинъ, письмо. Изъ редакціи мальчикъ принесъ. Позвольте, господинъ, поздравить васъ!

— Съ чѣмъ вы меня поздравляете, Мильда?

— Съ богатствомъ! Я слышала, какъ этотъ господинъ актеръ рассказывалъ хозяйкѣ. Я понимаю, что это секретъ.

Сначала Вельневъ хотѣлъ протестовать, но, вспомнивъ наставленіе Долова — «ничего не отридай, ничего не опровергай и ничего не утверждай», — неопредѣленно замѣтилъ:

— Н-да! Вотъ оно что!

Мильда же, стрѣльнувъ въ его сторону своими лукавыми голубыми глазами, продолжала:

— Вы, вѣроятно, займете другую комнату? Угловую. Она самая лучшая и скоро освободится.

— Гм!.. — проворчалъ Вельневъ, распечатывая принесенное письмо, которое сообщало ему, что редакторъ газеты «Отклики» проситъ его зайти въ редакцію отъ 3-хъ до 5-ти.

Въ тотъ-же день въ четыре часа Вельневъ сидѣлъ въ кабинетѣ редактора «Откликовъ», маленькаго лысаго старичка, который говорилъ ему мягкимъ, вкрадчивымъ, пріятнымъ теноркомъ:

— Вы вотъ нѣсколько разъ обращались ко мнѣ, прося дать работу. Но до сихъ поръ я вамъ ничего предложить не могъ, а сейчасъ могу. Хотите занять мѣсто второго корректора? У насъ открывается вакансія.

Вельневъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Онъ уже много разъ предлагалъ свои услуги редактору «Откликовъ», соглашаясь исполнять любую работу, но всегда получалъ категорическій отвѣтъ:

— Никакой работы нѣтъ и едва-ли будутъ!

А тутъ вдругъ такая милость!

Редакторъ между тѣмъ продолжалъ:

— Первое время вы будете получать только три тысячи, ну, а послѣ, конечно, посмотримъ. Можете и матеріалъ доставлять. Будемъ печатать! По два за строчку. Идетъ?

— Я согласенъ — пробормоталъ Вельневъ, — очень, очень благодаренъ, буду стараться.

Редакторъ постучалъ пальцами по столу и, сощутивъ свои свиные глазки, лукаво и таинственно проговорилъ:

— Мнѣ Доловъ подъ большимъ секретомъ все сообщилъ. Поздравляю васъ, отъ души поздравляю! Вѣдь вотъ неожиданность-то какая: «судьба играетъ человѣкомъ!» Досадно, что всѣ эти формальности, какъ говорилъ мнѣ Доловъ, протянутся еще съ полгода. Ну, эти полгода вы у насъ поработаете, а потомъ, быть можетъ, сдѣлаетесь нашимъ главнымъ пайщикомъ? Вы вѣдь, какъ я слышалъ, любите газетное дѣло. И перо у васъ бойкое, и стиль прекрасный, и выдумка есть! Ваши рассказы я всегда читалъ съ удовольствіемъ.

— Почему-же вы ихъ не печатали въ «Откликахъ»? — невольно вырвалось у Вельнева.

— Ну, знаете, — съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ отвѣтилъ лысый, — тутъ были особые обстоятельства. Дружининъ заявилъ мнѣ, что, если въ «Откликахъ» будутъ появляться ваши писанія, то онъ перейдетъ въ другую газету. Зависть, однимъ словомъ!... Конкуренція!.. Но я его уломаю, такъ какъ вашимъ сотрудничествомъ страшно дорожу.

Тутъ въ комнатѣ на нѣкоторое время воцарилось молчаніе, которое, наконецъ, было прервано вопросомъ:

— И вы получаете, какъ я слышалъ, полъ милліона долларовъ? Это вѣрно?

— То-есть видите-ли, — заерзалъ на стулѣ Вельневъ, вспоминая наставленія пріятеля, — точно сказать трудно, все это произошло такъ неожиданно... Я и самъ...

— Понимаю, понимаю вашу скромность. Вы все еще отъ этой удачи не можете придти въ себя. Радъ, искренне радъ и увѣренъ, что мы съ вами хорошія дѣла дѣлать будемъ: газету расширимъ, — начнемъ издавать еженедѣльникъ, а тамъ и ежемѣсячникъ. Увидите, увидите! Я газетное и журнальное дѣло знаю тонко и со мной вы не пропадете... Ну-съ, итакъ, завтра же приступайте къ своимъ обязанностямъ корректора и захватите матеріалецъ, который у васъ собрался. Все пустимъ! Ручаюсь! На этого завистника и интригана Дружинина не посмотрю. А если ему ваше сотрудничество не нравится, пусть убирается къ чорту... До скорого!

— Ясное дѣло, — думалъ Вельневъ, возвращаясь къ себѣ, — что Доловъ распустилъ слухъ, будто я откуда-то получаю большія деньги. Вотъ почему хозяйка лебезить передо мною и этотъ лысый чортъ разсыпался въ любезностяхъ? Во всякомъ случаѣ, я въ выигрышѣ: Шпильманша согласилась ждать съ уплатой за комнату, а въ «Откликахъ» я получилъ работу, о которой уже пересталъ мечтать.

Дома Вельневъ нашелъ письмо отъ директора русскаго театра Груева, съ которымъ былъ едва знакомъ. Груевъ въ загадочныхъ выраженіяхъ поздравлялъ Вельнева съ «неожиданной перемѣной фортуны» и просилъ почитать своимъ посѣщеніемъ спектакль въ тотъ же вечеръ. Къ письму была приложена даровая контрамарка.

— Что-жъ, — рѣшилъ Степанъ Николаевичъ, — въ театръ я пойду. Вѣчнось не былъ вѣдь ни въ театрѣ, ни на концертѣ, ни въ кино.

Въ театрѣ во время антрактовъ Вельневъ чувствовалъ, что привлекаетъ общее вниманіе. Къ нему подходили мало знакомыя лица, крѣпко жали его руку и поздравляли съ «неожиданнымъ счастьемъ». Груевъ же безъ всякой церемоніи схватилъ Степана Николаевича за плечи и трижды съ громкимъ причмокиваніемъ облобызалъ его, разсыпая слова мелкимъ бисеромъ:

— Поздравляю, дорогой, отъ всего сердца поздравляю! Наконецъ-то, фортуна повернулась къ вамъ лицомъ. Радъ всей душой, всей душой радуюсь за васъ. Знаете, я чувствую, что мы съ вами еще дѣла дѣлать будемъ. Вы же такой любитель театра. Увѣренъ, что вы захотите войти къ намъ въ дѣло и поддержать своими милліонами наше предпріятіе. Вѣдь мы совершаемъ высокій подвигъ, служа культурѣ и прославляя на чужбинѣ русское искусство. Вѣдь такъ, милый? Ну, мы еще объ этомъ поговоримъ. Я къ вамъ на дняхъ забѣгу. Радъ, о, какъ я радъ!

Затѣмъ къ Вельневу подошелъ молодой художникъ Завойко, составившій себѣ уже нѣкоторое имя, и послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ фразъ проговорилъ:

— Знаете, у васъ изумительно интересное лицо. Позвольте мнѣ написать вашъ портретъ. Если портретъ вамъ понравится, я вамъ его уступлю, а если нѣтъ, — другой напишу. Идетъ?

Вельневъ въ отвѣтъ промычалъ нѣчто неопредѣленное и поспѣшилъ въ зрительный залъ.

По окончаніи спектакля, когда Степанъ Николаевичъ выходилъ изъ театра, его подхватилъ Доловъ и потащилъ въ «Римскій подвалъ» ужинать.

Пріятели усѣлись въ уголку за столикъ, и тутъ Вельневъ взмолился:

— Слушай, Гриша! Объясни же мнѣ, наконецъ, что все это значить? Что ты про меня распустилъ? О какихъ милліонахъ идетъ рѣчь?

— Все объясню, дружище, — весело отвѣтилъ актеръ, заказывая кельнеру ужинъ. — Ну, слушай, — продолжалъ онъ, когда лакей отошелъ отъ ихъ столика, — вся суть въ томъ, что въ нашъ меркантильный вѣкъ ничего не дѣлается и ничего не дается даромъ. Тебѣ послѣднее время дьявольски не везло. Всѣ отъ тебя отшатнулись потому, что, казалось, изъ тебя ничего нельзя было извлечь. Надо было непременно поднять твои фонды: доказать всѣмъ, что ты величина, сила, индивидуальность, съ которой слѣдуетъ считаться и которая можетъ пригодиться. Какъ это сдѣлать? Тутъ мнѣ пришла въ голову блестящая идея, но, конечно, осуществить эту идею могъ только хорошій актеръ и тонкій психологъ, то есть такой человѣкъ, какъ я, скажу безъ лишней скромности. Конечно, міръ переполненъ ослами, но для того, чтобы дурачить этихъ ословъ, требуются и умъ, и выдержка, и фантазія, и даже творческія способности. Ну, вотъ я разыгралъ цѣлую комедію, сталъ вездѣ и всѣмъ рассказывать, подъ большимъ секретомъ, что въ Польшѣ тебѣ удалось продать черезъ посредника въ казну большое лѣсное имѣніе «Вельки Демба» за много, много милліоновъ золотыхъ. При этомъ я присовокупилъ, что окончательно всѣ свои деньги ты полу-

чишь только через полъ года, такъ какъ польское правительство не сразу можетъ собрать всю условленную громадную сумму.

Придумать эту штуку было не такъ трудно, но трудно было заставить повѣрить всѣхъ нашихъ рижскихъ «ословъ», что я говорю правду, что я не фантазирую, не вру. Тутъ на помощь мнѣ пришло мое актерское искусство и тонкое пониманіе человѣческой психологіи. Каждому о твоёмъ счастьи я рассказывалъ по иному, сообразуясь съ индивидуальностью моего собесѣдника. Ну, и клюнуло, отлично клюнуло! Всѣ повѣрили, что я исторію съ имѣніемъ не выдумалъ и увѣровали въ тебя, въ твои будущіе милліоны. Теперь въ теченіе короткаго времени, увѣренъ, ты прочно утвердишься въ газетѣ «Отклики», и все пойдетъ у тебя отлично. И другія изданія охотно будутъ помѣщать твои писанія. Однимъ словомъ, будущее твое обезпечено. То, что я продѣлалъ, умные люди продѣлывали уже раньше тысячу разъ, но вѣдь на свѣтѣ нѣтъ рѣшительно ничего новаго, исторія постоянно повторяется, а главное. — люди всегда люди...

— И ослы всегда ослы! — съ улыбкой добавилъ Вельневъ.

— Именно, именно! — согласился Доловъ, — ословъ всегда много, а безъ ословъ умному и изобрѣтательному человѣку на свѣтѣ не прожить.

Въ это время ресторанный оркестръ грянулъ какой-то оглушительный экзотическій танецъ, и дальнѣйшая бесѣда сдѣлалась невозможной.

Въ это время ресторанный оркестръ грянулъ какой-то оглушительный экзотическій танецъ, и дальнѣйшая бесѣда сдѣлалась невозможной.

КРАСКИ.

На пассажирской платформѣ «старого» рижскаго вокзала толпился народъ. Часовая стрѣлка большихъ станціонныхъ часовъ приближалась къ цифрѣ шесть.

Ежась отъ утренняго осенняго холода въ довольно поношенномъ пальто, въ сторонѣ отъ снующей толпы, стоялъ какой-то мужчина.

— Вы, генераль, кого поджидаете?—обратился къ нему носильщикъ съ добродушнымъ, типично-русскимъ лицомъ.

— А вы откуда меня знаете? — послѣдовалъ удивленный вопросъ.

— Да мы, баринъ, жили съ вами въ одномъ домѣ. Встрѣчались и въ воротахъ, и на лѣстницѣ. Я вамъ даже какъ-то помогъ вещи переставить въ квартирѣ. Вы вѣдь будете генераль Кондѣевъ?

— Вѣрно, — подтвердилъ послѣдній, — вспомнилъ! А скажите: московскій не опоздалъ? Пора бы ему уже быть здѣсь.

— Никакъ нѣтъ, еще четыре минуты. Скоро! Если вы кого встрѣчаете, такъ я могу вещи вынести.

— Пожалуйста,—согласился генераль. — Я встрѣчаю свою дочь. Девять лѣтъ ее не видѣлъ. Боюсь даже, что не сразу узнаю.

Носильщикъ сочувственно покачалъ головой и проговорилъ:

— То-то пріятно будетъ встрѣтиться!.. А, вотъ и поѣздъ!

— Гдѣ же она, гдѣ же она? — завертѣлось въ головѣ Кондѣева, когда съ грохотомъ подкатилъ «московский», и платформа стала заполняться новыми лицами, спѣшащими покинуть пыльные вагоны.

— Здравствуй, папочка! — вдругъ раздался около него низкій пріятный женскій голосъ. — Я тебя сразу узнала по твоей послѣдней фотографіи, которую ты переслалъ мнѣ через Павлову.

— Ты, ты, Леночка, наконецъ-то! — только и могъ выговорить генераль, обнимая дочь, которая осторожно подставила ему свою ярко розовую щечку для поцѣлуя.

Черезъ нѣсколько минутъ отецъ и дочь мчались въ наемномъ автомобилѣ по направленію къ Стрѣлковой улицѣ.

— Я везу тебя, Леночка, прямо къ себѣ, — сталъ оживленно рассказывать Кондѣевъ. — Уже четвертый годъ я живу у препочтенной старушки-нѣмки, которая заочно тебя хорошо знаетъ, такъ какъ я много ей о тебѣ рассказывалъ. У тебя, конечно, будетъ своя комнатка. Ты прости, что она совсѣмъ маленькая, но лучшей у фрейлейнъ Эльзы не было... Но, Господи, какъ я счастливъ, что тебѣ удалось, наконецъ, выбраться изъ этой проклятой Совдеціи! Когда ты мнѣ сообщила о смерти мамы и о томъ, что хлопчешь о заграничномъ паспортѣ, я до послѣдней минуты сомнѣвался, что тебѣ удастся получить всѣ нужные документы.

— Да, — отозвалась Леночка, — я получила паспортъ фокусомъ, благодаря протекціи

Исаака Осиповича Якобсона. У него большія связи. А безъ связей получить у насъ заграничный паспортъ совершенно невозможно.

Автомобиль остановился. Хозяйка сама открыла двери и съ любопытствомъ уставила свои маленькіе глазки на дѣвушку. Представивъ дочь, генераль проговорилъ на нѣмецкомъ языкѣ:

— Ну, какъ вамъ, фрейлейнъ Эльза, нравится моя Леночка? Вѣдь красавица?

— О, да, да! — поспѣшила отвѣтить нѣмка, пристально всматриваясь въ подкрашенные губки дѣвушки, — очень, очень красивая барышня!.. Надѣюсь, что вы хорошо доѣхали. Позвольте вамъ показать вашу комнату, — обратилась она къ Леночкѣ.

— Я, папочка, умоюсь и переодѣнусь, — проговорила дѣвушка, уходя съ хозяйкой, — скоро вернусь, и тогда тебѣ много, много расскажу.

Вся квартира состояла изъ четырехъ комнатъ. Двѣ изъ нихъ сдавались, въ одной жила хозяйка, а четвертая служила одновременно гостиной и столовой. Въ этой послѣдней комнатѣ былъ накрытъ столъ для утренняго кофе. Фрейлейнъ Эльза окинула удовлетвореннымъ окомъ бѣлоснѣжную скатерть, на которой аппетитно красовались разныя булочки, масло, печенія и легкая закуска, и проговорила:

— Ну, вотъ, господинъ генераль, вы и дождались, наконецъ! Какое счастье, что вашей дочери все же удалось приѣхать, не смотря на всѣ препятствія! Какъ-то ей у насъ понравится?

Но Кондѣевъ разсѣянно слушалъ болтовню хозяйки и нетерпѣливо поглядывалъ на дверь, за которой слышался плескъ воды и порой раздавались шаги.

Наконецъ, появилась и Леночка. Фрейлейнъ Эльза покинула столовую, чтобы не стѣснять своихъ постояльцевъ. Генераль усадилъ дочь и принялся ее угощать, предлагая невпопадъ то одно, то другое.

— Да, ты, папочка не безпокойся, — проговорила со смѣхомъ дѣвушка, обнаруживъ рядъ ровныхъ бѣлыхъ зубовъ, — не угощай меня, я и сама могу.

— Ну, хорошо, хорошо, дѣтка — сейчасъ же согласился отецъ, — сама хозяйничай; вѣдь ты у себя дома... Леночка, — вдругъ вырвалось у Кондѣева, — что ты сдѣлала со своимъ лицомъ?

— Что такое? Не понимаю! — съ недоумѣніемъ протянула Леночка, проглатывая кусокъ ветчины.

— А то, — продолжалъ горестно генераль, — что губы у тебя малиновыя, щеки пунцовыя, подъ глазами нарисованы темно-синія озеры, а брови твои изображаютъ какія-то фантастическія черныя дуги.

— Ахъ, ты вотъ о чемъ, — съ оттѣнкомъ неудовольствія процѣдила сквозь зубы Леночка, — чему тутъ удивляться: вѣдь сейчасъ во всемъ мірѣ всѣ красятся. Я дѣлаю то, что дѣлаютъ всѣ женщины, и молодыя, и старыя; исключенія составлять не хочу. Такъ просто!

— Леночка, дорогая, золотая моя, — взмолился Кондѣевъ, стараясь говорить сдержанно и не давать воли своему пылкому отъ рожденія темпераменту, — позволь мнѣ, отцу твоему, сказать тебѣ слово правды! Слушай, дѣтка: тебѣ вѣдь только двадцать второй годъ пошелъ... Ты, тебѣ это хорошо и самой извѣстно, не только миловидная, но прямо красавица... скажи же, объясни мнѣ, зачѣмъ тебѣ пачкать лицо свое, такое классическй-

прекрасное, отвратительными красками и превращать его въ какую-то безжизненную маску?.. Вѣдь ты, дорогая, прости Господи, при первой встрѣчѣ нашей послѣ десятилѣтней разлуки побоялась даже поцѣловать меня, какъ слѣдуетъ, чтобы не стереть красокъ на губахъ... Ну, зачѣмъ ты красишься, какой въ этомъ смыслъ?... Не сердись, дѣтка, на старика-отца, безумно любящаго свою единственную дочурку, свое безцѣнное сокровище, но скажи мнѣ, чего ради ты слѣдуешь этой отвратительной модѣ, превращающей красивѣйшее существо въ размалеванную куклу?... Ну, объясни!

При вопросѣ отца Леночка пожала плечами, нарисованныя брови ея поползли вверхъ, она вздохнула и, отпивъ изъ чашечки глотокъ душистаго кофе, тихо сказала:

— Я, папочка, совершенно не понимаю чего ради ты такъ волнуешься. Право же, твое негодование не имѣетъ *raison d'être*. Я, дѣйствительно, не отрицаю этого, крашу свое лицо, но дѣлаю это потому, что всѣ такъ дѣлаютъ...

Но, позволь, — прервалъ дочь Кондѣевъ, — если-бы всѣ дамы стали ходить съ мѣднымъ кольцомъ въ лѣвой ноздрѣ, то и ты продырявила бы свой классическій носикъ и стала носить въ ноздрѣ кольцо? Развѣ глупость другихъ заслуживаетъ подражанія!.. «Всѣ такъ дѣлаютъ!» Не угодно-ли!.. Неотразимо!.. Нѣтъ, дорогая, выслушай меня до конца. Мнѣ вѣдь до слезъ обидно, что моя красавица-дочь, слѣдуя идиотской модѣ, сознательно уродуетъ себя и старается походить на... впрочемъ, виновать, я увлекся...

Генераль откинулся на спинку кресла и на мгновеніе закрылъ глаза. Леночка же съ завиднымъ аппетитомъ уписывала буттербродъ.

бросая иногда изподлобья на отца взоры, въ которыхъ посторонній наблюдатель могъ бы прочесть не только смущеніе, но и иронию.

— Мнѣ, дорогая, — мягкимъ, но рѣшительнымъ тономъ опять заговорилъ Кондѣевъ, — разъ навсегда хочется высказаться по этому вопросу. Зачѣмъ вы, женщины, краситесь? Ясное дѣло — для того, чтобы нравиться мужчинамъ. Но поймите же, осознайте, что изъ ста мужчинъ только одинъ какой-нибудь кретинъ съ извращенными вкусами предпочтетъ безжизненную маску накрашенной куклы натурѣ... Вѣдь накрашенные губы поцѣловать противно, а накрашенное лицо у нормальнаго человѣка вызываетъ чувство отвращенія. Однимъ словомъ, Леночка, если ты меня любишь, если ты желаешь, чтобы я уважалъ, если, скажемъ кратко, ты дорожить моимъ мнѣніемъ и, наконецъ, если ты пожелаешь доставить мнѣ большую радость, ты должна, дорогая, перестать пачкать свое лицо... Выбрось всѣ свои отвратительныя краски и обѣщай мнѣ не слѣдовать больше этой идіотской модѣ...

Кондѣевъ умолкъ. Въ комнатѣ на нѣкоторое время воцарилось тяжелое молчаніе. Леночка имѣла какой-то растерянный видъ, но глаза ея, выражаясь словами стараго романа, «метали молніи».

Вдругъ она встала, пересѣла на диванъ и уткнувшись головой въ подушку, разразилась рыданіями и потокомъ несвязныхъ фразъ.

— Какъ ты, папочка, жестокъ!.. Я же не могу быть иначе, какъ всѣ... Это же насиліе надъ личностью! Я вѣдь ничего дурного не дѣлаю... И это въ первое же наше свиданіе послѣ десятилѣтней разлуки!.. О, какая я не-

счастливая!.. Зачѣмъ я пріѣхала??.. Ужъ лучше бы оставалась въ Москвѣ.

Кондѣевъ совершенно опѣшилъ и сразу же изъ обвинителя превратился въ обвиняемаго. Онъ подсѣлъ къ дочери и сталъ успокаивать ее и увѣрять, что все имъ сказанное «невинная шутка», что, собственно говоря, ему нѣтъ дѣла до того, малиновыя ли у Леночки губки или розовыя, что онъ не можетъ видѣть ея слезъ и готовъ взять свои слова обратно, только бы никогда больше она не плакала.

Дѣвушка, однако, на слова отца не обращала вниманія и рыданія ея росли неудержимой волной, переходя порой въ какіе-то трагическіе вопли.

Притаившаяся за дверью любопытная фрейлейнъ Эльза, наконецъ, не выдержала и предварительно «для формы» постучавъ, рѣшительнымъ движеніемъ руки открыла дверь и проговорила сладкимъ, воркующимъ голосомъ:

— Что случилось, господинъ генералъ? Почему ваша прелестная дочь такъ рыдаетъ? Не упала-ли она, быть можетъ? Въ чемъ дѣло?

— Ахъ, оставьте, — чувствуя, что сгораешь отъ стыда, отвѣтилъ Кондѣевъ. — Она... она, бѣдная, видите-ли, вспомнила свою маму, которую потеряла не такъ давно, ну, и, конечно, расплакалась... Устала съ дороги... Такая впечатлительная... женскіе нервы, однимъ словомъ.. Ну, просто захотѣлось всплакнуть.. Слезы вѣдь облегчаютъ... Вотъ и все! Какъ видите, ничего серьезнаго. Вы, милая фрейлейнъ Эльза, напрасно обезпокоились..

Нѣмка недовѣрчиво покачала головой, укоризненно посмотрѣла на Леночку, продолжавшую тихо всхлипывать, и оставила комнату.

Черезъ три дня Леночка какъ-то вечеромъ сидѣла у своей подруги, Мусѣ Невѣровой, и дѣлилась съ нею своими впечатлѣніями.

Муся, сильная брюнетка съ пушкомъ темныхъ волосъ на верхней подкрашенной чувственной губѣ, уже годъ жила въ Ригѣ. Она была знакома съ Леночкой еще по Москвѣ, гдѣ училась съ ней въ одной школѣ.

— Ты понимаешь, — рассказывала съ воодушевленіемъ Леночка, удобно раскинувшись на широкомъ турецкомъ диванѣ и перебирая обѣими руками красивые пальцы съ блестящими розовыми ногтями правой руки своей подруги, — какъ я возмутилась, когда старикъ мой сталъ требовать отъ меня самымъ категорическимъ образомъ, чтобы я отказалась отъ «макильжа» лица. Онъ такъ присталъ ко мнѣ, что я рѣшила разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ... И вотъ мнѣ пришлось пустить въ ходъ свое искусство. Ты, дуся, вѣроятно, помнишь, какъ иногда я передъ цѣлымъ нашимъ классомъ дурачилась, изображая то плачущую деревенскую дѣвушку, потерявшую свою невинность, то рыдающую вдову надъ могилой своего покойнаго мужа, то проливающую горькія слезы маленькую дѣвушку, которую сѣкутъ. Всѣ вы говорили, что я рыдаю неподобающе и могу ввести въ заблужденіе кого угодно... Ну, и вотъ, когда мой почтенный родитель началъ требовать, чтобы я не красила губъ и разразился цѣлой филиппикой противъ «идіотской» моды, я тряхнула старинной и изобразила Андромаху, воющую надъ тѣломъ покойнаго Гектора. Мое искусство мнѣ не измѣнило и «номеръ» прошелъ великолѣпно. Мой папка такъ растерялся и такъ огорчился, что отъ словъ своихъ тутъ же отказался и сталъ увѣрять меня, что онъ, собственно го-

воря, ничего рѣшительно противъ «макиль-жа» не имѣть и препятствовать, мнѣ «наводить красоту» не станетъ. Однимъ словомъ, искусство мое помогло мнѣ отвоевать свободу распоряжаться по своему усмотрѣнію своимъ лицомъ... Ну, что ты скажешь на это, моя черная кобра?—оборвала Леночка свой рассказъ, обнимая Мусю за талію и кладя свой бубикопфъ на плечо подруги.

— Вполнѣ одобряю тебя, моя киска,—отвѣтила Муся, осторожно, чтобы не стереть красокъ, цѣлуя Леночку.—Мужчины не должны вмѣшиваться въ наши чисто женскія дѣла. Я, право, сейчасъ не могу себя представить, какъ можно выйти изъ дому, не подрумянивъ себя предварительно губъ, не подведя глазъ, не попудривъ носа и вообще не приведя своего лица въ порядокъ. Вѣдь всякая хорошенькая женщина обязательно прибѣгаетъ къ косметикѣ. Мы не можемъ съ тобой плыть противъ теченія и составлять исключеніе. Мода сильнѣе насъ, сильнѣе всякой логики, всякихъ разглагольствованій. И, вѣрь мнѣ, большинству мужчинъ больше по вкусу накрашенные лица, нежели лица, которыхъ краска не коснулась. Твой папаша отсталый человѣкъ и ты хорошо сдѣлала, закативъ ему сцену изъ древней трагедіи. Онъ не имѣетъ никакого права требовать отъ тебя въ угоду испорченнаго вкуса и глупой фантазіи безсмысленной совершенно жертвы...

Она замолчала и принялась нѣжно ласкать шелковистые волосы Леночки, которая, свернувшись въ клубочекъ и закрывъ глаза, томно прошептала:

— Ты умная и славная! Все понимаешь!.. Обожаю тебя, моя усатенькая чернявочка...

КРЫСЫ КОРОЛЯ. ¹⁾

(Историческая миниатюра.)

Въ началѣ 1483 года великій, хотя и жестокій, король Франціи Людовикъ XI представлялъ заживо разлагающагося человѣка. Это былъ живой трупъ.

Онъ уже больше не покидалъ своего мрачнаго замка дю Плесси, проводя большую часть времени въ постели. Лицезрѣть его величество могли только лейбъ-медикъ Койстье, брадобрей Оливье и знаменитый Тристанъ, превосходящій въ отношеніи природной жестокости самого монарха.

Въ одно сѣрое зимнее утро Оливье услужливо доложилъ королю, безпокойно ворочавшемуся на своемъ ложѣ, что молодой пажъ Анри д'Эспиналь, недавно взятый ко двору, позволилъ себѣ въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ смѣяться надъ болѣзнью своего повелителя и вообще иронизировать надъ нимъ.

— Позвать этого негодяя ко мнѣ, — чуть слышно пробурчалъ больной, нервно потирая высохшія руки.

¹⁾ Этотъ рассказъ и слѣдующіе были помѣщены въ рижскомъ „Вечернемъ Времени“ подъ разными псевдонимами (Жанъ д'Олье, Куртъ фонъ Дронъ, Адольфъ Бургъ и т. д.).

И. Н.

Когда Анри, красивый мальчишка лѣтъ 13, вошелъ въ зловонную и неуютную спальню короля, послѣдній ласково спросилъ его:

— Правда ли, мой милый красавчикъ, что мы изволили смѣяться надъ болѣзнью своего короля?

Пажъ поблѣднѣлъ и упалъ къ ногамъ страшнаго старика, моля простить его.

— Ты, значитъ, прекрасный мой мальчикъ, признаешь свою вину? — весело и мягко говорилъ монархъ. — Это похвально, весьма похвально! Но короля безнаказанно поносить не полагается, а потому... (тутъ король на мгновенье задумался) а потому завтра послѣ ранней мессы ты, дружочекъ, познакомишься съ моими симпатичными крысулками... Уведите этого мерзавца и посадите его въ западную башню, — въ заключеніе приказалъ больной зловѣщимъ шопотомъ.

На слѣдующій день послѣ утренней церковной службы короля перенесли въ одинъ изъ обширныхъ подваловъ замка, освѣщенный ярко пылающими факелами. Середину помѣщенія занимала довольно глубокая, круглая яма, огороженная чугунной тяжелой, невысокой рѣшеткой.

— Приведите моего дружка, — распорядился повелитель Франціи, когда его носилки-кресло были поставлены около ямы.

— Вотъ что, голубчикъ, — добродушнымъ, тихимъ голосомъ сказалъ король, загадочнымъ взоромъ оглядывая стройную фигурку Анри, — ты раздѣнешься и затѣмъ тебя спустятъ въ эту яму... Посмотримъ, какъ съ тобой обойдутся мои славныя крысули... Ну вы!.. Живо!..

Въ мгновеніе ока мальчикъ былъ раздѣтъ до гола. Еще секунда... и Тристанъ сбросилъ его въ яму.

Умиравшій старикъ впился глазами въ розово-бѣлое, прекрасное тѣло д'Эспиналя, растерянно стоявшаго въ центрѣ ямы.

Тристанъ отдалъ какое-то распоряженіе, и въ стѣнѣ ямы безшумно поднялась маленькая дверка.

— Если мои любимицы тебя не сожрутъ, — раздался насмѣшливый, дрожащій старческий голосъ, — тогда я тебя, херувимъ мой, поми-
лю и отпущу на всѣ четыре стороны.

Черезъ зазіявшее въ стѣнѣ квадратное отверстіе медленно стали выходить въ яму одна за другой громадныя темно-бурыя, тощія крысы.

Анри инстинктивно прижался спиной къ стѣнѣ и съ ужасомъ смотрѣлъ на наполняющихъ постепенно яму отвратительныхъ животныхъ. Онъ ясно понималъ, что спасенія нѣтъ, что голодныя королевскія крысы задавятъ его своимъ количествомъ.

Сраженія между крысами и собаками составляли любимое развлеченіе короля. Для разнообразія могущественный монархъ рѣшилъ устроить турниръ между провинившимся мальчикомъ и крысами. Исходъ турнира былъ ясенъ.

Но въ тотъ моментъ, когда пажъ приготовился къ защитѣ, собираясь дорого продать свою жизнь, произошло нѣчто совершенно необъяснимое.

Крысы, вмѣсто того, чтобы, какъ всѣ ожидали, наброситься на молодое тѣло мальчика, стали вяло бродить вокругъ Анри, не обращая на него никакого вниманія.

— Чудо! Чудо! — слышалось въ свитѣ короля, — его охраняетъ Пречистая Дѣва! Это она зачаровала крысъ!

— Не можетъ быть! — простоналъ Людовикъ, начиная креститься и покрывать градомъ поцѣлуевъ иконки и амулеты, висѣвшіе у него на шлѣпѣ, — спаси меня грѣшнаго и помилуй! — зашептали его тонкія губы, — ну, его къ дьяволу! Отослать его домой!

Мальчика вытащили изъ ямы и въ тотъ же день отправили на родину.

Король, въ скоромъ времени скончавшійся, такъ и не узналъ, что его любимыхъ крысъ, содержавшихся въ особомъ помѣщеніи подъ наблюдениемъ вѣрнаго и испытаннаго слуги Клери, опоила снотворнымъ напиткомъ дочь послѣдняго. Хорошенькая Жанина Клери, влюбленная въ Анри, при помощи старухи-тетки, которую многіе считали колдуньей, спасла, такимъ образомъ, жизнь будущему извѣстному военачальнику Франціи.

Не даромъ мудрая пословица гласитъ: «ищите всегда женщину».

ЗАТРАВЛЕННЫЙ МОНАХЪ.

Историческая легенда-анекдотъ.

Въ близкомъ разстояніи отъ замка дю Плэ-си-лэ-Туръ, гдѣ въ послѣдніе годы своей жизни почти безвыѣздно жилъ король Людовикъ XI, находился небольшой мрачный монастырь св. Петра, еще въ XVI вѣкѣ уничтоженный огнемъ и затѣмъ вновь не отстроенный.

Какъ то разъ въ 1480 году, то есть за три года до своей смерти, Людовикъ XI съ очень маленькой свитой прибылъ въ монастырь, рѣшивъ провести тамъ нѣсколько дней.

Въ одно раннее утро, приказавъ Тристану, вѣрному слугѣ своему, слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не слѣдовалъ за нимъ, король направился въ монастырскую церковь.

Церковь была очень слабо освѣщена нѣсколькими восковыми свѣчами, которыя распространяли подъ мрачными сводами таинственный полумракъ. Король сталъ у одной изъ колоннъ и началъ шептать слова молитвы, обращенныя къ св. Дѣвѣ.

Вдругъ вниманіе его было привлечено какимъ-то шорохомъ и тихимъ разговоромъ. Онъ оглянулся и замѣтилъ у одной изъ стѣнъ храма очертанія двухъ какихъ-то фигуръ.

Неслышными шагами подкрался король къ разговаривающимъ и, ставъ за колонну, превратился весь въ слухъ.

— Неужели-же мы не можемъ бѣжать и скрыть гдѣ-нибудь нашу любовь?—раздался мелодичный женскій голосъ,—я съ такимъ трудомъ еще до разсвѣта пробралась сюда... Пойми, мой безцѣнный, что безъ тебя я жить не могу...

— И я тоже—прозвучалъ въ отвѣтъ пріятный мягкій баритонъ,—я все подготовилъ къ нашему бѣгству. Подождемъ только, чтобы король отсюда уѣхалъ.

— Вотъ оно что!—подумалъ монархъ,—кто бы могъ думать, что моя кроткая и славная Жакелина, этотъ ребенокъ, заведетъ амуры съ нечестивымъ монахомъ... Придется принять мѣры...

Вернувшись въ свои покои и вызвавъ Тристана, король кратко сказалъ ему:

— Сейчасъ я засталъ въ церкви мою крестницу Жакелину съ монахомъ. Немедленно схвати монаха, а Жакелину отправь къ ея матери... Затѣмъ сейчасъ же подъ этими окнами выпусти на нечестивца моихъ волковъ. Онъ лишь получить по заслугамъ. Понялъ?

Тристанъ, отвѣсивъ низкій поклонъ, повернулся и вышелъ изъ комнаты, а король, снявъ свою старую и безобразную шляпу, увѣшанную оловянными иконками и положивъ ее передъ собою, принялся молиться.

Разсвѣтъ еще не наступилъ, и монастырскій дворъ былъ погруженъ въ полумракъ. Въ скоромъ времени подъ окнами королевскихъ покоевъ появились два громаднхъ сѣрыхъ волка. Король, потирая руки и повторяя слова

молитвы, сталъ напряженно вглядываться въ темноту разстилавшагося передъ нимъ двора.

Вдругъ изъ башни выскочила какая-то темная согбенная фигура. Видимо, ее вытолкнули во дворъ.

— Ага!—прошепталъ Людовикъ,—вотъ онъ мой голубчикъ!.. Посмотримъ, посмотримъ, мой милый, какъ васъ кушать будутъ!

Въ мгновеніе ока волки очутились на безпомощно барахтающейся на землѣ фигурѣ... Полетѣли клочья черной монашеской сутаны, полилась кровь, раздался хрустъ костей...

Совершивъ этотъ справедливый актъ правосудія, король прилегъ и заснулъ. Вдругъ неожиданно его разбудилъ какой-то голосъ... Въ дверяхъ стоялъ только-что растерзанный волками монахъ. На немъ была разорванная и вся окровавленная сутана, глаза его горѣли какимъ-то зловѣщимъ огнемъ.

— Слушай, слугитель дьявола,—раздался грозный и глухой голосъ,—приходи завтра передъ разсвѣтомъ, какъ и сегодня, въ церковь, и ты меня опять увидишь на прежнемъ мѣстѣ...

Сказавъ эту фразу, окровавленный призракъ исчезъ, а съ монархомъ сдѣлалось дурно.

На слѣдующее утро какая-то непреодолимая сила потянула Людовика въ церковь. Къ своему неописуемому ужасу, онъ, какъ ему предсказалъ призракъ, опять увидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ монаха ласкающаго Жакелину.

Это событіе такъ потрясло короля, что онъ, какъ безумный, выскочилъ изъ церкви и немедленно покинулъ монастырь.

Нечестивый же монахъ продолжалъ свою любовную интригу съ Жакелиной. Суть заклю-

чалась въ томъ, что хитрая и изобрѣтательная монашеская братія, вмѣсто провинившагося, выбросила на растерзаніе королевскимъ волкамъ невиннаго и рѣзваго теленка, котораго закутали въ черную сутану. Конечно, за молчаніе Тристанъ получилъ изъ монастырской казны кругленькую сумму въ звонкой золотой монетѣ.

НАХОДЧИВОСТЬ.

Случай изъ жизни артистки.

Талантливая молоденькая артистка Луиза Дервье, восхищавшая весь Парижъ не только своей красотой, но и туалетами и неподобными брилліантами, послѣ одной удачной премьеры вернулась поздно ночью домой.

— Барышня — спросила разбитная горничная, когда хозяйка ея улеглась въ постель, — позвольте мнѣ пойти въ гости къ швейцару нашего дома? Жена его празднуетъ сегодня день своихъ именинъ.

— Хорошо, Жюли, — сладко потягиваясь, проговорила артистка, — идите, хотя, признаться, я не люблю оставаться одна въ квартирѣ. Хорошенько закройте двери. Въ газетахъ послѣднее время только и пишутъ о взломахъ, разбояхъ и грабежахъ.

— Ну, барышня, это все сказки. Газетчики извѣстные выдумщики. Къ намъ-то, впрочемъ, никто не заберется.

Жюли ушла, а Луиза Дервье заснула тѣмъ крѣпкимъ и счастливымъ сномъ, который обыкновенно посѣщаетъ только людей молодыхъ и вполне здоровыхъ.

Вдругъ она неожиданно проснулась.

— Что это? — мелькнуло въ ея мозгу, — мнѣ чудится, будто въ комнату кто-то вошелъ,

что я не одна... Какой-то шорохъ!.. Кто-то бродить!

Въ эту минуту ослѣпительный снопъ свѣта ручной электрической лампочки прорѣзалъ темноту. Она прищурила невольно глаза, но ясно увидѣла, что у дверей спальни стоитъ апашъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ фонарикъ, а въ правой — небольшой стальной ломикъ, который парижскіе взломщики пускаютъ въ ходъ и какъ оружіе взлома, и какъ кистень.

Артистка сразу сообразила, что къ ней забрался грабитель... Что дѣлать?... Какимъ путемъ спасти свои брилліанты?.. А также и жизнь, быть можетъ?..

Въ очаровательной головкѣ, напрягшей всѣ свои мыслительныя способности, созрѣлъ планъ дѣйствій. Стараясь говорить совершенно спокойно и естественно, Девье протянула лѣнивымъ и соннымъ голосомъ:

— А, это ты, Жакъ!.. Уже вернулся?.. Умница!.. А я крѣпко, крѣпко спала!.. Потуши же скорѣй свой противный фонарикъ: онъ слѣпитъ мнѣ глаза.. Знаешь, меня вызывали двѣнадцать разъ послѣ третьяго дѣйствія... Вообрази себѣ, что я забыла въ театрѣ въ уборной свою сумочку со всѣми брилліантами. Только дома спохватилась. Ну, конечно, немедленно протелефонировала, чтобы до утра сумочку положили въ несгораемый шкафъ... Ты, мое счастье, пройди въ ванную и поскорѣй соверши свой ночной туалетъ, а я тѣмъ временемъ еще посплю немного; ты вѣдь всегда такъ долго возишься! Въ ванной я оставила свои кольца. Когда будешь возвращаться оттуда, захвати ихъ съ собой и принеси сюда. Они вѣдь составляютъ цѣлое состояніе, а горничная у насъ новая: стащить, а потомъ скажетъ, что я кольца забыла въ театрѣ...

Комната погрузилась во мракъ, и дверь тихо скрипнула.

— Ушелъ, — со вздохомъ облегченія подумала артистка, — никогда я такъ дивно не играла на сценѣ, какъ сейчасъ въ своей спальнѣ, но надо довести дѣло до конца!..

Накинувъ пеньюаръ, Дервье неслышно проскользнула въ гостиную, а оттуда въ коридоръ. Изъ ванной комнаты черезъ щель дверей пробивалась полоска свѣта. Артистка, стараясь не производить шума, быстро открыла парадную дверь, опрометью спустилась по лѣстницѣ и съ возбужденнымъ лицомъ и горящими глазами ворвалась въ помещеніе швейцара. Тамъ пиршество находилось въ полномъ разгарѣ. Самыми почетными гостями были двое полицейскихъ. Имъ удалось, пользуясь указаніями мужественной женщины, захватить грабителя въ тотъ моментъ, когда онъ, не найдя въ ванной колецъ, входилъ въ спальню актрисы.

«Кровавая рука», — такую кличку носилъ арестованный апаашъ, — представлялъ типъ опаснѣйшаго взломщика. За нимъ числились уже пять возмутительныхъ убійствъ, совершенныхъ въ ограбленныхъ имъ квартирахъ.

О рѣдкой находчивости и самообладаніи талантливой артистки заговорили всѣ парижскія газеты, и имя Луизы Дервье сдѣлалось еще болѣе популярнымъ, а число поклонниковъ ея несравненнаго таланта увеличилось во много разъ.

ГИПНОТИЗЕРЪ.

(Изъ уголовной хроники.)

Ресторанъ гостиницы «Кайзергофъ» былъ переполненъ. За отдѣльнымъ столикомъ въ полномъ одиночествѣ обѣдалъ баронъ фонъ Гагенъ. Онъ недавно пріѣхалъ изъ своего имѣнія въ Берлинъ, гдѣ собирался провести по дѣламъ нѣсколько дней.

Разсѣяннымъ взоромъ скользнувъ по залу, баронъ вдругъ замѣтилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего столика шикарно одѣтую шатенку съ удивительно милымъ и наивнымъ лицомъ. Противъ нея сидѣлъ элегантный брюнетъ съ безпокойно бѣгающими глазами.

— Итакъ, — донесся до столика Гагена голосъ брюнета, — я тебя, сестренка, на четверть часа покину, а ты пока наслаждайся музыкой.

Шатенка кивнула утвердительно миловидной головкой, а брюнетъ всталъ и направился въ билліардную.

— Какая прелесть! — пронеслось въ головѣ барона, — попытаюсь ее загипнотизировать и внушить ей желанье со мной познакомиться.

Фонъ Гагенъ считалъ себя замѣчательнымъ гипнотизеромъ и думалъ, что обладаетъ

своимъ заставляя слабыхъ людей исполнять его волю.

Онъ впился глазами въ шатенку. Та, видимо, замѣтила его маневръ и по-дѣтски улыбнулась, показавъ рядъ ослѣпительно-бѣлыхъ зубовъ.

— Дѣйствуетъ, — самодовольно подумалъ Гагенъ, — мои флюиды парализуютъ у нея всякую силу сопротивленія.

Вдругъ шатенка уронила свою сумочку, которая лежала около ея прибора.

Баронъ въ мгновеніе ока поднялъ сумочку... что-то сказалъ... ему отвѣтили.. знакомство состоялось.

— Вы замѣтили, — сказалъ Гагенъ, — какъ я старался, фиксируя васъ глазами, внушить вамъ желанье со мной познакомиться?

— Видимо, вы удивительный гипнотизеръ, — игриво отвѣтила шатенка, — я сразу же почувствовала къ вамъ необычайную симпатію. А брата моего все нѣтъ! Вѣроятно, онъ увлекся своимъ билліардомъ!.. Посидите со мной немножко!

Баронъ подсѣлъ къ шатенкѣ, которая до-вѣрчиво и наивно стала рассказывать ему о своемъ мужѣ, живущемъ въ Дрезденѣ, о томъ, что она пріѣхала въ Берлинъ всего на три дня и т. д.

Въ концѣ концовъ помѣщикъ предложилъ своей новой знакомой зайти къ нему «всего на секунду» въ номеръ. Шатенка сначала заколебалась, но потомъ со смѣхомъ сказала:

— Право, я не знаю, что со мною, но вы меня лишили воли... Вы, дѣйствительно, удивительный гипнотизеръ!

Когда оба они очутились въ уютномъ номерѣ Гагена, шатенка предложила ему изъ

своего золотого изящнаго портсигара крошечную папироску «изъ лучшаго турецкаго табаку».

Баронъ закурилъ, но очень скоро голова у него закружилась, и онъ потерялъ сознание.

Когда онъ очнулся, ни шатенки, ни его бумажника съ крупными деньгами, ни часовъ, ни колецъ, ни даже жемчужныхъ запонокъ не оказалось.

Къ полиціи, однако, баронъ фонъ Гагенъ не обратился, не желая, чтобы эта исторія дошла до ушей его строгой супруги.

ЭКЗАМЕНЪ.

(Миніатюра).

-- Что же отвѣтитъ Гастону? По моему, онъ представляетъ отличную партію. Я думаю, что ты будешь съ нимъ вполне счастлива.

— Я, мамочка, право, и сама не знаю, какъ мнѣ быть. Съ одной стороны онъ мнѣ нравится, съ другой... я знаю его слишкомъ мало. Вотъ если-бъ мнѣ удалось какъ-нибудь видѣть его наединѣ съ самимъ собою!.. Вѣдь на людяхъ человѣкъ одно, а когда онъ одинъ, то это нѣчто совершенно другое.

— Странная у тебя фантазія. Вѣдь это осуществить невозможно!

— Вотъ что, мамочка, — рѣшительно заявила хорошенькая девятнадцатилѣтняя Жанна, — я сдѣлаю претенденту на мою руку маленькій экзаменъ. Когда онъ сегодня придетъ въ пять часовъ къ намъ, прислуга скажетъ ему, что никого нѣтъ дома, что мы скоро вернемся и просимъ его обождать въ гостиной. А я спрячусь въ сосѣдней комнатѣ за портьерой и буду въ теченіе минутъ двадцати наблюдать за нашимъ гостемъ. Однимъ словомъ, подвергну его маленькому испытанію.

Мать, обожавшая свою единственную дочь, давно уже привыкла исполнять всѣ ея капризы, а потому и сейчасъ со вздохомъ проговорила:

— Дѣлай, какъ хочешь, Жанночка. Только не попадись, а то выйдетъ неловко.

Въ тотъ же вечеръ Жанна безъ всякаго колебанія объявила матери, что за Гастона она замужъ никогда не выйдетъ.

— Но почему? — спросила мать, — объясни толкомъ. Развѣ твой претендентъ не выдержалъ экзамена?

— Видишь-ли, мамочка, въ теченіе цѣлаго получаса я сегодня наблюдала за Гастономъ, когда онъ думалъ, что сидитъ въ нашей гостиной въ полномъ одиночествѣ. Спрятавшись за портьерой, я слѣдила за каждымъ его движеніемъ, за малѣйшимъ измѣненіемъ выраженія его лица.

— Ну, и что-же?

— Наединѣ съ самимъ собою онъ совершенно другой и ничуть не похожъ на того свѣтскаго, элегантнаго и милаго молодого человѣка, котораго мы привыкли видѣть. Во первыхъ, какъ только прислуга вышла изъ гостиной, лицо его сразу сдѣлалось какимъ-то старымъ, непріятнымъ, холоднымъ. Затѣмъ, развалившись въ очень некрасивой позѣ на диванѣ, онъ усиленно принялся пальцемъ ковырять у себя въ носу... Препротивно!.. Дальше пошло еще хуже. Онъ сталъ передъ зеркаломъ и началъ любоваться своей наружностью, принимая разныя позы и преуморительно тараща свои судачьи глаза. Я едва удержалась отъ смѣха. Ахъ, если-бы ты видѣла, какой онъ имѣлъ глупый и забавный видъ!.. Наконецъ, насмотрѣвшись вдоволь на свое пошлое лицо, онъ принялся съ идиотскимъ видомъ прохаживаться по комнатѣ и... тутъ произошло нѣчто совершенно неприличное, стыдно даже рассказывать...

— Договаривай, договаривай!

— Онь... онъ... ну, однимъ словомъ, онъ издалъ совершенно неприличный звукъ... Понимаешь?.. Нѣтъ, такого господина въ мужья я ни за что не возьму, Богъ съ нимъ! Гастонъ дю Креси моего экзамена не выдержалъ, и ты, мамочка, передай ему, что я еще слишкомъ молода и замужъ выходить не собираюсь.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

Миниатюра.

— Иди домой! Слышишь?.. Къ кому я обращаюсь?.. Немедленно бѣги домой!.. Ну, марш!

Эти слова эlegantной и хорошенькой женщины, стоящей на тротуарѣ у дверей большого дома на одной изъ менѣе оживленныхъ парижскихъ улицъ, относились къ кривоногой, препотѣшной маленькой собачкѣ изъ породы таксовъ.

Хотя собака, очевидно, отлично понимала слова своей хозяйки, все же съ мѣста она не двигалась и продолжала, виляя хвостомъ, пристально смотрѣть на Жерменъ Дюваль.

— Фрикъ,—повторила Жермена грознымъ голосомъ,—въ послѣдній разъ приказываю тебѣ убираться домой и тамъ ждать моего возвращенія. Иди-же!

При этомъ изящная ножка слегка толкнула собачку.

Песикъ понуро опустил свою остроконечную мордочку съ великолѣпнымъ намордникомъ и нехотя, медленно пошелъ по улицѣ, не оглядываясь назадъ. Было ясно, что онъ чувствовалъ себя страшно обиженнымъ.

— Наконецъ-то, — съ облегченіемъ подумала молодая женщина, — насилу отдѣлалась! А Гастонъ терпѣть не можетъ Фрика. Нельзя

же постоянно раздражать его! Пусть Фрикъ поскучаетъ немного съ моимъ благовѣрнымъ.

Жермена Дюваль скрылась въ подъѣздѣ дома, а Фрикъ вернулся домой. Онъ пошелъ по черному ходу и у дверей кухни началъ царапаться и скулить.

— А это ты, Фрикъ, — бросила прислуга, разбитного вида горничная, открывъ двери, — твоя хозяйшкa опять тебя прогнала?.. Не любить она гулять съ тобою!

Фрикъ, не обращая никакого вниманія на эти слова, съ серьезнымъ и озабоченнымъ видомъ прошелъ въ кабинетъ хозяина, читавшаго газету.

— А гдѣ-же наша мама, Фрикъ? — весело обратился Дюваль къ собакѣ, откладывая газету въ сторону. — Куда она дѣвалась? Веди меня къ ней!

При этихъ словахъ хозяина собака принялась вокругъ него прыгать и бросаться къ дверямъ, точно приглашая Дюваля слѣдовать за нею.

— Ну, ладно, ладно! Ты хочешь гулять? Идемъ! И мнѣ охота пройтись.

И человекъ, и собака вышли на улицу. Фрикъ побѣжалъ впередъ и привелъ своего хозяина къ тому дому, куда полъ часа тому назадъ вошла Жермена.

Затѣмъ, оглядываясь на Дюваля, онъ началъ взбираться по лѣстницѣ.

Передъ дверьми, на которой красовалась дощечка съ надписью «Гастонъ дю Гартъе, художникъ-граверъ», Фрикъ остановился и, царапаясь въ дверяхъ, сталъ жалобно подвывать и визжать.

Черезъ минуту въ передней раздался голосъ Жермены:

— Этотъ подлый Фрикъ опять вернулся.

Онъ безъ меня жить не можетъ!.. Ты ужъ, мой другъ, прости меня, я впущу его... Онъ намъ мѣшать, вѣдь, не будетъ!..

Дверь распахнулась, и Дюваль увидѣлъ раскраснѣвшееся лицо своей жены, а сзади нея ему бросилось въ глаза самодовольное и давно уже ненавистное ему лицо красавца дю Гартье.

Благодаря предательству Фрика, супружеская невѣрность Жермены стала настолько очевидна, что вся эта исторія кончилась разводомъ Дювалей, къ большому огорченію, конечно, всѣхъ заинтересованныхъ лицъ и даже Фрика.

СТРАХЪ.

Разсказъ—миніатюра.

Скорый поѣздъ, направляющійся въ Берлинъ, ровно въ 11 часовъ вечера отошелъ изъ Мюнхена. Въ одномъ изъ спальныхъ отдѣленій находилось двое пассажировъ.

— Неужели,—пронеслось въ головѣ одного изъ нихъ, блѣдномъ и нервномъ молодомъ человѣкѣ съ слегка подведенными тушью глазами, — мнѣ придется провести ночь въ обществѣ этого противнаго урода?.. Видь у него настоящаго желѣзнодорожнаго грабителя!.. И весь рыжій! А руки! Эти громадныя руки точно созданы для того, чтобы душить... Прямо страшно заснуть въ обществѣ такого субъекта!..

Но, видимо, молодой человѣкъ очень усталъ. Въ концѣ концовъ онъ улегся на своемъ диванчикѣ, закрылъ глаза, и минутъ черезъ десять раздался его тонкій, нѣсколько свистящій храпъ.

Вдругъ онъ неожиданно проснулся отъ сильнаго толчка и увидѣлъ сосѣда, стоявшаго у ногъ его. Глаза его горѣли какимъ то зловѣщимъ блескомъ, а въ правой рукѣ онъ держалъ какой то металлическій предметъ, направленный въ сторону спящаго.

— Револьверъ,—пронеслось въ сонномъ

еще мозгу молодого человѣка!—Онъ меня сейчасъ застрѣлить и затѣмъ ограбить... Не даромъ меня мучило предчувствіе. Вотъ онъ уже цѣлится прямо мнѣ въ голову... Нельзя терять ни одной минуты!.. Только быстротой и натискомъ я могу спасти свою жизнь.

Въ мгновеніе ока онъ вскочилъ на ноги, ловкимъ ударомъ выбилъ изъ руки рыжаго субъекта револьверъ, который закатился подъ диванъ, схватилъ своего спутника за горло и, распахнувъ дверцы отдѣленія, закричалъ дикимъ, отчаяннымъ голосомъ:

— На помощь, на помощь!.. Ко мнѣ, ко мнѣ!.. Спасите, грабятъ!..

Эти вопли услышалъ не только проходившій по вагону «оберъ», но и всѣ другіе пассажиры. Въ вагонѣ началась невообразимая паника. Около купэ, откуда раздавались крики, собрался народъ въ самыхъ легкихъ костюмахъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ кондукторъ.

— Онъ пытался застрѣлить меня изъ револьвера, — отозвался молодой человѣкъ, освобождая свою жертву, — но я успѣлъ выбить у него револьверъ изъ рукъ.

— Это же прямо ужасъ, самое неописуемое свинство! — заоралъ рыжій пассажиръ тонкой фистулой, — этотъ сумасшедшій чуть не задушилъ меня. Никакого револьвера у меня нѣтъ, а въ рукѣ я держалъ металлическую флягу съ коньякомъ. Эту флягу, видимо, онъ принялъ за револьверъ. И коньякъ мой весь вылился. Можно ли быть такимъ трусомъ!.. Свинство одно!..

Дѣйствительно, подъ диваномъ нашли алюминіевую флягу съ остатками великолѣпнѣйшаго коньяка. Рыжій же пассажиръ ока-

зался вполнѣ безобиднымъ и мирнымъ берлинскимъ страховымъ агентомъ.

— Да, у страха глаза велики!—замѣтилъ правоучительно сѣдовласый «оверъ»,—но, господа, постарайтесь помириться и заснуть. Вѣдь это же явное недоразумѣніе.

— Простите меня, — обратился молодой человекъ къ своему спутнику, — я случайно двѣ ночи не спалъ, а потому сдѣлался очень нервнымъ. Мнѣ спросонья пригрезилось!..

— Охотно прошу васъ, — отвѣтилъ страховой агентъ, вытаскивая изъ своей сумки нѣсколько проспектовъ, — но при условіи, что вы черезъ меня застрахуете свою жизнь. Въ противномъ случаѣ я подамъ на васъ жалобу. Идетъ?

— Идетъ, — покорно согласился молодой человекъ, — я уже давно собирался это сдѣлать... Въ пользу моего друга!

СЫЩИКЪ.

(Разсказъ полицейскаго комиссара.)

Извѣстная всему веселящемуся Парижу очаровательная балерина Дюлье жила въ маленькомъ особнякѣ на окраинѣ города.

Какъ-то разъ часа въ четыре дня милостивая и разбитная горничная Жермена доложила своей хозяйкѣ, что ее желаетъ видѣть какой-то полицейскій по крайне важному дѣлу.

Хотя балерина собиралась куда-то ѣхать, она все же приняла неожиданнаго посѣтителя. Въ уютный будуаръ артистки горничная ввела молодого и симпатичнаго брюнета, одѣтаго въ щегольской полицейскій мундиръ.

— Видите-ли, сударыня, — конфиденціальнымъ тономъ началъ молодой человекъ, — меня къ вамъ прислалъ господинъ префектъ. У него имѣются точныя свѣдѣнія, что въ эту ночь васъ собирается ограбить шайка опаснѣйшихъ интернаціональных преступниковъ. Господинъ префектъ хочетъ захватить этихъ бандитовъ въ ловушку. По телефону разговоръ можетъ быть перехваченъ, а потому мой начальникъ приказалъ мнѣ лично все вамъ объяснить. Я состою при префектурѣ сыщикомъ. Для того, чтобы дѣйствовать навѣрняка, я долженъ хорошенько ознакомиться съ занимаемымъ вами

помѣщеніемъ. Не разрѣшите ли вы мнѣ обойти всѣ ваши комнаты?

Балерина съ полной готовностью стала показывать сыщику все свое маленькое царство.

— А въ этомъ шкафу, — спросилъ полицейскій, — вѣроятно, хранятся ваши драгоценности?

— О, да! Здѣсь находятся всѣ мои брилліанты, но, кажется, взломать этотъ несгораемый шкафъ не такъ-то легко!?

— Къ сожалѣнію, — возразилъ сыщикъ, — въ нашъ печальный вѣкъ взломщики легко справляются съ самыми замысловатыми замками. Техника у профессиональных воровъ стоитъ очень высоко... Итакъ, именно въ этой комнатѣ за портьерами мы устроимъ засаду и всѣхъ ихъ, голубчиковъ, захватимъ.

— А стрѣлять вы будете? — встревожилась Дюлье, — вдругъ они начнутъ сопротивляться.

— Возможно, что намъ придется пустить въ ходъ и оружіе. Въ нашей практикѣ подобная необходимость встрѣчается очень часто.

— Я боюсь! Что же мнѣ дѣлать? Я умру отъ страха, когда вы начнете палить другъ въ друга.

— Я полагаю, — отвѣтилъ послѣ нѣкотораго раздумья полицейскій, — что лучше всего вамъ эту ночь дома не ночевать. Приѣзжайте не раньше шести часовъ утра. Къ этому времени, увѣренъ, все будетъ кончено... А вотъ потрудитесь взглянуть на эту карточку, удостовѣряющую, что я не самозванецъ, а, дѣйствительно, полицейскій. Теперь народъ вѣдь такой жуликоватый. Довѣрятья никому нельзя.

Молодой человекъ протянулъ балеринѣ карточку со своей фотографіей. На карточкѣ было отпечатано пишущей машинкой, что Густавъ Ренаръ, 26 лѣтъ, состоитъ на службѣ въ парижской префектурѣ. На удостовѣреніи этомъ были и подписи, и оттискъ мастичной печати.

— Счастливо оставаться, сударыня, — вѣжливо проговорилъ полицейскій, получивъ отъ хозяйки всѣ нужныя ему свѣдѣнія. — Господинъ префектъ убѣдительно просить васъ никому рѣшительно обо всей этой исторіи не рассказывать, такъ какъ малѣйшая нескромность можетъ все дѣло испортить: засада наша сорвется. Вы только прикажите вашей прислугѣ, чтобы меня и моихъ помощниковъ подъ вечеръ пустили къ вамъ въ домъ.

Въ тотъ же день послѣ спектакля балерина заявила элегантному и красивому графу де Нульи, одному изъ самыхъ горячихъ ея поклонниковъ, что она намѣрена кутить всю ночь, такъ какъ рѣшила вернуться домой не раньше шести часовъ утра.

Восхищенный графъ, конечно, поспѣшилъ исполнить желаніе дамы своего сердца. Быстро составилаcя небольшая компанія золотой молодежи, которая до шести часовъ утра въ отдѣльномъ кабинетѣ кутила, танцевала и всячески веселилась.

Затѣмъ балерина приказала графу доставить ее домой.

— Зайдите ко мнѣ, — сказала графу Дюлье, когда автомобиль плавно подкатилъ къ ея особняку.

— Какъ дѣла? — спросила балерина горничную, передавая ей свою накидку, — удалась засада? Захватили грабителей? Была стрѣльба?

— Нѣтъ, сударыня, — бойко отапортовала Жермена, — засаду устроили, но никого захватить не удалось. Грабители не пришли, вѣроятно, пронюхали, что ихъ ждутъ. А этотъ полицейскій, который ушелъ со своими товарищами въ три часа ночи, передъ своимъ уходомъ разбудилъ меня и приказалъ вамъ передать, что онъ проситъ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, а грабителей захватить въ другой разъ.

Когда Дюлье подошла къ несгораемому шкафу, желая спрятать туда надѣтыя на ней драгоценности, она съ ужасомъ замѣтила, что шкафъ открытъ, и всѣ ея брилліанты и жемчуга, на нѣсколько милліоновъ франковъ, похищены.

Всѣ энергичныя попытки парижской полиціи найти самозваннаго сыщика и его соучастниковъ ни къ чему не привели.

М Е С Т Ъ .

Шаржъ.

— Знаешь, душка,— обратился знаменитый моложавый еще піанистъ Максъ Граберъ къ своей половинѣ, прохаживаясь по номеру гостиницы, — завтра послѣ концерта я поѣду прямо, не заѣзжая домой, къ банкиру Тропельгейму. Онъ не знаетъ, что ты пріѣхала со мной, а потому пригласилъ меня одного. Ты понимаешь...

— Повимаю одно,— рѣзко прервала мужа фрау Граберъ, поджимая свои тонкія, змѣинообразныя губы, — что ты хочешь ухаживать на свободѣ за этой безстыдной вдовой адмирала фонъ Трейна. Но ты на этотъ вечеръ не поѣдешь! Послѣ концерта я отвезу тебя домой. Понялъ?

Максъ Граберъ не сталъ спорить со своей «Ксантипой», зная, по горькому опыту, что это бесполезно. Но въ душѣ онъ твердо рѣшилъ поѣхать послѣ концерта къ банкиру. Хорошенькая адмиральша, дѣйствительно, очень ему нравилась, и онъ надѣялся, что послѣ вечера проводить ее въ закрытомъ автомобилѣ домой.

На слѣдующій день съ утра фрау Граберъ въ отсутствіи мужа имѣла очень продолжительное совѣщаніе со своей старухой-горнич-

ной, которую обыкновенно возила съ собой. А подь вечеръ горничная вручила своей госпожѣ баночку со словами:

— Насилу достала! Весь Берлинъ обѣгала. Измучилась даже! Пришлось обратиться въ знакомую прачешную. Всего десять!..

Передь концертомъ фрау Граберъ приготовила мужу ффачную сорочку, и очень любезно, хотя и съ кислой улыбкой, помогла ему надѣть ее.

— Мнѣ кажется, душка, — сказалъ піанистъ своей супругѣ, когда автомобиль мчалъ ихъ по ярко освѣщеннымъ улицамъ, — что меня блохи кусаютъ. Какъ я буду играть? Этихъ насѣкомыхъ я не переносу.

— Пустяки, — послѣдовалъ спокойный отвѣтъ, — ты просто нервничаешь! Откуда могутъ быть блохи?..

Во время концерта музыкантъ чувствовалъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ. То спину его, то руки, то грудь все время кусали блохи.

Игралъ онъ ужасно. Такъ плохо онъ еще ни разу въ жизни не игралъ. Публика недоумѣвала, не понимая, что случилось съ ея ку миромъ.

Когда концертъ кончился и въ артистическую съ привѣтливой улыбкой вошелъ банкиръ Тропельгеймъ, артистъ огоршилъ его слѣдующими словами:

— Вы простите меня, но я чувствую себя нездоровымъ и пріѣхать къ вамъ не могу. Если позволите, какъ-нибудь въ другой разъ.

Когда супруги возвращались въ свою гостиницу, піанистъ съ глубокимъ возмущеніемъ началъ жаловаться:

— Какое свинство! Эти проклятыя блохи испортили весь мой вечеръ. Откуда онѣ могли взяться? И это въ лучшей гостиницѣ Бер-

лина!.. А я надѣялся, что такъ пріятно поужинаю у Тропельгеймовъ!

— Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ,—сухо отвѣтила фрау Граберъ, поджимая губы,—вотъ сейчасъ пріѣдемъ, ты пригнешь ванну, надѣнешь чистое бѣлье, а блохъ всѣхъ мы переловимъ и уничтожимъ.

— Да, да, скорѣй бы! — простоналъ пианистъ, хватаясь за разные части тѣла,—это не просто блохи, а какія-то собаки!

Д Ъ Т К А.

Тереза д'Эспиналь, очаровательная, жгучая брюнетка «бальзаковского возраста», считалась образцовой женой и примѣрной матерью. Жоржъ д'Эспиналь, типъ худосочнаго сухаря-чиновника, часто повторялъ своимъ интимнымъ друзьямъ.

— Да, мнѣ въ этой лотереѣ, которая зовется бракомъ, повезло: моя Тереза уже въ теченіе двѣнадцати лѣтъ въ полномъ смыслѣ слова является усладой моей жизни. Не всякому такое счастье!

Г-жа д'Эспиналь вела самый строгій и аккуратный образъ жизни. Даже въ театрѣ ходила чрезвычайно рѣдко. Лишь разъ въ недѣлю около пяти часовъ дня она исчезала изъ дома на довольно продолжительное время.

— Ахъ, эта портниха, — говорила послѣ такого отсутствія Тереза, томно вздыхая, — она прямо замучить можетъ!.. Устала я дьявольски!

— Отдохни, отдохни, душка моя! — благодушно мямлилъ супругъ, пробѣгая свою газету, — я вѣдь отлично понимаю вашу женскую натуру: платья, тряпки эти, составляютъ суть вашего существованія..

— Мамочка, — какъ-то разъ обратилась къ г-жѣ д'Эспиналь ея дочь, десятилѣтняя

бойкая не по лѣтамъ дѣвочка съ очень хитрыми и лукавыми синими глазками, — я сегодня хочу пойти къ д'Обервилямъ. Можно?

— Нѣтъ, дѣтка, нельзя, — спокойно отвѣтила мать, погруженная въ свои мысли.

— А ты, мамочка, сегодня пойдешь къ своей портнихѣ? — послѣдовалъ новый вопросъ.

— Ну, разумѣется!.. Переодѣнусь [только и пойду.

— А я, мама, пойду къ д'Обервилямъ. Луиза меня ожидаетъ; я общалась...

— Я, Мими, уже разъ сказала тебѣ, что ты не пойдешь. Что за разговоры?

— Пойду!

— Нѣтъ!

— Непремѣнно пойду! — общалась!

— Опомнись! Какъ ты смѣешь?!

Мими капризно надула губки, лобикъ ея наморщился, и послѣ довольно длинной паузы она рѣшительно проговорила:

— Если ты меня непустишь къ д'Обервилямъ, я все расскажу папѣ.

— Что, что?! — воскликнула г-жа д'Эспиналь, блѣднѣя отъ негодованія, — что ты скажешь своему отцу, скверная дѣвочка?

— Что я скажу? — прозвучало въ комнатѣ звенящій тонкій голосокъ, — ты думаешь, что я маленькая, глупенькая и ничего не понимаю, а я все, все отлично понимаю... Я знаю, къ какой ты портнихѣ ѣздишь... Разъ ты меня довезла до своей портнихи и затѣмъ на извозчикѣ отослала обратно домой. Но портниха твоя смотрѣла черезъ окно на улицу и послала тебѣ воздушный поцѣлуй... Эта портниха, я узнала ее, — виконтъ д'Эрвье, [который обѣдаетъ у насъ по воскресеньямъ... Вотъ что я расскажу папѣ!

Г-жа д'Эспиналь со стономъ опустилась на кресло. Она не вѣрила собственнымъ ушамъ. Итакъ, она въ полной власти этой преждевременно развившейся дѣвочки, которая однимъ словомъ можетъ разрушить ея семейное благополучіе, ея такъ удобно и пріятно налаженную жизнь. Г-жа д'Эспиналь закрыла лицо руками и горько, горько заплакала, не зная, что предпринять, на что рѣшиться.

— Дорогая мамочка, — вдругъ раздался тихій нѣжный голосокъ дѣвочки, — ты прости меня, я такая злая и гадкая, когда мнѣ отказываютъ въ чемъ-либо... Ну, ну не плачь, не сердись, а то и я начну плакать... Иди одѣваться! Тебѣ пора идти!.. Ты только не сердись на меня... А я ужъ сегодня буду дома сидѣть, если ты этого желаешь.

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣтка, — сквозь слезы проговорила г-жа д'Эспиналь, — я погорячилась: почему тебѣ и не пойти въ гости къ своей подругѣ!? Скажи миссъ Фанни, что я позволила тебѣ пойти къ д'Обервилямъ.

Дѣвочка весело побѣжала къ гувернанткѣ, а Тереза д'Эспиналь начала тщательно переодеваться.

СВИДАНІЕ.

— Опоздала,—съ безпокойствомъ подумалъ Жоржъ дю Креси, глядя на часы,—обѣщала придти въ пять, а сейчасъ десять минутъ шестого. Раздумала?.. Испугалась?.. Она говорить, что это ея первое свиданіе, что я—ея первая любовь...

Молодой человѣкъ закрылъ глаза, и передъ его мысленнымъ взоромъ предстала, какъ живая, очаровательная Жанна Дюпли.

— Подумать только,—пронеслось въ головѣ влюбленнаго,—что, можетъ быть, черезъ мгновеніе я буду сжимать въ своихъ объятіяхъ это божественное тѣло и покрывать страстными поцѣлуями этотъ нѣжный, манящій ротикъ! Отъ одной этой мысли я схожу съ ума...

Въ передней раздался звонокъ. Дю Креси, отпустившій еще съ утра свою прислугу, бросился открывать двери. Передъ нимъ стояла не Жанна, но ея толстякъ—мужъ съ торжественнымъ и озабоченнымъ лицомъ.

— Дорогой другъ,—сказалъ онъ, входя въ комнату и сядясь на турецкій диванъ,—не можете-ли вы меня выручить? Жанна вчера присмотрѣла прелестную дачу, но сейчасъ я случайно узналъ, что надо немедленно внести за нее задатокъ, а то перехватятъ. Владѣлецъ,

къ счастью, живеть въ Парижѣ. Но банки уже закрыты. Не найдется ли у васъ трехъ тысячъ франковъ?

— Конечно, конечно, — заволновался хозяинъ, — деньги у меня есть. Безконечно радъ услужить вамъ!

— Спасибо, голубчикъ, — проговорилъ толстякъ, пряча деньги въ карманъ, — вотъ жена будетъ довольна, когда дача останется за нами!.. Но у васъ, я вижу, для кого-то приготовлено угошеніе: вино, виноградъ, груши, персики!.. Понимаю, понимаю! Дѣло житейское! Не краснѣйте! Стыдиться нечего: всѣ мы люди!

— Нѣтъ, нѣтъ! Увѣряю васъ, что я рѣшительно никого не ожидаю. Это просто такъ.. Быть можетъ, вы что-нибудь позволите? — забормоталъ хозяинъ, чувствуя, что онъ теряетъ голову.

— Не откажусь, не откажусь! — добродушно отозвался гость, подставляя рюмку, — отъ доброй рюмки вина порядочный человѣкъ не вправѣ отказаться.

Только выпивъ три рюмки вина и съѣвъ нѣсколько персиковъ и грушъ, толстякъ, наконецъ, всталъ и заявилъ:

— Ну, пора и честь знать! Спасибо большое!

Дю Креси открылъ входную дверь и остолбенѣлъ: на порогѣ стояла Жанна въ свѣтломъ костюмѣ, вся розовая, трепещущая.

— А ты какъ сюда попала? — съ недоумѣніемъ воскликнулъ Дюпли.

— Я... я, мой другъ, — смущенно залепетала молодая женщина, — искала тебя... на счетъ дачи... Мнѣ... мнѣ сказали, что ты пошелъ сюда. Ну, вотъ я и подумала, что найду тебя здѣсь... Очень просто!

— Умница, — одобрительно бросил толстякъ, — хвалю! Дача останется за нами. Сейчас внесу дачевладѣльцу задатокъ. Возьмемъ такси и въ путь!.. А вамъ, дорогой, спасибо и за деньги, и за дивное венгерское... Желаю пріятно провести время съ той, которую вы поджидаете, — пепнулъ онъ въ заключеніе молодому человѣку, пожимая ему горячо руку.

Дю Креси, посылая толстяка ко всѣмъ чертямъ, вернулся въ свой уютный кабинетъ и съ бѣшенствомъ посмотрѣлъ на турецкій диванъ, на которомъ только-что сидѣлъ Дюпли.

А Р Т И С Т Ъ .

Модный писатель Жакъ де Курси только-что всталъ. Онъ находился въ сквернѣйшемъ расположеніи духа. Послѣднее время ему не везло и въ картахъ, и въ любви, и даже въ денежныхъ биржевыхъ операціяхъ.

Въ кабинетъ вошла горничная съ визитной карточкой, на которой значилось: «Карль-Марія Дюмени. Драматическій артистъ».

Де Курси поморщился. Онъ зналъ Дюмени очень мало, рѣдко встрѣчая его у однихъ общихъ знакомыхъ.

— Просите!—со вздохомъ бросилъ онъ горничной.

Въ комнату вошелъ красивый блондинъ съ бритымъ лицомъ и необыкновенно длинными и пушистыми волосами. Лицо его было печально, значительно и торжественно.

— Видите-ли, — началъ онъ пѣвучимъ, пріятнымъ и мягкимъ басомъ, когда хозяинъ усадилъ его и предложилъ папироску, — мнѣ, право, страшно совѣстно, но иногда обстоятельства такъ складываются, что надо забыть и о своемъ самолюбіи и о правилахъ элементарнаго житейскаго такта. Я васъ лично знаю мало, но знаю хорошо ваше сердце по вашимъ дивнымъ произведеніямъ. Вы единственный

человѣкъ въ мірѣ, который правильно пойметъ мою психологію. Суть вся въ томъ, что сегодня я получилъ телеграмму изъ Марсея, гдѣ живетъ моя мать. Она при смерти и передъ роковымъ неизбѣжнымъ концомъ хочетъ въ послѣдній разъ обнять меня. Вы понимаете сами, что такое мать? Я долженъ, я обязанъ немедленно выѣхать къ матери, но.. но сейчасъ я сижу абсолютно безъ денегъ, а потому обращаюсь къ вамъ, какъ къ великому сердцевиду...

— Простите меня,—сухо и рѣшительно прервалъ хозяинъ своего гостя,—сейчасъ я не могу вамъ дать и ста франковъ.

Этотъ отказъ, однако, артиста ничуть не смутилъ. Онъ смахнулъ слезу, наворачнувшуюся въ уголки глаза, и продолжалъ:

— Умоляю васъ выслушать меня до конца!...

Говорилъ онъ минутъ двадцать. Говорилъ съ такимъ жаромъ, съ такой убѣдительностью, такъ задушевно и трогательно, отдавъ должное уму и таланту де Курси и назвавъ его законнымъ преемникомъ Альфонса Додэ, что писатель въ концѣ концовъ растаялъ и подумалъ:

— Онъ заставитъ меня самого плакать. Играть такъ комедию невозможно. Видимо, дѣйствительно, онъ искренно любитъ свою мать. Выручу его!

Кончилось тѣмъ, что актеръ со слезами благодарности унесъ двѣ тысячи франковъ, обѣщая отдать ихъ черезъ нѣсколько дней.

Въ тотъ же день вечеромъ де Курси, ужинавшая съ извѣстнымъ художникомъ Мельвилемъ, рассказалъ ему о посѣщеніи Дюмени.

— Эхъ, старина, старина!—расхохотался Мельвиль,—ловко этотъ актеришка нагрѣлъ

тебя! Но ты не огорчайся. Ровно двѣ недѣли тому назадъ при аналогичныхъ обстоятельствахъ онъ выудилъ у меня двѣ тысячи франковъ. Дѣло только шло не объ умирающей матери въ Марселѣ, а о тяжело больномъ отцѣ въ Ліонѣ. Да, играетъ онъ роль нѣжнаго сына, спѣшащаго къ умирающей мамѣ или кончающемуся папѣ, великолѣпно, потрясаетъ прямо! Будемъ утѣшаться тѣмъ, что мы видѣли талантливѣйшаго артиста въ его коронной роли! А денежекъ нашихъ намъ, конечно, не видать!.. Твое здоровье, старина!

А Л И Б И.

Миніатюра.

— Итакъ, — обратился слѣдователь къ молодому элегантному человѣку, сидѣвшему противъ него, — вы категорически заявляете, что въ моментъ убійства старухи Жако находились въ кафе «Краснаго Пѣтуха»?

— Это же вполне установлено, господинъ слѣдователь, — мягко и вкрадчиво отозвался молодой человѣкъ, котораго звали Полемъ Пти. — Старуха Жако, согласно всѣмъ даннымъ полицейскаго дознанія, убита между десятью и одиннадцатью часами вечера, а я въ этотъ день съ восьми часовъ до часу ночи провелъ въ «Красномъ Пѣтухѣ», гдѣ меня видѣли и со мной говорили не только хозяинъ и прислуга, но и полтора десятка посѣтителей. Всѣ они единогласно подтвердили этотъ фактъ!

— Да, такъ! — со вздохомъ согласился слѣдователь, — хотя, не скрою, противъ васъ имѣется рядъ серьезныхъ уликъ, но алиби ваше стоитъ твердо. Если бы не всѣ эти показанія, устанавливающія непоколебимо пребываніе ваше въ «Красномъ Пѣтухѣ» въ моментъ убійства...

— То вы привлекли бы меня къ этому дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, — закончилъ за своего собесѣдника Пти.

Слѣдователь молча утвердительно кивнулъ головой, задумался и затѣмъ медленно проговорилъ:

— Вы можете итти! Если откроется что-либо новое, я васъ опять вызову. А пока вы свободны.

Молодой человѣкъ всталъ, сдѣлалъ учтивый поклонъ и не спѣша вышелъ изъ комнаты съ гордо поднятой головой. На улицѣ онъ взялъ такси и въ скоромъ времени очутился на окраинѣ Парижа. Здѣсь, отпустивъ такси, онъ вошелъ въ небольшой домикъ, окруженный садомъ.

Въ передней его встрѣтилъ изумительно на него похожій человѣкъ.

— Ну, что, Поль, — съ тревогой спросилъ онъ, — все благополучно?

— Вполнѣ, Жакъ. Слѣдователь убѣжденъ, что мое алиби установлено незыблемо. Конечно, онъ что-то подозреваетъ, но противъ фактовъ вѣдь не пойдешь... Но какъ это мы ловко все обдѣлали! И какъ хорошо, что послѣдніе годы ты жилъ постоянно въ Америкѣ! Никто здѣсь и не догадывается, что у меня имѣется братецъ-близнецъ, похожій на меня, какъ двѣ капли воды.. Сегодня же, Жакъ, нѣсколько измѣнивъ свою наружность, тебѣ придется съ миллионами тетки Жако отправиться въ Гавръ, а оттуда въ Америку. Я же присоединюсь къ тебѣ только черезъ нѣкоторое время, чтобы не возбуждать лишнихъ толковъ.

Черезъ три года слѣпой случай помогъ судебнымъ властямъ обнаружить, что старуху Жако убилъ и ограбилъ Поль Пти. Убийцѣ было извѣстно, что чудака-старуха, не довѣряя

банкамъ, держала всѣ свои капиталы при себѣ. Это и соблазнило его.

Въ то время, когда Поль Пти убивалъ тетку Жако, братъ его Жакъ сидѣлъ въ «Красномъ Пѣтухѣ», стараясь быть на виду. Приѣздъ Жака изъ Америки за день до преступленія, проживаніе его на окраинѣ Парижа въ изолированномъ домикѣ, — все это заранѣе было обдуманно и подстроено ловкими преступниками.

Впрочемъ, въ руки правосудія они все же не попали, такъ какъ, узнавъ, что французская полиція ихъ разыскиваетъ, Поль и Жакъ Пти переѣхали въ Южную Америку, гдѣ слѣдъ ихъ окончательно затерялся.

В О Р Ъ.

Миниатюра.

Романъ молодого адвоката Анри Клери протекалъ съ кинематографической быстротой.

Черезъ какихъ-нибудь три недѣли его знакомства съ обворожительной Бертой Зальцштейнъ, супругой пожилого банкира, молодому человѣку во время одного изъ свиданій въ Луврскомъ музеѣ шепнули:

— Ну, хорошо! Но къ вамъ я ни за что не приду. Боюсь! Я такая трусиха. Приходите вы ко мнѣ. У меня отдѣльная спальная, куда мужъ мой никогда не заглядываетъ, такъ какъ уже больше года онъ увлекается балериной Пико. Въ два часа ночи войдите въ нашъ садикъ. Я вамъ дамъ запасный ключъ отъ калитки. У садоваго домика стоитъ лѣстница. Эту лѣстницу вы приставьте къ окну кабинета мужа. Окно будетъ открыто, и я васъ буду ожидать въ кабинетѣ. Поняли?

Анри, конечно, все понялъ отлично. Онъ предпочелъ бы принять Бертю въ любое время въ своей уютной холостой квартиркѣ, но, считаясь съ нѣсколько эксцентричной натурой своей страсти, поспѣшилъ поцѣловать прелестную ручку, которую схватилъ налету, и съ жаромъ отвѣтилъ:

— Благодарю, благодарю васъ, дорогая, несравненная! Ровно въ два часа ночи я буду въ кабинетѣ.

На этомъ они разстались, а ночью въ назначенное время безъ какихъ-либо затрудненій Клери проникъ въ садикъ особняка банкира, приставилъ лѣстницу къ окну кабинета и попалъ прямо въ объятія своей возлюбленной, которая, ни слова не говоря, взявъ его за руку, быстро увлекла по коридору въ свою спальню...

— Ну, милый, теперь уходи! Пора! — прошептала въ четыре часа ночи Берта, давая ошарашенному молодому человѣку прощальный поцѣлуй, — возвращайся той-же дорогой, то есть черезъ кабинетъ. Окно я закрою послѣ. Не забудь поставить на мѣсто лѣстницу! До скорого, мое сокровище!

Анри Клери быстро одѣлся, безшумно проскользнулъ по коридору и вошелъ въ кабинетъ.

— Что это такое? — съ удивленіемъ подумалъ онъ, очутившись въ полной темнотѣ, — занавѣсы спущены, ничего не видно.. Какъ я найду окно? И забылъ захватить фонарикъ!.. Ужъ не ошибся ли я?! Вотъ положеніе!

Тутъ онъ нечаянно задѣлъ какой-то столикъ съ фарфоромъ. Столикъ покачился. Раздался страшный грохотъ.

— Что за дьяволъ? Кто здѣсь? — слышался голосъ банкира.

Въ то же мгновеніе мягкій свѣтъ залилъ комнату, такъ какъ Зальцштейнъ повернулъ выключатель электрической лампочки, которая стояла на его ночномъ столикѣ.

— Это вы, господинъ адвокатъ Клери? — съ удивленіемъ протянулъ банкиръ, соскакивая съ постели, — какимъ образомъ вы по-

пали въ мою спальню?.. Впрочемъ, ясное дѣло, что вы хотѣли меня ограбить. Руки вверхъ, молодой воръ, или я васъ пристрѣлю, какъ собаку!

Одновременно хозяинъ направилъ на своего непрошеннаго гостя браунингъ, который взялъ со стола.

— Я... я... — началъ бормотать растерявшийся Анри, поднявъ обѣ руки вверхъ, — я, право, вы не подумайте...

— Думать нечего, — прервалъ его сухо банкиръ, — вы забрались ко мнѣ, чтобы ограбить меня. Другой цѣли посѣщенія моего дома въ четыре часа ночи быть не можетъ.. Или вы явились сюда съ другимъ намѣреніемъ?

Анри Клери ничего не отвѣтилъ. Не могъ же онъ объяснить мужу, что попалъ въ любовники его жены.

— Идите впередъ, — приказалъ Зальцштейнъ, — прямо... направо... такъ!

Хозяинъ ввелъ Анри въ свой кабинетъ, усадилъ его за письменный столъ и повелительно проговорилъ:

— Вотъ бумага, перо!.. Пишите!.. «Я, Анри Клери, сознаюсь въ томъ, что въ ночь на 10 мая 1925 года проникъ при помощи взлома окна въ особнякъ г. Леона Зальцштейна, находящійся въ Парижѣ на улицѣ Шабанэ подъ № 23, съ цѣлью ограбленія, но намѣренія своего не выполнилъ, такъ какъ былъ застигнутъ хозяиномъ на мѣстѣ преступленія...» поставьте внизу дату и подписи!.. Такъ!

Когда письмо было написано, банкиръ, указывая на полуоткрытое окно, съ саркастической улыбкой, скандируя каждое слово, сказалъ:

— Теперь, молодой человѣкъ, лѣзьте об-

ратно въ окно... И помните, что вы должны совершенно забыть о моемъ существованіи и.. о существованіи моей жены. Иначе вамъ не миновать тюрьмы и скандала. Надѣюсь, вы поняли? Съ Богомъ!

Когда Зальцштейнъ выходилъ изъ кабинета, въ коридорѣ онъ столкнулся съ Бертой, которая въ легкомъ пеньюарѣ спѣшила въ кабинетъ, чтобы закрыть окно.

— Не трудитесь,— бросилъ ей мужъ, — окно я уже закрылъ... Къ намъ забрался воръ, но я его выпроводилъ и увѣренъ, что въ другой разъ онъ къ намъ не явится... Имѣйте въ виду, моя дорогая, что я не люблю скандаловъ, и цѣню васъ какъ хорошую хозяйку, но, если это повторится, вы очутитесь на улицѣ. Спокойной ночи!..

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	стр.
1. Строштивый генераль-адъютантъ	3
2. Ключки воспоминаній	19
3. Стимуль	46
4. Пуговица	58
5. Разсказъ о разсказѣ	66
6. Судьба	69
7. Косточка	73
8. Куколка	80
9. Быкъ	86
10. Аннуляція	90
11. Слухъ	94
12. Краски	103
13. Крысы короля	112
14. Затравленный монахъ	116
15. Находчивость	120
16. Гипнотизёръ	123
17. Экзамень	126
18. Предательство	129
19. Страхъ	132
20. Сыщикъ	135
21. Местъ	139
22. Дѣтка	142
23. Свиданіе	145
24. Артистъ	148
25. Алиби	151
26. Воръ	154

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

«ЗАРЕВО». Романъ.

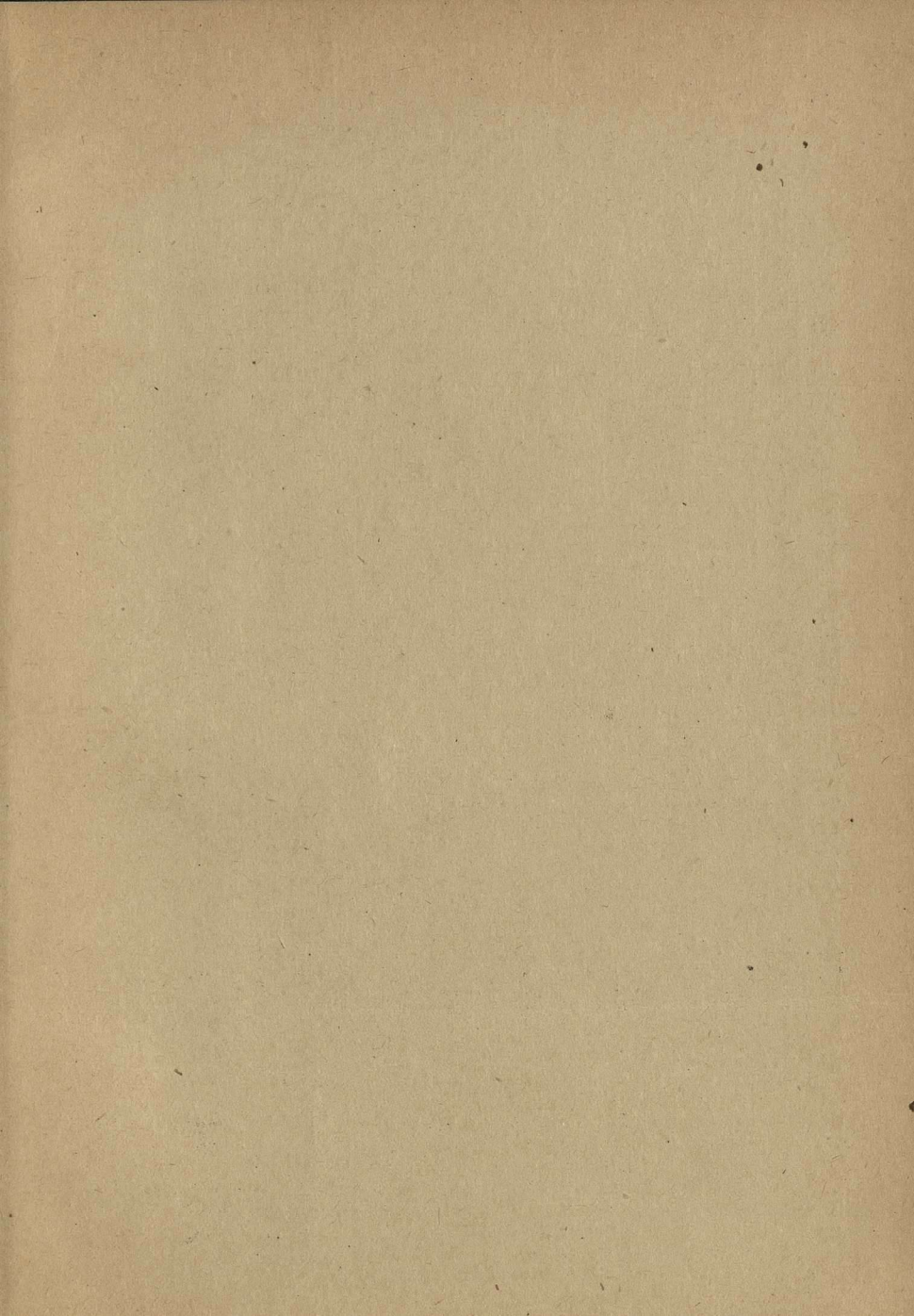
«ЖИВЫЕ и МЕРТВЫЕ». Романъ.

«ВЪ КУРЛЯНДСКОМЪ ЗАМКЪ». Романъ.

«ГРАФИНЯ ДЮМОНТЭЛЬ». Романъ эмигрантки.

Съ требованіями о высылкѣ произведеній
барона фонъ Нолькена слѣдуетъ обращаться
къ М. М. Дидковскому по адресу:

М. Didkovsky, Lettonie. Rīgā, Valņu ielā № 43/45.

М. ДИДКОВСКИЙ, Издательство. Книжный складъ.

РИГА, Крѣпостная, 43/45.

—:—

—:—

Телефонъ 2-2-6-0-1.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЦѢНА каждого №: въ Латвіи Ls 1., Литвѣ Lt 2., Эстоніи Mk 80, Польшѣ Zlot 2,50, въ прочихъ странахъ ам. долл. 0,45.

№ 5. С. Р. Минцловъ. Чернокнижникъ.

№ 6. Гр. Е. А. Салиасъ. Фрейлина Императрицы (Яункундзе), романъ.

№ 7. Н. Никандровъ. Романъ Ксеніи.

№ 8. Всеволодъ Соловьевъ. Волхвы (Графъ Калиостро), романъ, томъ I.

№ 11. И. Наживинъ. Прорва. Бѣженскій романъ.

№ 12. Всеволодъ Соловьевъ. Волхвы (Графъ Калиостро), романъ, т. II — конецъ.

№ 13. Юрій Галичъ. Орхидеи (тропическія рифмы.)

№ 14. Н. А. Лаппо-Данилевская. Пустоцвѣты, романъ.

№ 16. В. И. Крыжановская. Два Сфинкса I

№ 17. В. И. Крыжановская. Два Сфинкса II.

№ 18. Юрій Галичъ. Островъ Жасминовъ, романъ.

№ 19. Н. Н. Брешко-Брешковский. Романъ „Манекена“.

№ 20. Борисъ Лазаревскій. Грѣхъ Парижа.

№ 23. М. Первухинъ. Жемчужное Ожерелье, романъ.

№ 24. Андрей Задонскій. Ступени, романъ.

№ 25. Ив. Конопалинъ. Желѣзное Колѣцо, романъ.

№ 26. Баронъ Иванъ фонъ Нолькенъ. Въ Курляндскомъ Замкѣ, романъ.

№ 27/28. Баронъ Иванъ фонъ Нолькенъ. Графиня Дюмонтэль, ром.

№ 29. Леонидъ Зуровъ. Кадетъ, повѣсть.

№ 30/31. Юрій Галичъ. Золотые Корабли, скитанія.

№ 32/33. В. И. Крыжановская (Рочестеръ) Грозный Призракъ, оккультный романъ.

№ 34. Александра Мазурова. Земля, романъ (съ предисловіемъ Георгія Гребенщикова).

№ 35/36. А. Н. Лаппо-Данилевская. Милліоны Бурлаковыхъ, ром.

№ 37. В. А. Вреде. Иванъ Петровичъ, романъ.

№ 40. Ж. Г. Буржа. Магія

№ 41. В. А. Вреде. Руководѣніе (Хирология).

№ 45. И. С. фонъ Нолькенъ. Строптивый Генераль-адъютантъ.

№ 46. Е. Магнусгофская. Неубій. сборникъ рассказовъ.

КНИГИ ВНѢ СЕРІИ.

Дм. Адамсъ. Обнаженная. Ls. 1.50, ам. долл. 0,45.

Пьеръ Бенуа. Колодезь Іакова Ls. 1.—, ам. долл. 0,45.

Викторъ Маргеритъ. Новое Поколѣніе Ls. 1.—, ам. долл. 0,45.

Бар. Иванъ фонъ-Нолькенъ. Заревъ, Ls. 4.—, ам. долл. 1,15.

Бар. Иванъ фонъ-Нолькенъ. Живые и Мертвые, романъ. Ls. 4.—, ам. долл. 1,15.

Segittarius. У Приоткрытой двери, оккультные рассказы. Ls. 1.50, ам. долл. 0,40.

Segittarius. Chevalier и Любовь, романъ, Ls. 3.50, амер. долл. 0,75.

Георгій Брицъ. Адамовъ Мостъ, романъ, Ls. 2.—, амер. долл. 0,60.

Иванъ Филибустровъ. Сонникъ Ls. 0,20, амер. долл. 0,08.

Скоттъ и Брей. Практич. англ. учебникъ I. Ls. 3.—, ам. долл. 0,60.

Э. А. Вердинскій. Годъ Революціи Ls. 2.—, ам. долл. 0,40.

А. П. Эйлеръ. Экономическія основы процесса общественнаго творчества. Ls. 6,30, ам. долл. 1,25.

Ел. Исаева. Рассказы. Ls. 0,50 ам. долл. 0,20.

Эгудо Фридь. XI-я Заповѣдь (1947 годъ). Ls. 1.—, ам. долл. 0,40

Г. Бендеръ. Этика Іудаизма. Ls 5.—, ам. долл. 1,25.

Э. Зоботтъ. Послѣдній авантюра, романъ } Ls 2.—, ам. дол. 0,75.

Г. Г. Эверсъ. Превращенная въ мужчину, ром.

